

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ли Яньянъ

**КОННОТАТИВНАЯ СИСТЕМА СУБСТАНТИВА В
ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ
СМИ)**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель

доктор филологических наук

профессор кафедры русского языка

Чернейко Людмила Олеговна

Москва – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Теоретическая основа исследования.....	13
1. Функционально-стилистическая дифференциация языка.....	13
1.1. Понятие «функциональный стиль».....	13
1.2. Публицистический стиль и язык СМИ.....	19
1.3. Специфика текстов СМИ.....	24
2. Коннотация как одна из разновидностей проявления прагматики содержания знака.....	33
2.1. Понятие «коннотативная система» в лингвистике.....	33
2.2. Типология коннотаций.....	44
2.3. Коннотация и проекция.....	53
Основные выводы.....	63
Глава II. Коннотативный ореол абстрактных имен в текстах СМИ.....	66
1. Лингвистический статус АИ.....	66
2. Дескриптивные прилагательные в роли коннотаторов АИ.....	79
2.1. Коннотация и прилагательные цветообозначения.....	79
2.2. Коннотации АИ в сочетаниях с прилагательными цветообозначения....	88
3. Глаголы физического действия в роли коннотаторов АИ.....	98
3.1. Глагол физического действия в качестве вторичного предиката АИ....	98
3.2. Коннотации АИ в сочетаниях с глаголами физического действия.....	101
4. Предметные имена в роли коннотаторов АИ.....	110
Основные выводы.....	121
Глава III. Аббревиация в свете теории универбации и функция аббревиатур в СМИ.....	123
1. Лингвистический статус аббревиатур... ..	123
1.1. Понятие «аббревиация» в лингвистике.....	123
1.2. Аббревиатура как языковой знак особого рода.....	125
2. Аббревиатура в зеркале ее восприятия.....	136

2.1. Употребление аббревиатур в текстах современных СМИ.....	136
2.2. Специфика функционирования аббревиатур в текстах современных СМИ.....	142
3. Аббревиатура как инструмент оценки и как участник языковой игры...149	
Основные выводы.....	161
Глава IV. Прецедентные имена и их функции в СМИ	163
1. Лингвистический статус прецедентных имен собственных.....	163
1.1. Специфика имен собственных.....	163
1.2. Понятие «прецедентное имя» (ПИ).	168
2. Прецедентное имя в системе прецедентного феномена (ПФ). ..	174
2.1. Употребление ПФ в текстах СМИ.....	174
2.2. ПИ как сокращенное представление (имя-символ) ПФ.....	177
3. Прецедентное имя и его вторичные коннотации в СМИ.....	184
3.1. Функционирование ПИ на страницах современных СМИ.....	184
3.2. Новые коннотации ПИ в текстах современных СМИ.....	188
Основные выводы.....	198
Заключение.....	200
Библиография.....	206
Приложение.....	223

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационная работа посвящена изучению коннотативной системы субстантива в функциональном аспекте на материале текстов (письменных и устных) современных российских средств массовой коммуникации.

Пришедшее из логики понятие «коннотация» с момента своего появления в языкознании стало предметом внимания многих исследователей (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Р. Барт, Л. Блумфилд, В.И. Говердовский, Л. Ельмслев, О.Г. Ревзина, В.Н. Телия, У. Эко и др.), а его обсуждение привело к разным векторам понимания термина «коннотация». Сложившееся в лингвистике к настоящему времени широкое понимание обладает одним из важных для когнитивистики свойств – амбивалентностью, позволяющей применять этот термин как к языковому знаку, так и к семиотизированному фрагменту внеязыковой действительности. Было сформулировано несколько определений данного термина, не в полной мере совпадающих друг с другом, однако мнения всех исследователей сходятся в том, что коннотация тесно связана с прагматическим значением слова, фиксирующим отношение между знаком и производителем речи (говорящим) и что в эксплицированной или имплицитной коннотации представлена сопровождающая понятие о предмете его эмоционально-оценочная характеристика.

Термин «коннотация» является лингвистическим средством (инструментом), фиксирующим универсальную способность знака выполнять вторичные функции, что и приводит к асимметрии означающего и означаемого. Термин «коннотативная система» (в противоположность системе денотативной) введен Р. Бартом, определившим ее как систему, «план выражения которой сам является знаковой системой»¹. Р. Барт также считал, что «будущее принадлежит коннотативной лингвистике»², поскольку на базе денотативной системы, состоящей из естественных языковых знаков, непрерывно возникают ее

¹Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 157.

²Барт. Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С.158.

вторичные «надстройки» (коннотативные системы), а такой процесс непосредственно соприкасается с проблемами исторической антропологии.

Коннотативная система единиц лексикона русского языка достаточно хорошо изучена и описана в лексикографических источниках. Но динамике, функциональному аспекту исследования коннотаций таких значимых для СМИ единиц, как абстрактные имена (АИ) (а именно они входят в основной состав знаменательных «ключевых слов» культуры и ее определенного периода, «момента»), аббревиатуры и прецедентные имена (ПИ) в их вторичной функции, уделено гораздо меньше внимания.

В рамках проведенного исследования были поставлены следующие **цели**: 1) изучить коннотативную систему лексикона языка в ее текстовом, динамическом, т.е. в функциональном аспекте; 2) выявить а) влияние возникающих в речи и закрепившихся в пространстве СМИ ассоциаций («неоконнотаций») на структуру разных по семиотическому статусу единиц лексикона, что важно для лингвистики речи (коммуникативистики), и б) аксиологическую позицию слушающего (читающего) в восприятии им таких вторичных языковых знаков, как аббревиатура и прецедентное имя.

Следует особо отметить, что **основная задача** исследования состояла в обнаружении коннотаций трех типов избранных имен существительных в современных текстах СМИ, поэтому главный вектор анализа представлен как движение от текста к знаку, а не от знака к тексту. Следствием такого подхода является не составление конкорданса при заранее отобранных именах, а выявление имен, обнаруживших в контексте (совокупности контекстов) нетривиальные ассоциативные смыслы.

Достижение поставленных целей потребовало решения и более **частных задач**, к которым относятся следующие:

1) Рассмотрение ключевых понятий «коннотация», «денотация», «коннотативная система», «денотативная система», «проективный смысл», «абстрактное имя», «аббревиатура», «прецедентное имя» и семантизация триады

терминов «ассоциация – коннотация – проекция»;

2) Исследование абстрактных имен в аспекте выявления их «вещных» (когда в фокусе внимания сочетания АИ с дескриптивными прилагательными, глаголами ненаблюдаемых действий и состояний – это «дескриптивные» глаголы, по Н.Д. Арутюновой, и предметными именами в функции «скрытых» предикатов) и «невещных» (логических, стилистических) коннотаций;

3) Изучение возникающих новых ассоциаций аббревиатур, закрепившихся в пространстве СМИ в виде неоконнотаций, с акцентом на их новизне, не зафиксированной существующими базами (толковыми словарями и НКРЯ);

4) Рассмотрение нестандартного употребления в СМИ прецедентных имен.

Объектом настоящего исследования являются коннотации семиотически разноприродных лексических единиц, взятые в их функциональном аспекте, а **предметом** исследования – коннотативный ореол абстрактных имен, коннотации аббревиатур и коннотативные значения прецедентных имен, реализующиеся в текстах современных российских СМИ и реконструируемые по нестандартным контекстам употребления (для АИ – по сочетаемости с вторичными предикатами).

Материалом для проведения данного исследования послужили тексты разных по мировоззренческой позиции газет и журналов, вышедших за период 2015-2020 гг.: «Известия», «Коммерсантъ», «Литературная газета», «Независимая газета», «Огонек», «Профиль», «РИА Новости», «Российская газета», «Эксперт», «7 дней» и др., а также устные тексты радио: «Радио Sputnik», «Коммерсантъ FM 93.6». Кроме собственноручно выполненных записей из указанных источников использованы данные «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) и «Корпуса газет конца 20-го века» (ЛОКЛЛ филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова), а также привлечены материалы из картотеки Л.О. Чернейко. Всего выбрано 700 контекстов, но в работе исследовано около 500 (494). Количество выбранных из исследованных контекстов лексических единиц распределяется следующим образом: АИ – 60, аббревиатур – 56, ПИ – 31 (список представлен в Приложении).

О степени разработанности проблемы можно судить по достижениям в области ассоциативной лингвистики (В.А. Долинский, Ю.Н. Караулов, И.В. Ружицкий), изучения коннотативной системы единиц лексикона (Ю.Д. Апресян, О.Г. Ревзина, В.Н. Телия), семантики и прагматики абстрактного имени (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Л.О. Чернейко), аксиологии и эмотиологии (Е.М. Вольф, Т.В. Григорьева, В.И. Шаховский), аббревиатур (Е.А. Земская, Е.В. Клобуков, А.П. Сковородников), прецедентных феноменов (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, В.Н. Телия), языка СМИ (М.Н. Володина, Т.Г. Добросклонская, Г.Я. Солганик).

Теоретико-методологической базой проведенного диссертационного исследования послужили основные положения семиотики, лексической семантики, лингвокультурологии и лексикографии, разработанные в трудах Ю.Д. Апресяна, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюновой, Р. Барта, А. Вежбицкой, В.В. Виноградова, Т.Г. Винокур, И.Р. Гальперина, Д.Б. Гудкова, Т.Г. Добросклонской, Л. Ельмслева, Е.А. Земской, Ю.Н. Караулова, Е.В. Клобукова, М.Н. Кожиной, В.Г. Костомарова, С.А. Кузнецова, Д. Лакоффа, А.Ф. Лосева, Е.А. Нахимовой, М.В. Панова, Б. Рассела, Е.В. Рахилиной, О.Г. Ревзиной, В.З. Санникова, Г.Я. Солганика, Ф. де Соссюра, Ю.С. Степанова, А.В. Суперанской, В.Н. Телия, В.А. Успенского, А.А. Уфимцевой, Л.О. Чернейко, Н.Ю. Шведовой, А.Д. Шмелева, Д.Н. Шмелева, У. Эко и др.

В диссертационной работе в основном используются такие **методы** работы с материалом, как наблюдение, сплошная выборка, и такие виды его анализа, как контекстный, лексикографический, сопоставительный (сравнение выделенных в контексте смыслов со словарными значениями, а также с данными баз НКРЯ и ЛОКЛ филологического факультета МГУ).

Достоверность полученных результатов обеспечивается объемом выбранного материала (из 700 контекстов проанализировано 494, список имен, выбранных из контекстов, – 137). Достоверность полученных результатов исследования материала обеспечена их верифицируемостью, надежностью

использованных методов анализа и опорой на достижения ведущих специалистов в области лексической семантики и прагматики.

Актуальность и новизна проведенного исследования определяется и ее междисциплинарным характером, производным от выбора материала для изучения (это в первую очередь собранные методом сплошной выборки контексты из современных российских СМИ, письменных и устных, являющихся ареной мировоззренческой борьбы), и подчиненным единой лингвистической задаче объединения в одном исследовании совершенно разных по их семиотическому статусу имен существительных.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней а) анализируются окказиональные ассоциации (неоконнотации) имен разных семиотических статусов (абстрактных субстантивов, аббревиатур, прецедентных имен) и обосновывается возможность их реконструкции для абстрактного феномена с применением такого простого и эффективного инструмента, как «проективный смысл»; б) аббревиатура, выполняющая сугубо номинативную функцию в профессиональных сферах и трактуемая лингвистикой как вторичный и несамостоятельный знак-дублет по отношению к производящей базе, рассматривается в аспекте обретения ею в текстах современных российских СМИ статуса самостоятельного слова за счет выполнения аббревиатурой оценочной функции; в) выявляется и теоретически аргументируется причина асимметрии прецедентных имен – это их вторичная функция, рождающая окказиональное переносное значение; оппозиция «имя собственное (ИС) в его вторичной функции – прецедентное имя (ПИ)» превращается в триаду «ИС – ПИ₁ – ПИ₂» (вторичная функция возникает за счет появления новых ассоциаций или изменения уже существующих).

Практическая ценность результатов проведенного диссертационного исследования заключается в возможности включения их в учебные курсы и спецкурсы по лексикологии, когнитивной семантике, лексикографии, прагматике, исследовательской практике, а также по такому относительно новому

междисциплинарному научному направлению, как рецептивная лингвистика.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. К общетеоретическим положениям относятся те, которые связаны с лингвистическим инструментарием. **Первое.** Термин «коннотация» в современной лингвистике расширил зону своей референции, что привело к возникновению и закреплению в лингвистике видовых аналитических терминов «вещные коннотации», «стилистические коннотации», «культурные коннотации», уточняющих родовое для них понятие «коннотация». В настоящей работе используется термин «проекция», связанный с коннотацией, который получил следующую семантизацию в триаде терминов «ассоциация» – «коннотация» – «проекция»: «ассоциация» – наиболее широкое понятие, применимое ко всем ассоциативным связям слова (метафорическим и метонимическим, парадигматическим и синтагматическим), «коннотация» – узаконенные, принятые языком ассоциации имен существительных вне зависимости от их семиотического статуса (это и предметные существительные, и абстрактные, зависимые в своем дискурсном существовании от чувственно воспринимаемой сферы опыта), «проекция» – узаконенные (коннотации), а также окказиональные ассоциации, в которых ассоциативно связанная пара находится в неравноправных когнитивных отношениях, когда менее известное (и понятное) подчинено более известному, что проявляется в проекции первого на второе, а абстрактный феномен проецируется на предметную сферу опыта, что проявляется в сочетаемости его имени. **Второе.** Следует отметить, что аналитический термин «окказиональная коннотация», принятый в современной лингвистике, является логически противоречивым, своего рода оксюмороном. Тем не менее в тексте представленной работы он употребляется на равных правах с более логичным термином «окказиональная ассоциация», что позволяет считать термины дублетами, а их сосуществование определяется исключительно требованиями контекста.

2. Дескриптивное прилагательное, дескриптивный глагол и предметное имя

выступают в качестве метафоризаторов абстрактных субстантивов. В текстах современных СМИ предпочитают употреблять нетривиальные словосочетания абстрактных имен с такого рода метафоризаторами, например, *желтое настроение, коррупция разъедает общество, болото либерализма* и под., в которых неоконнотации абстрактных феноменов (А-феноменов) проявляются и закрепляются за называющими их именами. Распространенной является сочетаемость АИ с глаголами ненаблюдаемых действий типа *экспортировать коррупцию*, в которой проявляются «невещные» (логические) коннотации А-феномена (коррупция) в рамках когнитивной метафоры с имплицитным вспомогательным субъектом, извлекаемым из сочетаемости глагола в его прямом значении с именем стандартного объектного актанта, имя которого *товар*. Степень полноты ассоциативной парадигмы абстрактного имени повышается за счет окказиональных ассоциаций А-феномена, направляющих сочетаемость «своего» имени (АИ) и проявляющихся в ней, что и приводит к расширению синтагматических связей АИ.

3.1. Наблюдения за поведением аббревиатур (акронимов и сложносокращенных слов) в современных российских СМИ приводят к выводу, что этот компрессив, традиционно рассматривавшийся как семантический дублет производящей базы, обретает статус самостоятельной единицы языка со своими лингвистически значимыми особенностями за счет актуализации тех прагматических смыслов, которые связаны с выполняемой аббревиатурой экспрессивной функцией (*креакл, бюрнес, смомби*). Создание таких аббревиатур-неологизмов, языковая основа самостоятельности которых — прагматический элемент содержания (пейоративная, как правило, оценка), является характерной чертой языка современных СМИ.

3.2. Из сугубо номинативных единиц многие аббревиатуры переходят в разряд оценочных, а одним из действующих механизмов изменения их статуса в языке является паронимическая аттракция (*коронОРВИрус, КоАПать, ИННовация*). За счет механизма паронимической аттракции акроним вставляется

в хорошо известные слова на правах их квазиэтимологической части, выделяемой графически, что создает смысловую двумерность нового «слова-чемодана» вследствие совмещения в одном означающем разных означаемых. Наблюдается нарастающая в соответствии с количеством проникающих в СМИ (а через СМИ и в общеизвестный русский язык) профессиональных, т.е. сугубо номинативных аббревиатур, тенденция их оценки носителями языка, дающая возможность изучать аббревиатуру с позиции ее восприятия, иными словами, с позиции рецептивной лингвистики (шире – эстетики). Аббревиатура становится предметом лингвистического обсуждения и оценки – общей, но больше частной (в основном эстетической и утилитарной: *худрук, недобр, МРОТ*).

4. Прецедентное имя как результат семантической конденсации других прецедентных феноменов реализует неодинаковые коннотации в разных контекстах, но выполняет общую вторичную функцию, свойственную и другим рассмотренным знакам, – функцию характеристики (экспрессивно-оценочную). Особую активность ПИ обретают на страницах СМИ, которые предлагают им широкий простор для семантико-прагматической вариативности. Прецедентное имя находится в тесной связи с когнитивной базой лингвокультурного сообщества, поэтому исследование их новых, окказиональных ассоциаций, ставших неоконнотациями, – это путь к открытию и описанию национально-культурных особенностей существования прецедентных имен в определенную эпоху развития социума. Поскольку само ПИ представляет собой результат закрепления в языке устойчивых ассоциаций имени собственного, изучение употребления ПИ позволяет говорить о тенденции к его семантико-прагматическому расширению либо за счет смысловой актуализации тех фрагментов стоящей за ПИ прецедентной ситуации или прецедентного текста, которые не охвачены стандартными коннотациями (*Золушка* – ‘туфелька’, *Чебурашка* – ‘неустойчивость’), либо за счет полного переосмысления (*Сусанин* – ‘заработок’, *Баба-яга* – ‘современная свободная и независимая женщина’). Исследование нестандартного употребления прецедентных имен в текстах СМИ дает

возможность выявить тенденцию превращения окказиональных ассоциаций в новые коннотативные значения, т.е. обнаружить факторы семантико-прагматического развития ПИ.

Апробация работы. По теме диссертации опубликовано 7 научных работ: 3 тезиса и 4 статьи, рекомендованных ВАК и включенных в список рецензируемых научных изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 10.02.01 – русский язык. Одна из статей опубликована в журнале «Web of Science» (в соавторстве с Л.О. Чернейко). Основные положения и результаты исследования нашли отражения в докладах на следующих конференциях: Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2018» (Москва, 2018); I молодежный форум «Имя. Язык. Мир» (Ульяновск, 2018); Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2019» (Москва, 2019); IX Международный форум при журнале «Русская литература и искусство» (Шанхай, 2019).

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключение, Библиографии (223 наименования) и Приложения.

Глава I. Теоретическая основа исследования

1. Функционально-стилистическая дифференциация языка

1.1. Понятие «функциональный стиль»

Язык как особая система знаков включает в себя разнообразные языковые элементы (конкретные языковые единицы, все возможные способы их соединения, типы, разряды и др.). Совокупности языковых элементов, совпадающих друг с другом по определенным параметрам, входят в общую систему языка как ее подсистемы (частные системы). В.М. Солнцев дал термину «язык» такое определение: «Это совокупность правил, по которым делаются предложения, и множество наделенных смыслом, или значением, единиц, которые используются в соответствии с правилами» [Солнцев 1971: 63]. В.В. Виноградов считал, что «язык – это не только средство выражения мысли, но и форма ее становления, орган образования мысли и вместе с тем сама сформировавшаяся мысль» [Виноградов 1999: 6]. По мнению Г.Я. Солганика, функционирование языка «предполагает изучение изменений, происходящих со словом и другими единицами языка в процессе превращения языка в речь» [Солганик 2010: 8]. Другими словами, речь является результатом функционирования языка. Но отношения между языком и речью являются более сложными, потому что речь доступна конкретному восприятию как материальный феномен, а язык нет, поскольку он – феномен объективный, но идеальный. И только по речи определяется и состав лексикона языка, и его грамматика. В процессе порождения речи появляются новые смысловые оттенки слова, которые накладываются на его денотативное значение и создают экспрессивные, эмоциональные и оценочные обертоны языкового знака – коннотации.

Выделяются два подхода к изучению языкового знака: формальный и функционально-семантический. Формальный подход предполагает движение от означающего языкового знака к его функциям, формирующим значения, а при функционально-семантическом подходе вектор направлен в противоположную

сторону – от смысла (понятия, значения) в его коммуникативной функции к языковым средствам выражения, выработанным данным языковым коллективом. Безусловно, эти два подхода тесно связаны друг с другом, однако в последние десятилетия функциональный аспект исследования языка приобретает все большее значение. По мнению Н.Г. Комлева, в функциональном аспекте язык может рассматриваться, во-первых, как инструмент коммуникации между людьми, во-вторых, как сигнификативное средство, в-третьих, как средство познания, инструмент мышления [Комлев 2006: 35-36], при этом сам язык рассматривается как функциональная система.

Язык есть и общий для социума код, представляющий собой систему лексических средств и грамматических правил их соединения в речи, и индивидуальная функционирующая система, обеспечивающая говорящему возможность выражения мысли, а слушающему – возможность ее понимания на основе общности кода. Язык представляет собой одно из сложнейших явлений человеческой деятельности. В процессе коммуникации мы используем определенные языковые средства или в соответствующих ситуациях (условиях), или по требованиям целевой установки коммуникации, что создает стилистические различия в лексиконе. Всем известен и всеми признан тот факт, что язык непрерывно развивается, его цели и задачи изменяются в зависимости от условий коммуникации, поэтому невозможно считать стилистическую дифференциацию лексики того или иного языка неизменной.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» термин «стиль» получает такое определение: «Разновидность языка, закреплённая в данном обществе традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам ... То же, что функциональный стиль» [ЛЭС 1990: 494]. В других словарях термин «стиль» имеет более широкое толкование и объясняется как совокупность признаков, характеризующих искусство определенного времени и направления со стороны идейного содержания и художественной формы,

совокупность художественных средств [Балахонова 1963: 876], [Ушаков 2005: 1012]. Во второй половине прошлого века выдающийся русский лингвист В.В. Виноградов дал понятию «стиль» следующее определение: «это общественно осознанная, функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов 1955: 73], причем в работах исследователя вопрос о разграничении понятий «стиль языка» и «стиль речи» остается дискуссионным, недостаточно уточненным [Там же: 75].

Стиль языка представляет собой разновидность языка (литературного), которая употребляется в зависимости от коммуникативной ситуации или сфер общественной жизни. М.В. Панов выделяет три вида стиля языка – строгий (высокий, торжественный) стиль, разговорный (сниженный) стиль и нейтральный стиль [Панов 2007: 75]. Если коммуникативная ситуация является обыденной, то употребляется стиль сниженный (разговорный), но если ситуация общения значима в социальном отношении, то используется высокий (строгий) стиль. При отсутствии характеристики коммуникативной ситуации используется нейтральный стиль. Поэтому стиль языка рассматривается как обобщенная характеристика (особенности) языкового поведения человека в соответствующей коммуникативной ситуации (социально значимой, повседневной, нейтральной).

Стиль речи является маневром, способом выражения в определенной коммуникативной ситуации, который обуславливает выбор необходимых средств выражения из стилей языка. В теоретической стилистике нет единого мнения о критериях выделения стилей речи, но лингвисты сходятся в том, что в процессе изучения языка надо принимать во внимание и системность языка, и функциональную характеристику языкового знака. Учитывая динамический характер развития человеческого общества и языка, а также его

полифункциональность, деление речи на стили – правомерная и лингвистически необходимая типологизация языка, в основе которой лежит специфическое позиционное распределение языковых единиц относительно коммуникативной ситуации.

Превалирование функционального подхода к изучению языка привело к появлению в 20-30-е годы XX века термина «функциональный стиль». Важное место в создании и развитии функциональной стилистики занимают труды деятелей Пражской лингвистической школы, А.Н. Васильевой, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, И.Р. Гальперина, Т.Г. Добровольской, М.Н. Кожиной, В.Г. Костомарова, Б.А. Ларина, М.В. Панова, А.М. Пешковского, Г.Я. Солганика, Л.В. Щербы и других исследователей. В рамках функциональной стилистики языковеды различают стиль языка и стиль речи. Этот феномен связан с двояким восприятием слова *функциональный*, которое может быть возведено как к глаголу *функционировать*, так и к имени существительному *функция*. Л.Г. Барлас указывает на то, что причина появления различных определений термина «функциональный стиль» заключается в том, что «одни ученые при выделении стилей делают упор на сферы общения, а другие – на функции» [Барлас 1978: 44]. М.Н. Кожина правомерно объединила «стиль речи» и «стиль языка», она пишет, что функциональный стиль речи – «это реализация в живом речевом общении потенциальных возможностей языка» [Кожина 2006: 582], т.е. представления о правилах создания функциональных стилей языка существуют в языковом сознании говорящего. Таким образом, с точки зрения исследователя, между этими двумя терминами не существует принципиальной разницы.

Формирование функциональных стилей тесно связано с целями и спецификой высказывания в соответствующих сферах или условиях коммуникации. В системе общенародного языка вырабатываются ответвления, которые характеризуются специфическими языковыми средствами, различающимися данным языковым коллективом, они демонстрируют разновидности языковой системы в соответствии с коммуникативной ситуацией и

установкой [Гвоздев 1952: 17-18]. Опираясь на особенности употребления языкового знака в различных сферах коммуникации, М.Н. Кожина предлагает такое определение термина «функциональный стиль»: «это своеобразный характер речи той или иной социальной ее разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемый особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией» [Кожина, Дускаева 2012: 91], т.е. исследователь рассматривает функциональный стиль как общественно-историческую и системную разновидность языка, выполняющую определенные функции в соответствующих коммуникативных ситуациях. Общим во всех представленных определениях является то, что в связи с существованием разновидностей языка, которые обусловлены его употреблением в разных областях человеческой деятельности, появляется функционально-стилистическая дифференциация языка.

Основой для выделения функциональных стилей речи является разнообразие сфер человеческого общения: это, в первую очередь, сфера повседневного общения, позволяющая выделить такую разновидность функционального стиля, как разговорный, и противопоставленная ей так называемая «книжная» сфера – науки и образования (научный стиль), СМИ и интернета (публицистический стиль), делового общения (официально-деловой стиль), словесного искусства (художественный стиль). Часто употребляемые в какой-либо сфере общения языковые знаки постепенно получают определенную стилистическую окраску. Для достижения цели коммуникации представляется необходимым отбор языковых знаков, стилистически соответствующих ситуации общения. Это соотносится с принципом коммуникативной целесообразности: в конкретной сфере общения необходимо выбирать те языковые единицы, которые обслуживают коммуникацию наилучшим образом. С точки зрения массовой коммуникации задачей стилистики является изучение лингвистическими методами всего процесса коммуникации, состоящего в порождении, передаче и

восприятию сообщения, то есть в получении такого кода, который, будучи расшифрованным, сообщил бы некоторую дополнительную информацию. Такая информация нацелена на получение желаемой и предполагаемой реакции со стороны адресата сообщения.

В.В. Виноградов выделил пять видов функциональных стилей (публицистический, деловой, научный, художественный, разговорный) в соответствии со следующими параметрами: сферой общественной жизни, доминирующей функцией и типом отношений между участниками коммуникации [Виноградов 1955: 73]. Функциональные стили являются формой реального существования языка и при этом в определенной степени отражают закономерности его развития. В современной лингвистике также выделяются такие функциональные стили (типы) языка (речи), как «научный, публицистический, официально-деловой, художественный, разговорно-обиходный и религиозный (клерикальный)» [Кожина 2006: 147]. Существует еще одна классификация, в рамках которой выделяется четыре ведущих функциональных стиля: научный, официально-деловой, газетно-публицистический и разговорный. Дискуссионным является вопрос о том, можно ли считать художественный стиль функциональным. По мнению некоторых лингвистов, художественная речь не относится к функциональным стилям по причине своей динамичности, однако нельзя не принимать во внимание тот факт, что знак языка всегда находится в состоянии динамики для приспособления к изменениям окружающей нас среды. Каждый функциональный стиль формируется на основе конкретных экстралингвистических факторов, поэтому язык художественной литературы можно считать функциональным стилем, обслуживающим эстетическую сферу общения.

Для русского литературного языка характерно сосуществование разговорного и книжного стилей речи, причем сферы их функционирования взаимно соотносятся, взаимодействуют. Д.Н. Шмелев отмечал, что понятие «функционально-стилистическая разновидность» языка отражает реальный факт

социально обусловленного функционирования языка в разных сферах человеческого общения [Шмелев 1977: 9]. Также понятие «функциональный стиль» связано с различием устно-разговорной и книжно-письменной речевой деятельности, при этом устный и письменный стили относятся к формам коммуникации, а разговорный и книжный – к функционально-семантической дифференциации речи.

Можно подвести следующий итог сказанному о функциональном стиле и функционально-стилистической дифференциации речи: функциональный стиль рассматривается как исторически сложившаяся и социально осознанная подсистема литературного языка, которая обслуживает разные сферы деятельности социума и характеризуется определенными присущими им целями и содержанием высказывания. Основой для выделения подобных разновидностей литературного языка является значимая в конкретной ситуации общения функция. Стилистическая дифференциация языковых единиц (слов, отдельных ЛСВ многозначного слова, словообразовательных морфем, грамматических форм) является фактом системы языка, поскольку в содержание стилистически маркированной единицы «вписана» информация о коммуникативной ситуации, в которой слово уместно, более того, выбор такой единицы говорящим в речи выявляет главное – оценку им коммуникативной ситуации. Что касается функциональных стилей, то основная их особенность состоит в том, что каждый функциональный стиль подчинен своим целям, которые диктуют не только выбор единиц языка (стилистически маркированных или нейтральных), но и их сочетаемость.

1.2. Публицистический стиль и язык СМИ

В процессе речепорождения после определения коммуникативной цели высказывания начинается отбор языковых средств, затем происходит своеобразная организация выбранных средств языка, в результате которой порождается прагматическое значение. Причем некоторые языковые знаки в определенном контексте обновляются или активизируются в соответствии с

коммуникативной задачей. Именно за счет этого формируется общая функционально-стилистическая окрашенность текста. Несмотря на разнообразие языковых средств, используемых в процессе речепорождения, стиль един по своему семантико-функциональному значению, из этого единства складывается функционально-стилистическая система языка. Однако нельзя не заметить тот факт, что различные функциональные стили обычно смешиваются и взаимодействуют. Г.Я. Солганик обращал внимание на феномен взаимопроникновения функциональных стилей: «Существование развитых функциональных стилей не может не вести к их взаимодействию» [Солганик 2010: 30]. Появление гибридных стилей речи, например, художественно-публицистического, научно-художественного, научно-популярного и т.п., свидетельствует об активном взаимодействии (смешении) функциональных стилей. Это соотносится с точкой зрения Д.Н. Шмелева о том, что каждая разновидность языка может использоваться в другой [Шмелев 1977: 42]. Число стилей, используемых в отдельно взятом тексте, часто не ограничивается одним, что является результатом взаимодействия и взаимопроникновения разных стилей, а также многослойности каждого стиля и существования подстилей.

Для отбора стилистических приемов и формирования композиционной структуры речевой деятельности для конкретного контекста нужно учитывать характеристику (доминанту) каждого функционального стиля. Научный стиль является стилем научных работ, лекций, учебников и т.п., он отличается логичностью и понятийной точностью, что обуславливает использование системно организованной терминологии. Разговорному стилю свойственны широкое употребление обиходно-бытовой лексики, обилие местоимений, частиц, междометий, лексические повторы, инверсия и многое другое. Слово или словосочетание, относящееся к разговорному стилю, характеризуется оценочностью и экспрессивностью. Деловой стиль чаще всего используется в административной, юридической и других официальных сферах общественной

жизни, отличается однозначностью и предельной точностью (однако его точность не так абстрактна, как точность научного стиля) и предполагает использование специальных терминов и стандартизированных речевых конструкций. Художественный стиль употребляется в произведениях художественной литературы, он характеризуется экспрессивностью, эмоциональностью и образностью. В XIX веке понятие «литературный язык» обычно ассоциировалось с языком художественной литературы, а в последнее время литературный язык соотносится не только с национальной художественной литературой, но и с языком СМИ, публичной и деловой речью, т.е. с публицистическим стилем речи.

С точки зрения Г.Я. Солганика, в наше время на роль литературного языка претендует газетно-публицистический стиль, что связано как с его политематичностью, так и с резко изменившимися условиями его функционирования [Солганик 2010: 31]. Исследователь также отметил, что публицистический стиль сильно воздействует «на речь, на языковые вкусы и нормы, на умы и чувства людей» [Там же: 76], он становится одной из влиятельнейших разновидностей литературного языка. В 60-ых годах прошлого века М.В. Панов заметил, что газетно-публицистический стиль характеризуется своеобразным совмещением различных рядов слов, некоторые из них относятся к книжной или высокой лексике, а другие – к разговорной [Панов 1968: 134]. Для публицистического стиля характерен широкий охват используемой лексики, причем нередко наблюдается выход за рамки литературного языка, использование сленга, жаргона для выражения диалектической сложности мира образным путем, для воздействия на точку зрения адресата. Публицистический стиль включает в себя функции других стилей: с точки зрения передачи информации в процессе коммуникации он похож на деловой и научный стили, с точки зрения воздействия на адресата – на разговорный и художественный. Именно поэтому публицистический стиль как один из функциональных стилей русского языка привлекает внимание как российских, так и зарубежных лингвистов.

Публицистику (или газетно-публицистический стиль) можно назвать летописью современности, в ней в наибольшей степени отражается текущая история. Публицистика – литература по актуальным общественно-политическим вопросам современности, текущей жизни общества [Ожегов, Шведова 2007: 630]. Очевидно, что публицистический стиль в первую очередь обслуживает общественно-политическую сферу, но в настоящее время для большинства людей публицистика почти тождественна средствам массовой информации. Темы, затрагиваемые публицистикой, касаются практически всех сторон общественной и политической жизни человека, их арсенал нестереотипен и неисчерпаем, к тому же публицистика характеризуется широким жанровым диапазоном и богатством используемых средств выразительности. Все эти преимущества публицистики ставят ее на особое место в стилевой системе литературного языка. Следует заметить, что язык публицистики должен соответствовать интеллектуальным и эстетическим требованиям времени, т.е. являться языком мыслей и чувств массового читателя. Специфика языка публицистики отражается в текстах: с одной стороны, в тексте должны быть объективно представлены актуальные факты, с другой стороны, автор текста осознанно или невольно, открыто или потенциально выражает свое отношение к этим фактам.

Публицистика рассматривается как основа языка современных средств массовой информации, она обслуживает всю сферу этой мощной информационной системы. Однако язык масс-медиа охватывает различные функциональные стили современного языка, поэтому нельзя считать публицистику и язык СМИ тождественными явлениями: «Между понятиями “язык СМИ” и “газетно-публицистический стиль” нельзя ставить знак равенства» [Караулов 2001: 16]. По мнению Г.Я. Солганика, мы рассматриваем публицистическую речь «и как самостоятельный стиль, и как составную часть языка СМИ» [Солганик 2007: 13].

В 90-ых годах прошлого века В.Г. Костомаров характеризовал «стилистический вкус» эпохи общей раскрепощенностью, принципиальным

допуском любых подходящих средств выражения, поэтому публичная речь перешла «от монотонности официоза к полифонии личностной разноголосицы» [Костомаров 1994: 46]. С его точки зрения, в современном русском языке следует выделить массово-коммуникативный стиль речи [Костомаров 1971: 256-257], отличающийся от книжного и разговорного стилей принципиально новым отношением к письменной и устной формам существования языка. В последние десятилетия под влиянием экстралингвистических факторов, в том числе глобализации, ускоренного темпа развития научных технологий и общества, масс-медиа стали необходимой частью повседневной жизни и трудовой деятельности человека. Сегодня публицистика, напрямую зависящая от модернизации средств передачи информации, существенно изменяется и по форме, и в плане функционирования и становится источником появления неологизмов (например, *радуговаться* (Коммерсантъ, 04.07.2020) от слова *радуга* – символа движения в защиту ЛГБТ) и новых коннотативных значений (так, в текстах СМИ слова *демократизация* и *МРОТ* часто обладают отрицательными коннотациями и даже расцениваются как ругательные). Многие лингвисты (В.Г. Костомаров, Ю.Н. Караулов, Г.Я. Солганик, Т.Г. Добросклонская, Г.О. Винокур, А.Д. Швейцер, М.Н. Володина и др.) обратили внимание на эти изменения в языке и указали на актуальность и необходимость исследования особенностей языка современных СМИ.

Изучение употребления языковых средств в публицистике (В.Г. Костомаров (1964), Т.Г. Винокур (1968), Г.М. Грехнева (1971), А.К. Панфилов (1974), М.Н. Кожина (1977), А.Н. Васильева (1982) и др.) показало, что «газетная речь в целом отвечает основным стилевым принципам функционирования в ней языковых средств» [Кожина 1977: 196]. Сегодняшняя газета (и бумажная, и электронная) остается одним из самых популярных средств массовой коммуникации, она знакомит читателя с событиями, происходящими в окружающем нас мире, с мнениями масс и точкой зрения специалистов в соответствующих областях. Т.Г. Добросклонская отмечает, что именно в языке газетной публицистики

складывались и формировались главные приемы и средства, характерные для публицистического стиля речи в целом, причем газетные тексты являются наиболее доступными и удобными материалами для языковедов, поскольку не требуют предварительной записи и последующей расшифровки [Добросклонская 2012]. На сегодняшний день система жанров газет имеет полевую организацию. Собственно газетные жанры формируют ее ядро. Периферию составляют жанры, возникающие при взаимодействии газетной публицистики с другими сферами речевой практики – деловой, научной, художественной, разговорной [Поликарпов, Кукушкина 2003: 323]. Газетно-публицистический стиль характеризуется авторской и социальной оценкой описываемой ситуации, использованием общественно-политической лексики и заимствованных слов, употреблением языковых знаков в прямом и переносном значениях и др., такие характеристики определяют постоянный интерес лингвистов к его изучению.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод об отсутствии в современном языке четких границ между функциональными стилями, а также о стилевом взаимодействии и смешении. В текстах современных СМИ живут разные функциональные стили: публицистический, научный, деловой, художественный, разговорный и их подстили. Публицистический стиль рассматривается и как самостоятельный стиль, и как составная часть языка массовой коммуникации, воспитывающая языковой вкус коллективной аудитории.

1.3. Специфика текстов СМИ

Начиная со второй половины XX века масс-медиа наполнили и обогатили жизнь человека, став ценным источником сведений о функционировании языка и изменениях, происходящих с ним. Несмотря на то, что появляется все больше и больше новых каналов передачи информации, всем им присущи одинаковые свойства: доступность множеству людей, обращенность к массовой аудитории, корпоративный характер производства, переработки и распространения информации [Землянова 1999: 116]. СМИ являются мощным инструментом

воздействия на аудиторию и способом манипулирования общественным сознанием. В текстах СМИ отражаются изменения в общественной жизни народа, а масс-медиа, в свою очередь, порождаются социумом, поэтому СМИ можно назвать летописью человеческого сообщества. В наше время язык средств массовой информации занимает господствующее место среди всех остальных разновидностей функциональных стилей, массовая коммуникация является универсальным и обобщенным их вариантом. Так, по мнению Г.Я. Солганика, язык СМИ отличается значительной силой воздействия и может «претендовать на самостоятельное место в литературном языке» [Солганик 2010: 76].

Сегодня наблюдается такой феномен, как расширение границ литературного языка, поскольку «общественный вкус нынешнего времени, несомненно, диктует демократизацию речи» [Костомаров 1994: 60]. Г.Я. Солганик также считает, что в настоящее время язык газет, журналов, художественной литературы, публичная речь, деловая речь, интернет-коммуникация и многое другое относятся к литературному языку [Солганик 2010: 30]. В России язык современных СМИ является обобщенной моделью, совокупным образом русского литературного языка. Хотя, по признанию самих журналистов, масс-медиа утратили роль «пророка» в сегодняшнем обществе, они не потеряли свое место «учителя» литературного языка, ведущего в диалоге, производителя информации. Ю.Н. Караулов считает, что говорящий (активная сторона в процессе коммуникации), т.е. журналист, телеведущий, комментатор и др., несет серьезную ответственность за содержание речи и состояние языка, на котором он общается с многомиллионной аудиторией соотечественников [Караулов 2001: 16].

В текстах СМИ наблюдается взаимодействие литературного языка с нелитературным. Понятие «литературный язык» определяется через общий уровень владения языком его носителей. Сегодня в общественном сознании точка зрения на прежнюю оппозицию «литературный язык – нелитературный язык» меняется: нелитературный язык начинает восприниматься как возможное, просто ограниченное средство общения, а не как нечто табуированное. Язык,

употребляемый в текстах газет, журналов, представляет собой популярную модель существования общелитературного языка и в то же время обладает речевой системностью, проявляющейся в специфическом отборе языковых средств и активности их использования.

В процессе анализа каждой из функциональных разновидностей языка должны учитывать две стороны: коммуникативная рамка, т.е. адресант – адресат, и когнитивная составляющая стиля, т.е. тема, изображаемые события и явления. Для описания языка СМИ, который рассматривается как обобщенная модель функциональных стилей, тоже необходимо учитывать эти два аспекта. В текстах СМИ адресант – это коллективный автор, адресат – массовая аудитория, тема – актуальное сведение в данный момент [Шмелев 1977: 67]. О коллективном отправителе в текстах СМИ можно говорить постольку, поскольку журналист обычно представляет определенную общественную группу, его мнение перестает быть мнением отдельно взятого индивида. Получатель информации тоже представляет собой определенную общественную группу, в некоторых случаях общество в целом. СМИ имеют объемную когнитивную составляющую, ими охвачены почти все области человеческой деятельности: политика, экономика, международные отношения, искусство, наука, спорт, сфера развлечений и др.

В «Стилистическом энциклопедическом словаре» указаны основные функции языка СМИ: «информативная функция, функция ценностной ориентации и социальной оценки, экспрессивная функция, функция воздействия, а также налицо функции констатации и агитационно-пропагандистская» [СЭС 2003: 403]. Т.Г. Добросклонская указывает на следующие функции СМИ: информативная, развлекательная, образовательная, рекламная и идеологическая [Добросклонская 2008: 21], [Добросклонская 2015:13-14]. Таким образом, СМИ чаще всего выполняют информативную, воздействующую, экспрессивную и оценочную функции, что предопределяет стремление языка масс-медиа к максимальной экспрессивности и доступности для обеспечения требуемого уровня понимания между адресантом и адресатом информации, т.е. субъектами

публичного диалога. Например, для выполнения информативной функции адресанту необходимо обеспечить определенную степень информативности текста СМИ, который должен быть содержательным, выразительным, интересным и полезным адресату. Если текст не несет значимой информации, в нем отсутствует аналитический обзор, то это не только является нарушением публицистических норм, но и может привести к потере читательского доверия к данному источнику информации. Самое важное для осуществления воздействующей функции заключается в том, что мнение адресанта не должно противоречить интересам общества, а выбранные автором языковые средства не должны оказывать сильного давления на читателей.

Тексты СМИ характеризуются разносторонним взглядом на описанные факты или ситуации, что подчеркивается путем использования переносного значения языковых единиц. В текстах СМИ отражается социальная оценка, которая обусловлена не только информативным, но и преимущественно воздействующим характером публицистической речи [СЭС 2003: 396]. Средства массовой информации представляют собой прямое обращение коллективного автора к коллективному читателю при отсутствии посредников, без так называемых речевых масок. Г.Я. Солганик отмечал, что использование специальной лексики в переносном значении является одним из основных источников формирования оценочных значений в газетах [Солганик 2010: 65]. Здесь под специальной лексикой подразумеваются употребленные в переносном значении лексические единицы, которые сопровождаются экспрессивно-эмоциональной окраской и реализуются в текстах СМИ через устойчивое словосочетание, метафоризацию и т.п., например, *безумные деньги*, *нездоровая конкуренция*, *сладкое слово*, *политический спектакль*, *грязная избирательная машина* и т.д. В одном языковом знаке можно совмещать денотацию явления и оценочное отношение к нему, например, *шайка*, *морда*, *сговор*. Такое совмещение предполагает возможность отобразить в языковом

знаке и семиотизированный предмет или действие, и типичную ситуацию общения.

Тексты современных СМИ характеризуются нестандартным употреблением слов или терминов из разных областей, в том числе научных, экономических, спортивных, искусствоведческих и т.д., например, *турбулентность в экономике* (экономический кризис), *заражение беженством* (беженство как болезнь), *эпидемия протеста* (протест как эпидемия) и др. Употребление слова в его переносном значении является одним из главных способов реализации многозначности слова в современных газетах, журналах. Употребление профессиональных терминов и стилистически нейтральных слов в их коннотативном значении придает им публицистически экспрессивную или эстетическую окраску, например, *мир входит в зону турбулентности* (ЛГ, 28.12.2016-03.01.2017). Термин метеорологии «зона турбулентности» – это зона, в которой происходят разного рода колебания воздушного судна из-за вихревых потоков ветра. Данное выражение означает, что международные конфликты, проблемы мирового уровня серьезно затрагивают нашу жизнь, наш мир будто бы «трясет», как самолет в зоне турбулентности.

По мнению Н.В. Муравьевой, тексты СМИ нуждаются в неожиданных и выразительных высказываниях [Муравьева 1989: 65]. В сфере массовой коммуникации главной целью является воздействие на аудиторию, преодоление автоматизма читательского восприятия, т.е. задача СМИ – нарушить обычные ожидания (модели мышления) адресатов и оставить в их памяти впечатление, заставить их думать и активизировать ассоциации, угадывать интенции и мысли автора или его аксиологическое отношение к событию. При обращении к потенциальному коллективному адресату текст масс-медиа имеет две основные цели: во-первых, заставить читателя прочитать ту или иную заметку, заинтересовав его; во-вторых, внушить ему определенную редакционную установку в оценке тех или иных фактов [Кожина 1977: 196]. В таком случае обретение словом нового значения или употребление его в переносном смысле

является для автора текста СМИ эффективным инструментом воздействия на сознание читателя.

Эволюция значения слова представляет собой общезыковой процесс, отраженный и закрепленный в первую очередь именно в текстах СМИ. Метафоризация часто используется для формирования переносного значения слова, поскольку она является эффективным способом создания яркого образа, выражения мнения, оценки описанной ситуации, помогает воздействовать на адресата. Однако чрезмерная «украшенность» (орнаментация) текста и злоупотребление метафорами затрудняют восприятие информации читателем и наносят ущерб точности изложения фактов. Например, избыточное употребление метафор в материалах о науке, политике или экономике ведет к тому, что читатель знакомится с важными фактами не через точные цифры, логические рассуждения и веские доводы, а через эмоциональные споры, яркие и свежие слова, за которыми может теряться суть проблемы. Поэтому целесообразное использование метафор в текстах СМИ позволяет избежать потери читательского доверия и передать адресату точную информацию.

Тексты масс-медиа имеют еще одну характерную для них особенность: они всегда стремятся к упрощению понятийного плана, переводу дискуссионной темы на уровень, доступный массовому читателю. А.А. Волков отмечает, что «в действиях массовой информации соответствие уровня оценок и изложения состоянию знаний и навыков аудитории чрезвычайно важно» [Волков 2015: 201]. По определению Ш. Балли, «научный язык – это язык идей, а художественная речь – язык чувств» [Балли 2001а: 281]. Следуя данной логике, язык СМИ как обобщенная модель всех функциональных стилей представляет собой язык идей, мыслей и чувств, он обладает принципиальной неоднородностью стилистических средств, использует терминологию из разных профессиональных областей и эмоционально окрашенную лексику. В языке масс-медиа используются абстрактные и конкретные лексические единицы, сочетаются стандартные и экспрессивные языковые средства. Употребление наиболее распространенных в

определенный период времени лексических единиц и наиболее типичных способов изложения – важная черта текстов СМИ. Но в то же время масс-медиа являются самой активной и продуктивной платформой для возникновения и распространения неологизмов (фразеологических, лексических, словообразовательных), что значительно влияет на развитие современного литературного языка и оформление его норм. Уже в 80-90-ых годах XX века М.В. Панов отметил, что литературная норма или норма литературного языка является возможностью отбора наиболее пригодных для данного контекста средств выражения [Панов 2007: 84].

Для текстов СМИ характерно многообразие способов выражения смысла, например, часто встречаются наделение того или иного понятия новым значением, неожиданная сочетаемость слов и языковые игры, в результате которых лексема приобретает коннотативное значение. Рассмотрим некоторые примеры: 1) *Хау матч*: Как Владимир Путин и Александр Лукашенко, играя в хоккей, решали, сколько стоят нефть и газ (Коммерсантъ, 08.02.2020). *Хау матч* – от англ. *how much* ('сколько стоит') – такое необычное выражение подчеркивает настоящую цель хоккейного матча лидеров России и Беларуси – договориться о ценах на нефть и газ; 2) *Не по чесноку*. Народное средство от простуды подорожало из-за коронавируса (Известия, 26.02.2020). Здесь наблюдается игра слов, основанная на созвучии существительного *чеснок* и жаргонного выражения *по чесноку* ('по-честному'): на фоне пандемии коронавируса подорожало даже обычно дешевое народное средство от простуды - чеснок, что является не совсем честным; 3) *Не по Китай* меня. Россия оставляет гражданам КНР только транзитный въезд (Коммерсантъ, 08.02.2020). В связи с распространением эпидемии нового коронавируса российское правительство закрыло границу России и Китая, в связи с чем многие из китайских граждан не смогли въехать на территорию России. Выражение *Не по Китай* меня, созвучное фразе *Не покидай меня*, отражает этот факт.

В текстах СМИ также замечается чередование экспрессии и стандарта и постоянное превращение экспрессии в стандарт [Корконосенко 2001: 22]. Например, *новое мышление, гонка вооружений, реформа и открытость* (политика, предпринятая китайским лидером Дэн Сяопином), *один пояс и один путь* (политика, предпринятая китайским лидером Си Цзиньпином) – все эти выражения с политической окраской в СМИ превратились в широко употребляемые общественно-политические клише.

В текстах современных СМИ наблюдается такой феномен, как «эффект разговорного языка», достигаемый использованием фразеологизмов, разговорных, просторечных средств и жаргонизмов, обращением к разного рода прецедентным феноменам. В процессе поиска способов передачи оценки, выражения эмоций масс-медиа нередко обращаются к нелитературным и сниженным лексическим единицам, которые обладают значительным стилистическим потенциалом, оживляют публицистическую речь, расширяют лексикон СМИ. Язык прессы, нормы которого значительно шире норм литературного языка, обогащает последний прагматическими и когнитивными составляющими, которые насыщают речь оценочными оборотами с использованием коннотаций. Для современной газетно-публицистической речи характерно совмещение различных рядов слов, относимых, с одной стороны, к разговорной, с другой, – к высокой или книжной лексике. Стилистическая же окраска становится экспрессивно-оценочным элементом их семантики [Шмелев 1977: 99].

СМИ как один из важнейших источников информации о мире определяют способ мышления и принципы поведения человека. С учетом мощной силы средств массовой информации нельзя игнорировать их негативное влияние на общество и развитие литературного языка. СМИ, будучи одной из действующих сторон на информационном рынке, тоже находятся под влиянием рыночной конкуренции, их прагматические задачи во многом похожи на задачи рекламной сферы: максимально привлечь внимание потенциальных клиентов (читателей или слушателей), вызвать у них интерес, а также стимулировать «сбыт» информации.

Для СМИ важно не только авторское самовыражение, но и торговое предложение (т.е. продажа текста) [Руженцева 2019: 68]. Но текст СМИ является необычным товаром, его привлекательность и конкурентоспособность зависит от популярности издания, стиля написания и других параметров. В связи с этим масс-медиа стремятся производить интересные, привлекательные товары – тексты. Экстралингвистические факторы также играют важную роль в процессе развития массовой коммуникации, например, для того чтобы привлечь внимание адресата к тексту СМИ, в тематике и содержании статей прослеживаются развлекательные или же криминальные мотивы, а стиль их изложения характеризуется языковой раскованностью. Например, на страницах СМИ наблюдается феномен сдвига «тональности политических текстов в сторону иронии» [Там же: 70]. Так, в серьезных политических сообщениях нередко присутствует иронический пафос, искажение фактов, даже профанация мышления, что оказывает негативное влияние не только на развитие языка, но и на мировосприятие массового читателя.

Страницы СМИ охватывают разные области человеческой жизнедеятельности, а общая система современной речи оказывается под сильным влиянием масс-медиа [Валгина 2011: 125], поэтому язык СМИ является разнородным образованием. Он отражает изменения в социуме и в свою очередь влияет на процессы, происходящие в языке. Экономическое развитие, межкультурные контакты, языковая политика, развитие науки и культуры, социальные изменения – это те экстралингвистические факторы, которые в значительной степени влияют на развитие языка. Изменения в языке масс-медиа обусловлены стремлением уйти от скучного, официального, обезличенного и унифицированного публицистического языка. В современных СМИ появляется тенденция излагать мысль, строить сообщение без оглядки на традиции, исходя только из особенностей сообщения, избегая готовых форм речи [Казак 2012: 88]. Язык СМИ служит представителем национального языка и отражает моду речеупотребления, он обогащает лексикон литературного языка, добавляет новые

значения «старым» словам, формирует отточенную и афористическую речь. Но в некоторых СМИ статьи на серьезные темы изобилуют неподходящим сленгом, жаргоном и другими словами, отступающими от норм литературного языка. В связи с этим необходимо обращать особое внимание на изучение языка массовой коммуникации и контролировать его употребление.

Таким образом, авторы текстов СМИ прибегают к различным способам выражения собственных взглядов на описанные факты, стремятся привлечь внимание массового читателя, поэтому в текстах СМИ часто встречается нестандартное употребление терминов, слов или устойчивых словосочетаний, а также авторские неологизмы – окказиональные слова и значения. Именно в текстах СМИ отражается процесс развития языка и изменения языковой нормы, поэтому нельзя игнорировать их влияние на дальнейшее функционирование и развитие литературного языка.

2. Коннотация как одна из разновидностей проявления прагматики содержания знака

2.1. Понятие «коннотативная система» в лингвистике

В рамках семиотики – науки, занимающейся изучением знаковой системы и знака как такового, – термин «коннотативная семиотика» впервые был использован Л. Ельмслевым в 1943 году. По его мнению, коннотация относится к сфере исследования семиотики. Языковой знак – инструмент коммуникации, средство познания, а цель лингвистического исследования заключается в том, чтобы выявить постоянное, лежащее в основе изменений языкового знака и в форме, и в содержании [Ельмслев 2006]. При этом исследователь расширил границы понимания терминов «коннотативная семиотика» и «денотативная семиотика». Всем известно, что знак естественного языка, как все другие знаки в окружающем нас мире, включает в себя план выражения и план содержания. Л. Ельмслев отмечает, что в денотативной семиотике ни один из планов не является семиотикой, соответственно «существуют также семиотики, план выражения которых является семиотикой» [Там же: 133-134], такую семиотику

исследователь называет коннотативной. По мнению Л. Ельмслева, план выражения коннотативной семиотики представляется планом содержания и планом выражения денотативной семиотики [Там же: 139], при этом исследователь выдвинул формальный критерий определения коннотативной семиотики: о ней идет речь в тех случаях, когда знак служит означающим. По мнению О.Г. Ревзиной, в работах Л. Ельмслева есть денотативная семиотика и коннотативная семиотика, но у него нет денотации и коннотации [Ревзина 2001: 437]. Сфера исследования коннотативной семиотики охватывает систему языковых знаков, речевую деятельность и невербальные средства коммуникации (мимику, жесты, установленные обозначения и др.), причем реализация коннотативной семиотики предполагает существование семиотики денотативной.

По Л. Ельмслеvu, каждый план (план выражения, план содержания) имеет два уровня: форма и субстанция [Ельмслев 2006: 81-82]. Формой исследователь называет «постоянную в манифестации», субстанцией – «переменную в манифестации» [Там же: 150]. В плане выражения мы имеем дело с субстанцией выражения – фонетическим, графическим или иным материалом, который может быть общим для ряда естественных языков. На этот материал накладывается форма выражения, или способ его использования в данном языке. Способ конфигурации (упорядочения) и организации (комбинации) идей называется формой содержания, при этом у каждого языка существует свой способ выражения содержания, то есть своя форма содержания. Все то, что может быть предметом мысли или психического представления, является субстанцией содержания. Несмотря на то, что субстанция содержания одинакова для всех языков, форма содержания каждого языка неповторима, единственна, например: русское слово *знак*, отсылающее к глаголу *знать*, и его китайский эквивалент слово *记号*, включающее такие смыслы-морфемы, как ‘запомнить’ и ‘номер’; русское слово *сознание*, внутренняя форма которого связана с идеей совместного знания (*сознание* = *совместный* + *знание*), и китайское слово *意识*, включающее смыслы ‘значение’ и ‘знание’; русское слово *судьба* и его китайский эквивалент

命运, состоящий из смыслов ‘жизнь’ и ‘судьба’. По форме выражения приведенные слова совершенно разные, поскольку они принадлежат не просто разным языкам, а языкам с разным грамматическим строем, тем не менее, данные слова совпадают по элементам субстанции содержания.

Итальянский лингвист У. Эко разделял мнение Л. Ельмслева и считал, что «коннотативное значение рождается именно тогда, когда означающее и означаемое формируют пару, которая становится означающим нового означаемого» [Эко 1998: 54]. Коннотация, безусловно, принадлежит к категории означаемого, это вторичное значение языкового знака на основе первичного, т.е. денотативного значения. Так, в своей работе У. Эко приводит в пример слово *собака*, имея в виду собак как класс объектов без учета породы, размера, окраса и других характеристик, относящихся к собаке. Коннотация же этого слова указывает на совокупность качеств, свойственных собаке и помогающих отличить собаку от прочих четвероногих млекопитающих, например: преданность, смелость и послушность. Получается, что денотация – это то же самое, что и экстенсивность понятия, тогда как коннотация совпадает с его интенсивностью [Там же: 50]. Денотация относится к обозначаемой части (плану содержания), а денотат представляет собой группу или совокупность предметов. Общий языковой код (стандартный языковой знак) определяет денотативное значение. Лексикод устанавливается коннотацией, т.е. слова употребляются только в определенном контексте и не всеми носителями данного языка, при этом значение слова обогащается. Например, *На волне критики либеральной бациллы разговор пошел увереннее. Участники конференции уже подступали к сложным вопросам, вроде: «Каков выбор содержания государства: дуализм народа и государства или единение народа и государства?»* (Огонек, № 18, 21.05.2018). В данном контексте употреблен медицинский термин *бациллы*, который имеет следующее толкование в энциклопедическом словаре: «палочковидные бактерии, некоторые являются возбудителями заболеваний, широко распространены в природе и участвуют в процессах минерализации органических веществ»

[Большая советская энциклопедия 1970: 57]. В данном контексте слово *бациллы* обозначает так называемую «либерально настроенную» часть общества, которая льстиво преклоняется перед западной цивилизацией.

Естественный языковой знак с коннотативным значением приписывает приращенные смыслы его содержанию. Денотативное значение языкового знака зафиксировано в словарях, оно достаточно устойчиво на протяжении длительного времени, а коннотативное значение подвижно, потому что его возникновение обычно зависит от многих факторов: общей социальной ситуации, политики и культуры, социальной принадлежности говорящего субъекта и его индивидуального характера и т.д. Поэтому коннотативный код изменчив. Если утрачивается соответствующий контекст, то коннотативный смысл исчезает. Однако нередко коннотативное значение слова так широко используется в речи, что постепенно становится устойчивым (штампом), например, слово *заяц* обозначает трусливость или трусливого человека, *пень* – глупого человека, *черное золото* – наименование нефти, имя собственное *Иуда* становится обозначением предателя и др.

Развивая идеи Л. Ельмслева о коннотативной семиотике, Р. Барт понимает язык не только как денотативную систему, но и как коннотативную систему вторичных смыслов. Исследователь считает, что коннотация является универсальным средством, которое удовлетворяет потребность человеческого общества в фиксации вторичных смыслов [Барт 2000: 298]. Термин «коннотативная система» (в противоположность системе денотативной) введен Р. Бартом: «Коннотативная система есть система, план выражения которой сам является знаковой системой» [Барт 1975: 157]. В своем большом эссе «Основы семиологии» Р. Барт выявил разнообразие коннотативной семиотики: он переориентировал направление изучения знаковой системы языка и сделал основной акцент на анализе знаковых систем, которые не осознаются их пользователями.

Р. Барт считал, что «будущее принадлежит коннотативной лингвистике» [Там же: 158], поскольку на базе денотативной системы, состоящей из естественных языковых знаков, непрерывно возникают системы коннотативные, а такой процесс непосредственно соприкасается с проблемами исторической антропологии. Все продукты социально-языковой практики, все прецедентные феномены, классические тексты художественной культуры, выработанные поколениями, религиями, литературными направлениями или школами, органами прессы и другими сферами за время существования общества можно представить как огромное вместилище коннотативных значений.

С точки зрения Р. Барта, знаковая система (S) включает в себя означающее (E – план выражения), означаемое (C – план содержания) и знак, в котором E и C связаны между собой отношением R. Из этого следует, что $S_{ден.} = ERC$. Когда означающее знака первичной денотативной системы ($S_{ден.}$) обладает коннотацией, появляется вторичная система, экстенсивная по отношению к первой, которую Р. Барт обозначил как $(ERC)RC$. «Первая система будет служить планом выражения, или означающим, по отношению ко второй системе» [Там же: 157]:

$$\begin{array}{c} 2 \quad E \quad R \quad C, \\ 1 \quad \overbrace{ERC} \end{array}$$

S _a	S _é
S _a	S _é

Коннотация

Схема -1. Коннотативная система

Иными словами, вторичная, коннотативная система лексикона языка опирается на денотативную как на первичную семиологическую систему, при этом важно отметить, что первичная система целиком, т.е. взятая в совокупности отношений ERC, служит для вторичной означающим, поэтому $S_{кон} = (ERC)RC$. На основе денотативных знаков естественных языков возникает и реализует себя система коннотативного значения. Под денотативным значением слова принято

понимать не сам предмет в его конкретной единичности, но «типовое представление» о нем или же «класс объектов, объединяемых выделенными при их номинации свойствами» [Барт 1994: 14].

Все денотативные значения проявляются в речи свободно (в таком типе значения, которое В.В. Виноградов обозначил как «свободное номинативное» [Виноградов 1977]) и в явной форме (означающее и означаемое симметричны), а для выражения коннотативного значения существуют разные способы: например, метафора, фразеологические выражения, прецедентные феномены и др., при этом важно, что означающим коннотативного значения знака является та минимальная синтагматическая единица (или синтаксическая позиция), в которой коннотативное значение реализуется. Порождение переносного значения основывается на свободной динамике денотативных знаков в системе коннотативной. Система определяется основными составляющими единицами и отношениями между ними, поэтому при изучении коннотативной системы необходимо точно понимать означающее, означаемое и отношения между ними.

Означающее – это формальная сторона языкового знака. Ф. де Соссюр дал означающему такое определение: «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками» [Соссюр 2000: 30]. В то же время Ф. де Соссюр определяет знак в лингвистике как неразрывное единство означающего и означаемого и выражает это известной метафорой: ученый сравнивает означающее и означаемое с лицевой и оборотной сторонами одного листа, их нельзя разделить, ими объединяется лингвистический знак. Р. Барт отмечает, что означающее «является материальным посредником по отношению к означаемому» [Барт 1975: 134]. Оба исследователя рассматривают означающее как носитель смысла или вместилище означаемого (содержания).

По Р. Барту, «означаемое есть ‘нечто’, подразумеваемое субъектом» [Там же: 132], а означающее представляет собой образ звукоряда, в то же время означаемое – это образ вещи, который рождается в уме и соотносится с другими

такими же образами (например, дерево на разных языках: 树, *arbor*, *tree*, *baum* и т.д.) [Эко 1998: 52]. Несмотря на то, что связь означающего и означаемого сначала кажется произвольной, она навязана языковым кодом, поэтому такая связь не может быть сильно изменена по усмотрению адресантов. Означаемое – это содержательная сторона языкового знака, ориентированная на портретирование смысла, психических состояний, мнений и т.д. Означаемое одних языковых знаков представляет собой более или менее схематичное отражение элементов опыта индивида, фактов и явлений окружающего его мира, именно так формируется значение характеризующих знаков, представленных полнозначными словами. Означаемое других словесных знаков (предлогов, местоимений, союзов и т.д.) представляет собой информацию о внутренних отношениях между самими знаками, о связях различных предметов мысли в рамках сложных языковых выражений [ЛЭС 1990: 167].

Отношения между означающим и означаемым асимметричны, потому что каждая из двух частей языкового знака стремится расширить свою сферу действия и находится под влиянием разных факторов. Означаемое есть понятие, означающее представляет собой акустический образ (поток звуков) мысли, благодаря их соединению образуется знак как конкретная сущность. Языковой знак обладает конвенциональностью, является коллективным достоянием и обусловлен длительным историческим развитием. Одновременно он обладает и подвижностью, поэтому надо исследовать значение языкового знака в динамическом аспекте. Ситуация еще более усложняется, когда на базе первичных значений появляются дополнительные коннотативные смыслы.

С.И. Карцевский писал о том, что означающее (т.е. звучание) и означаемое (т.е. функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности» [Карцевский 2004: 242]. Следует отметить, что в данном случае термин «звучание» совпадает с предложенным Ф. де Соссюром термином «акустический образ», а «функция» соответствует его термину «понятие». Каждая часть (как означающее, так и означаемое) «выходит за рамки», установленные для нее:

означающее непрерывно стремится расширить свою область выражения (обозначения), в то время как означаемое стремится приобрести разные способы выражения (обозначения). Поэтому означающее и означаемое находятся в отношении асимметрии: «спаренные, они находятся в состоянии неустойчивого равновесия» [Там же]. Благодаря асимметричному характеру двух составляющих частей знака знаковая система языка имеет возможность непрерывно развиваться и может приспособиться к требованиям контекста или конкретной ситуации.

В речи же материальные означающие и связанные с ними ассоциативно означаемые комбинируются в определенной последовательности, в результате чего появляются разночтения при восприятии информации. В последние десятилетия проблема, касающаяся соотношения в слове формы (звучания, означающего) и содержания (означаемого), поднимается так же часто, как и проблема мотивированности (непроизвольности) языкового знака. В современном русском лексиконе знаки немотивированные (непроизводные слова) сосуществуют с мотивированными (производными словами), но специфика мотивированного слова состоит в том, что и оно идиоматично, поскольку в нем есть «приращенный смысл» например, слово *светильник* и производно (от *светить*), и идиоматично: суффикс -НИК синкретичен и может указывать как на предмет (*паяльник*), так и на лицо (*заложник*) в рамках одного словообразовательного типа, а в словообразовательной структуре слова ничто не указывает на то, что это прибор, состоящий из источника света и осветительной арматуры. Л.О. Чернейко отмечает, что, «даже если приращенный смысл отсутствует (например, в слове *мечтатель*), оно (мотивированное слово) идиоматично, поскольку отсутствует алгоритм его обнаружения (ср.: *писатель* и *мечтатель*)» [Чернейко 2013: 179]. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что идиоматичность знака возникает по той причине, что свое индивидуальное (лексическое) значение знак обретает не на словообразовательном уровне, а в лексико-семантической системе языка, точнее, в рамках того лексического множества, в которое он семантически входит.

Коннотативная система в русском языке достаточно хорошо изучена и описана, что отражено и в лингвистических исследованиях, и в лексикографической практике. Ю.Д. Апресян считает, что, с одной стороны, коннотативными значениями называются добавочные (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) элементы лексических значений, включаемые непосредственно в толкование слова. С другой стороны, о коннотативных значениях говорили и тогда, когда имели в виду узаконенную в данной среде оценку вещи или иного объекта действительности, обозначенного данным словом, которая не входит непосредственно в лексическое значение слова [Апресян 1995, Т.2: 158]. Под коннотацией лексической единицы Ю.Д. Апресян понимает «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [Там же: 159]. По мнению Л.О. Чернейко, при знакомстве с данным определением возникает закономерный вопрос о связи параметра «несущественность» коннотативного признака с термином «понятие», «в сигнификате которого представлены только существенные, лингвистически релевантные признаки, обеспечивающие слову как языковому знаку его дистинктивную (предметоразличительную в широком смысле) функцию, которая включает дискретизацию идеального континуума» [Чернейко 2019: 12]. Л.О. Чернейко разделяет мнение о том, что коннотация – это вторичное означаемое, и считает, что некая характеристика, аспект или параметр, вставленные в рамку оценки, являются означаемым коннотативной системы [Там же: 60].

В.Н. Телия рассматривает коннотацию как макрокомпонент значения, включающий в себя «наряду с образно-ассоциативным комплексом, переходящим во внутреннюю форму, эмотивную модальность и стилистическую маркированность» [Телия 1988: 178]. Исследователь считает, что коннотация охватывает внутреннюю форму (мотивирующий компонент), оценочный смысл,

стилистическую маркированность и экспрессивную окраску, которые характеризуют означаемое в целом [Телия 1986: 15]. Эти компоненты взаимозависимы: внутренняя форма обуславливает возникновение эмоциональной реакции, эмоция преобразуется в эмотивно-оценочное отношение говорящего субъекта, а эмотивно-оценочная модальность тяготеет к объективации стилистически не-нейтральными средствами [Там же: 124-125]. Внутренняя форма как «точка отсчета» играет важную роль в процессе возникновения нового значения.

Приведенные выше определения понятия «коннотация» признаны российскими лингвистами основополагающими. Их разница состоит в том, что для Ю.Д. Апресяна категория оценки представляется важнейшей частью коннотации, а В.Н. Телия, помимо оценки, подчеркивает эмоциональный, стилистический, ассоциативно-образный компоненты данного понятия, служащие основой для реализации оценки. О.Г. Ревзина указывает на то, что коннотация – неотъемлемая часть языковой системы и ее функционирования в социуме, поэтому коннотация есть лингвистическая универсалия [Ревзина 2001: 441]. Другие лингвисты считают, что коннотация – это приращение смысла (Ю.М. Лотман), основная когнитивная единица, обладающая прагматическим значением (А.А. Уфимцева), стереотипные ассоциации (М.В. Никитин) и ассоциация, носящая смысловой, побудительный и эмоциональный характер (Э.Г. Ризель), потенциальные признаки (В.Г. Гак), экспрессивная окраска (Д.Н. Шмелев), стилистическое значение (Т.Г. Винокур, Ю.М. Скребнев), семантическое изменение значения (Н.Г. Комлев) и т.д. М.Л. Ковшова и Д.Б. Гудков так выражают свое отношение к понятию «коннотация»: коннотация позволяет «легко открывать двери, замкнутые доселе для пытливого научного ума», и дает «возможность объяснить все то, что традиционному объяснению не поддается» [Гудков, Ковшова 2007: 46]. Но, как бы ни определялся термин, инвариантным в его разных определениях и пониманиях остаются два параметра – это «устойчивость» элемента содержания знака, обусловленная его

воспроизводимостью, и «несущественность» по отношению к его понятийному (логическому) ядру.

Многие русские исследователи, в том числе В.Н. Телия, Э.В. Кузнецова, Л.Г. Бабенко, И.А. Стернин и др., обращали внимание на изучение коннотативно маркированных единиц. По мнению Э.В. Кузнецовой, коннотация представляет собой необходимые средства совершенствования гибкости речевой культуры и средства, с помощью которых «в объективную информацию, выражаемую с помощью слов, ‘врывается’ субъективный человеческий фактор» [Кузнецова 1989: 182]. Все богатство и многообразие коннотативно маркированных единиц дает возможность для удовлетворения речевых потребностей разных социальных кругов, для индивидуализации высказывания, для вызывания у адресатов интереса к сказанному. Коннотативное значение является результатом преобразования «старого единства» означающего и означаемого в новое означающее. Этот процесс является динамичным, непрерывным и бесконечным, вторичное значение порождает последующие, в другом контексте появляются новые значения и т.д. В таком бесконечном процессе план выражения (означающее) представляет собой своеобразную смыслопорождающую почву, на которой вырастает множество значений и созначений.

Коннотация в качестве компонента значения языкового знака соответствует той части сообщения, которая связана с условиями и участниками общения, а денотация – это информация, составляющая предмет сообщения, не имеющая связи с коммуникативным актом [Арнольд 1990: 108]. Соотнося коннотацию и денотацию, И.Р. Гальперин писал, что коннотация является сопровождением денотации, она не отрицает денотацию, а строится на ней и сосуществует с ней [Гальперин 1980: 16]. Коннотация также не заглушает денотативный код, так как именно он способствует порождению различного рода модификаций значения. В коннотативной системе невозможно четко разграничить коннотацию и денотацию, они предполагают друг друга, потому что лексическое значение слова имеет континуальный характер. Знаки первичной системы (денотативной)

способны служить простой материальной опорой для вторичных означаемых, которые тем самым ведут своего рода «паразитное» существование (сосуществование первичной и вторичной систем), т.е. без денотативной системы коннотативная система не проявляется.

В современных толковых словарях русского языка коннотативно маркированные языковые единицы уже рассматриваются как самостоятельные слова (С.И. Ожегов, А.П. Евгеньева, Д.Н. Ушаков, Н.Ю. Шведова и др.): те языковые сущности, которые несут коннотативные значения, представляют собой прагматические «полуфабрикаты», придающие высказыванию субъективную модальность [ЛЭС 1990: 236]. Коннотативные языковые единицы являются прагматическими компонентами текста, добавляющими ему эмоционально окрашенные смысловые оттенки. Прагматика обозначает отношение говорящего к ситуации, содержанию сообщения и адресату [Апресян 1995, Т.2: 157]. Поэтому, с точки зрения прагматики, коннотация – это эмоционально-оценочный компонент лексического значения. При этом коннотация сложна и многослойна, она связана со многими экстралингвистическими факторами, например, уровнем развития социума, национальной культурой и др., причем у всех факторов, воздействующих на формирование коннотативного значения, есть свои «ветви», например, культурный фактор коннотативного значения соотносится с образом жизни, традициями, обычаями, мировоззрением народа [Матвеева 2003: 9].

Бартовское исследование латентных означаемых в коннотативной системе было не стремлением неправомерно или преждевременно расширить пределы семиологии, а попыткой качественно переориентировать лингвистику. Переход к лингвистическому изучению коннотаций становится характернейшим признаком современного состояния коннотативной системы: с одной стороны, производитель информации начинает выражать свое мнение или отношение к делу сознательно при помощи употребления знаковой системы с латентным значением и аксиологическим потенциалом, а с другой стороны, адресат речи

обретает навык восприятия дополнительной информации, сопутствующей знаку в его основном значении.

2.2. Типология коннотаций

Цель говорящего заключается не только в том, чтобы донести до собеседника свою точку зрения, но и в том, чтобы активизировать сознание адресата. Язык, особенно родной, тесно связан с человеческим мышлением: он неотделим от личной и общественной жизни каждого из нас, является выразителем различных чувств – горя, радости, чаяний, досады, ненависти и т.д. «Язык становится для нас символом нашей личности и общества, в котором мы живем» [Балли 2001а: 28]. Человек как продукт общества имеет не только физиологические особенности, но и психологическую и социальную характеристики, и мыслительные способности человека обогащают содержание языкового знака. Связь индивида и общества отражается в коннотативном значении слова постольку, поскольку коннотация – это дополнительная смысловая нагрузка, которая ложится на говорящего субъекта. Выражая свое мнение, адресант прежде всего выбирает языковые средства по собственной интенции, причем этот процесс идет под влиянием разнородных факторов: индивидуального мировоззрения, уровня образования, социальной принадлежности, жизненного опыта и др. Выбранные говорящим языковые знаки в той или иной степени сохраняют в себе оценочные элементы, т.е. аксиологическое отношение адресанта к описанной ситуации.

В предыдущем разделе были описаны представления Л. Ельмслева о денотативной и коннотативной семиотике. В область коннотативной семиотики исследователь включил разные явления: различные стилистические формы, которые характеризуются разного рода ограничениями, например, стих, проза и их смешанные формы; различные стили, например, творческий и подражательный (нормальный); разного рода оценочные стили, например, низкий и высокий; различные эмоциональные тоны и различные идиомы [Ельмслев 2006: 134-135]. Поэтому, с точки зрения Л. Ельмслева, разделение коннотативной

семиотики нужно проводить в соответствии со стилями, оценкой, эмоциями [Там же].

В «Большом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой предлагается классификация коннотативных значений языкового знака по тем факторам, которые занимают доминирующее место в процессе выражения отношения к кому-либо или чему-либо: А. образное или звукосимволическое представление, например, *губошлеп*, *кровавая заря*; Б. оценочная и эмоциональная квалификация, например, *солнышко*, *голубка*; В. качественная квалификация, например, *бурда*, *чепуха*; Г. количественная квалификация, например, *нощице*; Е. какой-либо стилистический регистр, например, торжественное слово *воздвигать* и просторечное *валандаться* [Языкознание 1998: 236].

По мнению Л. Блумфилда, коннотативное значение искажает первичное значение, добавляет к прежнему смыслу новые параметры. Ученый указывает на следующие элементы, влияющие на типизацию коннотаций: 1) социальный слой говорящего субъекта. Речь привилегированного сословия официальна, но манерна, простолюдины часто используют в речи грубые слова, а лексика, употребляемая деревенскими жителями, отличается простотой и безыскусностью; 2) место проживания говорящего, в связи с которым появляются локальные коннотации, например, сохранение архаичных форм в некоторых языковых коллективах. Так, в древнем Китае люди в основном жили на территории бассейна реки Хуанхэ, далеко от моря, поэтому для проживающих там раковины являлись редкими вещами и использовались в качестве денежных единиц. По этой причине китайские иероглифы, обозначающие ценность, обычно носили ключевой указатель 𠂔 (раковина). В наше время раковины в качестве денежных средств уже не используются, но иероглифы с элементом 𠂔 (раковина) продолжают употребляться для обозначения дел, имеющих связь с деньгами, или вещей, представляющих ценность; 3) профессия адресанта. Профессиональная деятельность в некоторых случаях определяет значение слова, например,

точность юридической лексики, беззаботное звучание морских терминов, строгость и логичность математических; 4) стилистическая принадлежность, например, коннотации сленга, книжных и разговорных форм [Блумфилд 1968: 156-160].

Изучая коннотативное значение с точки зрения условий общения и жизненного опыта индивида, Н.Г. Комлев считает, что типология коннотаций постоянно находится под непосредственным влиянием психических характеристик и особенностей адресанта. Он предлагает следующие факторы, оказывающие влияние на классификацию коннотативных значений: А. Представление индивидуума, т.е. субъективные картины действительности, которые подвергаются воздействию возраста, кругозора, опыта и других индивидуальных характеристик личности; Б. Чувство, т.е. чувственные и эмоциональные компоненты; В. Культурный компонент, т.е. подчеркивается зависимость семантики языкового знака от национально-культурного сообщества, в результате чего возникает культурная коннотация; Г. Поля, т.е. потенциально заложенный в лексическом значении слова указатель его принадлежности к какой-либо сфере использования, к определенной теме, причем коннотация возникает именно в указанной сфере употребления, в ином контексте такая стилистическая окраска исчезает; Е. Знание, т.е. уровень знаний адресанта и адресата в определенной степени воздействуют на результат улавливания созначения слова, поэтому Н.Г. Комлев отметил, что соотношение уровней знания может влиять на процесс коммуникации как положительно, так и отрицательно; Ж. Мировоззрение говорящего субъекта [Комлев 2006: 109-128].

Ю.Д. Апресян обозначил следующие факторы, влияющие на формирование коннотативного значения: «существующая в данном обществе практика использования референта лексемы, традиции литературной обработки, исторический, политический, религиозный и психологический контекст существования лексемы или ее референта, этимологическая память слова, связанные со словом культурные представления» [Апресян 1995, Т.2: 159-160].

Все эти факторы находятся под влиянием культуры сообщества. Ученый относит коннотацию к элементам прагматики и разделяет мнение о том, что коннотация выражает отношение производителя речи к предмету, содержанию речи. Наряду с семантической ассоциацией, коннотация состоит из смысловых элементов, отражающих связанные со словом культурные представления и традиции [Апресян 1995, Т.1: 67]. Эти господствующие в том или ином языковом коллективе культурные компоненты воздействуют на семантику слова и играют важную роль при формировании коннотации.

Коннотация – сложный феномен, носящий, к тому же, окказиональный и узуальный характер, в связи с этим в лингвистике существует деление значения (коннотативного значения) на узуальное (ингерентное) и окказиональное (адгерентное, контекстное). Узуальное значение всегда является стилистически маркированным, поскольку оно уже несет на себе стилистическую нагрузку, а окказиональное коннотативное значение выражается через стилистически нейтральные слова или словосочетания, дополнительные значения которых могут быть получены лишь в данном конкретном контексте [Полякова 2013: 147-149]. И узуальные коннотативные значения, и окказиональные включают в себя эмоциональные, экспрессивные, оценочные, культурные компоненты и стилистические оттенки.

Являясь на протяжении долгого времени объектом изучения многих российских и зарубежных ученых, коннотации так и не получили общепринятого варианта классификации. Но, как было сказано выше, существует ряд взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов, влияющих на формирование коннотаций: экспрессивные, эмоциональные, культурные компоненты, аксиологическое отношение, стилистическая принадлежность, индивидуальные факторы (мировоззрение, профессия, социальная принадлежность, жизненный опыт и т.п.) [Блумфилд 1968; Телия 1986; БЭС 1998; Комлев 2006; Апресян 1995, Т.1; Полякова 2013].

В.Н. Телия рассматривает коннотативное значение как семантическую сущность, которая принадлежит значению предмета и соответственно содержит в себе «ассоциативные сигналы», с помощью которых создается экспрессивность высказывания и передаются эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение говорящего субъекта к описанной действительности [Телия 1986: 4-5]. В 1993 году В.Н. Телия предложила термин «культурная коннотация», которая рассматривается как способ воплощения культуры в языковом знаке. В.Н. Телия дала культурной коннотации такое определение: «интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения языкового знака в категориях культуры, предполагающая выявление связи образа, лежащего в основе номинативной единицы языка (слова или фразеологизма), со стереотипами, символами, эталонами, мифологемами и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [Телия, Опарина 2011: 145]. Культурная коннотация представляется «результатом интерпретативно-концептуализирующего соотнесения естественно-языковой семантики с различными слоями области констант культуры» [Телия 2005: 27].

Рассматривая коннотации с точки зрения содержательной стороны языкового знака, Г.В. Токарев разделяет культурные коннотации на эмотивные, оценочные, дескриптивные и интенсивные. Среди них дескриптивная коннотация – «несущественные сигнификативные признаки, отражающие фоновые знания членов лингвокультурной общности», а «оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотнесения с культурными установками (правилами поведения), стереотипами, фоновыми знаниями» [Токарев 2003: 58-59]. Т.В. Матвеева подчеркивает особую важность культурного компонента, который «соотносится со знанием образа жизни, традиций, обычаев, мировоззрения народа», в процессе анализа коннотаций [Матвеева 2003: 111-112]. Приведем в пример слово *лягушка*, имеющее разные коннотации в различных языках и культурах: в немецкой культуре лягушка ассоциируется с симпатичным младенцем, в чешской культуре – с милой девочкой, в русской – со страшным,

безобразным существом, в китайском же языке данное слово имеет одновременно две коннотации – и что-то уродливое, и символ богатства.

В лингвистике понятие «экспрессивность» рассматривается как синоним понятия «коннотативность» [Телия 1986: 7]. Так, коннотация представляет собой информацию, закодированную в семантике языковых единиц и активизирующуюся при построении высказывания в определенной ситуации, в результате чего экспрессивный эффект слова усиливается. Экспрессивно-эмоциональная коннотация слова или словосочетания выражает ту или иную эмоцию или чувство в определенной ситуации, при этом эмоция представляет собой относительно кратковременное переживание (например, гнев, тревога, радость, удивление и т.п.), а чувством называется устойчивое переживание (отношение), такое как уважение, ненависть, любовь и др. Поэтому эмоциональная коннотация носит узуальный и в то же время окказиональный характер. Экспрессивно-эмоциональный компонент значения языкового знака порождается на основе свойств референта (предметно-логического компонента), но после возникновения экспрессивно-эмоциональной коннотации происходит модифицирование или замена предметного значения. Например, денотативное значение слова *мед* – ‘сладкое густое вещество, которое вырабатывают пчелы из нектара’ [Ожегов, Шведова 2007: 355], но в сознании человека мед ассоциируется прежде всего со сладостью, вызывает некие приятные чувства. Английское наименование меда *honey* в силу своих коннотативных значений используется как обращение к любимому или любимой. Экспрессивно-эмоциональная коннотация слова характеризуется выразительностью, образностью, а также способна подчеркивать, усиливать определенную часть содержания языкового знака.

«Наличие эмоциональной коннотации почти всегда влечет за собой экспрессивность» [Арнольд 1990: 113]. Причина в том, что эмоциональный компонент всегда сопутствует экспрессивному, а экспрессивность достигается благодаря наличию эмоциональности. Рассмотрим следующий пример из радиопередачи: *Начинаем с самого горячего пирожка* (Радио Sputnik, 20.04.2018).

В данном контексте *горячий пирожок* не только обозначает «свежесть» и реальность переданной информации, но и подчеркивает ее «отличный вкус», что, по предположению говорящего, должно вызвать интерес и определить популярность сообщения. Это выражение содержит экспрессивный и эмоциональный компоненты значения, что обуславливает появление экспрессивно-эмоциональной коннотации. Коннотации такого рода придают выражению некую фамильярность, игривость. Например, *На нынешней стадии расследование катастрофы малайзийского авиалайнера больше похоже на политический пинг-понг, считает юрист* (РИА Новости, 12.02.2019). Слово *пинг-понг* экспрессивно указывает на процесс расследования авиакатастрофы: у каждого государства есть повод для снятия с себя ответственности и вопрос остается неразрешимым и открытым.

Оценочная коннотация представляет собой «компонент значения слова, устанавливающий ценность, связанный с чувствами» [Ахманова 1966: 197], подразумевает скрытое выражение положительной или отрицательной оценки, одобрения или неодобрения в отношении описываемой действительности. «Положительная оценка передается с помощью *ласки* (*птенчик* – ласк.), *восторга* (*прелесть* – восторж.), *одобрения* (*молодчина* – одобр.) и т.п.; отрицательная оценка основывается на отрицательных эмоциях: *осуждении* (*ворюга*), *неприятии* (*подлиза*), *иронии* (*умничать*) и др.» [Там же]. В наше время способы воплощения оценочной коннотации не ограничены указанными способами, особенно для сферы масс-медиа. Существуют, например, когнитивная метафора (*пандемия прогресса, стена равнодушия*), игра слов (*не по Китай меня, уПРОчение мира*), слова, взятые в кавычки (*«имиджи», «мировой жандарм»*), прецедентные феномены (*козел отпущения, медвежья услуга, крокодиловы слезы*), преобразование фразеологических единиц (*Будет лень – будет пицца, Мэр сказал – мэр сделал*) и т.д. В текстах СМИ оценочные коннотации языковых знаков часто появляются в заметках о политических событиях, например: (1) *И все это на фоне громких заявлений Петра Порошенко. Сегодня, к примеру, он сказал, что*

Украину могут силой вернуть в стойло Москвы (НГ, 25.02.2019). В данном контексте употребление слова *стойло* выражает мнение Петра Порошенко об отношениях между Украиной и Россией: с точки зрения политика, Россия стремится управлять Украиной, держать ее под своей властью, как пастух, загоняющий коров в стойло. Используя слово *стойло*, Петр Порошенко выражает неодобрение сложившейся ситуации и обозначает свое недружественное отношение к Москве. Но Порошенко упустил из вида, что употреблением этого слова он вводит имплицитно метафору *Украина-‘стадо’*. (2) *Теперь Трамп в американской картине мира – не просто «ставленник Путина», а с незапамятных времен «человек Москвы», который наверняка с 80-х получает политическую поддержку и зарплату из Кремля (так и заработал, поди, свой первый миллиард). Не зря ведь и в жены выбирал славянок – связные, не иначе* (РИА Новости, 12.07.2018). Словосочетания *ставленник Путина* и *человек Москвы*, взятые в кавычки, иронично выражают несогласие с мнением американцев о связи Трампа с Москвой.

Коннотация стилистическая (или стилистическая окраска) – «дополнительные стилистические оттенки, которые накладываются на основное, предметно-логическое значение слова и выполняют эмоционально-экспрессивную или оценочную функцию, придавая высказыванию характер торжественности, фамильярности, грубоватости и т.д.» [КРР 2007: 684-685]. Стилистическая коннотация тоже включает в себя эмоциональные, экспрессивные, оценочные, а также культурные компоненты. Стилистическая коннотация языкового знака возникает тогда, когда слово употребляется преимущественно в каких-то функциональных стилях или определенных сферах речевой деятельности, причем обозначаемое может принадлежать другому стилю или сфере. «Можно полагать, что стилистическая окраска также имеет форму модальной рамки» [Телия 1986: 132], потому что адресант и адресат информации знают, к какому стилю речи обычно относится используемое средство выражения. Коннотация, возникающая в результате смешанного употребления слов разной

стилевой принадлежности, обычно обладает комическим или ироническим эффектом, оставляя относительно глубокое впечатление в памяти адресата. Например, *Здесь можно будет найти то, что приведет нашу страну от выживания к нормальной жизни. Инерция культуры еще сохраняется, и пока нет абсолютного мракобесия, диалог возможен* (Огонек, № 18, 21.05.2018). Физический термин *инерция* в приведенном контексте употребляется для обозначения поступательного движения культуры в его прежнем режиме (спокойном), что дает надежду на возможность положительного влияния прежней формы культурной жизни народа на ее настоящее и будущее.

Культурные, экспрессивно-эмоциональные, оценочные и стилистические коннотативные компоненты обычно сопутствуют друг другу в речевой деятельности, поэтому их часто смешивают, а сами термины употребляют как синонимы [Арнольд 1990: 115]. Однако эти компоненты не обязаны сходиться в одном слове, поэтому они реализуются в разнообразных комбинациях (например, в одном высказывании содержатся культурная и экспрессивно-эмоциональная коннотации, а в другом – экспрессивно-эмоциональная и стилистическая). Особенно часто это наблюдается в текстах СМИ, сочетающих в себе разные функциональные стили. Возникновение коннотации у той или иной лексики в значительной степени зависит от контекста, где слово может проявить свою разноплановость и многослойность.

Коннотация относится и к языковой системе, и к сознанию человека, она может активизировать в сознании получателя информации определенные импликации, имеющие стратегические, ситуативные и эмотивно-оценочные особенности, связанные с прошлым и настоящим общественным опытом. С опорой на перечисленные выше факторы, оказывающие влияние на образование коннотаций, виды коннотаций могут быть представлены следующим списком: «вещная» (проекция вещи или идеи вещи на предметный мир), «невещная» (проекция идеи на идею), «аксиологическая» (устойчивая оценка), «стилистическая» (закрепление за стилистическим регистром), «культурная».

Разные типы коннотаций свидетельствуют о том, что коннотация представляет собой многосторонний и многослойный феномен, ее возникновение, типологизация и восприятие связаны со многими компонентами, примыкающими друг к другу. Каждый из типов коннотации воплощается в контексте не в чистом виде, они переплетаются и создают необычный речевой эффект. Коннотативное значение тесно связано с внутренним миром человека (интерпретатора) и окружающей его действительностью. В связи с этим в настоящей работе коннотация изучается в функциональном аспекте и рассматривается с позиции прагматики.

2.3. Коннотация и проекция

Природа коннотации связана с ментальным пространством человека. Так, В.И. Говердовский предлагает понимать коннотацию как «определенный спектр психических ассоциаций, связанных со словом» [Говердовский 1979: 52], которая подвергается действию этнографических, морально-этических и культурологических факторов [Говердовский 1985: 75]. Например, в русской культуре *лиса* – хитрый человек, *черный кот* – символ неудачи, невезения, *змея* – злой человек, в китайской культуре *бык* – человек здоровый, сильный и в то же время упрямый, *черепаха* – символ долгой жизни, а также обозначение боязливого человека, *мягкая хурма* – слизняк. При смысловой модификации языковой знак не теряет связи с исходным значением, со своей «исконной почвой». Коннотация является результатом интеграции внутренних (личное мировоззрение, знание, жизненный опыт, личные ассоциации и др.) и внешних факторов (природные условия, уровень развития общества, материальные факторы, конкретные ситуации и контексты и др.), поэтому трудно включать коннотативное значение слова в толковый словарь.

По мнению Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука, «лексическая коннотация лексической единицы L есть некоторая характеристика, которую L приписывает своему референту и которая не входит в ее толкование» [Иорданская, Мельчук 1980: 196]. В этом определении речь идет о коннотациях лексической единицы L,

под которой понимается лексема или фразема, поскольку в принципе ничто не мешает возникновению коннотативных значений у фразем. Коннотация способствует протеканию таких языковых процессов, как преобразование фразеологизма (*Цыплят по осени считают – Трудовые резервы по осени считают, Война войной, а обед по расписанию – Война войной, а инвестиции по расписанию, Старость не радость – Старость не гласность*), фразеологизация (*выиграть время, потерять лицо*), словопроизводство (*смомби, мишустинг, путинизм, ДомаБабушкинская*), метафоризация (*политика – пирог, радость – наш кредит, хорошая актриса как замечательная глина*), семантическое взаимодействие языковых единиц (*пепел иллюзий, заражать беженством*) и т.д. После завершения «процессов переработки» слов или словосочетаний их несущественный, прагматический признак в первичном значении превращается в существенный, семантический в переносном.

Лингвисты считают коннотацию своеобразным семантическим мостиком для формирования вторичного, переносного смысла [Иорданская, Мельчук, 1980]. Как отмечалось ранее, способность лексико-семантического варьирования (сдвига) заложена в природе языкового знака. По мнению Ю.Д. Апресяна, коннотация – один из потенциальных источников лексико-семантического обновления слова или словосочетания, в чем проявляется важный творческий аспект языка [Апресян 1995, Т.2: 169]. Исследователь также отмечает, что фиксирование наличия коннотации у слова происходит только тогда, когда несущественный признак обозначаемого словом объекта действительности становится семантическим компонентом в толковании другого слова [Там же]. Поэтому коннотация работает как связующее звено между словами и способствует уподоблению разных языковых единиц.

Ю.Д. Апресян считает метафоры и сравнения одними из средств материализации коннотаций [Там же: 163]. Метафора обычно объединяет наименования двух объектов (например, *молчание – золото, девушка – цветок*), причем второй объект подчеркивает какую-либо важную черту первого

(*молчание* – неоценимое достоинство, *девушка* – прекрасное создание). Человек всегда стремится найти способы выражения сложного и непонятного через более четкие, образные и знакомые понятия, поэтому метафора является способом мышления, а не просто средством украшения речи. В метафоре отражается история, традиции, культура и другие особенности той или иной нации. С точки зрения Ю.Д. Апресяна, «коннотации лежат в основе многих привычных метафор и сравнений» [Там же: 164]. Например, *Он упрямый, как осел*. Отдельно взятое слово *осел* имеет отрицательные коннотации, поэтому приведенное сравнение передает негативное отношение адресанта к упрямому человеку. Н.Д. Арутюнова писала, что «метафора любит работать на той области идеального, которую принято называть коннотациями значения слова» [Арутюнова 1999: 369]. Метафора демонстрирует процесс переработки интеллектуальной, эмоциональной и другой мыслительной деятельности человека. Метафора есть стадия в переработке сырья, из которого формируется значение языкового знака, это своеобразный «этап на пути от представлений, знаний, оценок и эмоций к языковому значению» [Там же: 370]. Акт метафорического творчества создает основу для ряда семантических процессов, например, возникновения новых переносных значений, развития синонимических средств, расширения сфер эмоционально-экспрессивной лексики и терминологии, создания полисемии. Сравнение как «уподобление одного предмета другому» является фигурой образной речи [Ушаков 2005: 649]. Оно рассматривается как один из способов восприятия, осознания действительности и является результатом наблюдения и анализа сходств (обычно частных) между объектами окружающего мира. Человек всегда сознательно или бессознательно стремится к сравнению: мы исследуем, измеряем, познаем и сравниваем. А результат сравнения – истинное или ложное эмпирическое суждение. Сравнение может отражать национальные стереотипы мышления и представления об окружающей среде, а также картину мира индивида и данного языкового коллектива.

Метафоры и сравнения служат инструментами оформления реальности, помогающими познать непонятный или не очень понятный мир, воспринимать один опыт в терминах другого. Они становятся ключом к пониманию основ мышления и национально-специфического мировидения. Опыт человека вдохновляет на создание метафор и сравнений. По мнению Э. Сепира, метафоры и сравнения представляют собой средство взаимодействия языкового знака и опыта, накопленного человеком или группой [Сепир 1993: 228].

М. Блэк так описал механизмы метафоризации: «Мы как бы “смотрим” на главный субъект “сквозь” метафорическое выражение – или, говоря другими словами, главный субъект “проецируется” на область вспомогательного субъекта» [Блэк 1990: 165]. С точки зрения М. Блэка, главный субъект – неизвестное, непонятное или менее известное, менее понятное, а вспомогательный субъект – известное, понятное или более известное, более понятное. Вторичный субъект помогает повысить образность и наглядность главного, декодировать его и реализовать приращенный смысл (коннотации). Коннотация, носящая окказиональный характер, обычно не относится к области исчерпывающего контроля со стороны человеческого сознания, и реализации такой коннотации помогает способ проекции. Проекция как фактор порождения коннотативного значения возникает в сознании говорящего, а воплощается (кодируется) в метафорическом контексте, обусловленном его (говорящего) личным опытом, эмоциональным состоянием, ассоциативными способностями и картиной мира.

Технический термин «проекция» (от лат. *projectio* – ‘бросание вперед, выбрасывание’) так определен в толковом словаре: «1. Геометрическое изображение на плоскости...; 2. Передача на экран изображения» [Ожегов, Шведова 2007: 915]. В области психологии термин «проекция» представляет собой «психический процесс, который сопровождается вынесением субъективных переживаний вовне, наделением внешних объектов внутренними бессознательными желаниями» [Лейбин 2015: 22]. Таким образом, проекция

является фундаментом процесса познания, она тесно связана с мыслями, мотивами, целями субъекта речи, и поэтому в ней представлен субъективный взгляд на мир, «предвзятая» интерпретация окружающей действительности.

Термин «проекция» определяется через процессуальный глагол *проецировать*. Математическое понимание термина вводит понятие «плоскость», «на которую проецируется произвольная точка А» и которая «называется двояко – “плоскостью проекций” и “картинной плоскостью”» [Чернейко 2019: 14]. Носители языка (и сознания) используют предметный мир и/или мир более известных, а потому и более понятных феноменов (если речь идет о фрагментах умопостигаемого мира) как картинную плоскость, на которую проецируется значимая, но непонятная сущность (абстракция). Проекция строится по следующему принципу: X (непонятное, неизвестное, абстрактное) проецируется на Y (известное или более известное, понятное или более понятное, конкретное). Приведем в пример словосочетание *стена равнодушия*, проанализированное в работах Л.О. Чернейко: у имени *равнодушие* нет собственных предикатов, потому что у стоящего за именем феномена нет эмпирически постигаемых свойств, оно эмпирически пусто, но в феномене, скрытым под именем *равнодушие*, собрано множество разнородных социально значимых (не видимых, но понимаемых) параметров. В приведенном словосочетании абстрактное имя *равнодушие* проецируется на предметное *стена* (в данном контексте имеет место сигнификативная интеракция, т.е. взаимодействие сем значений имен). Различия между двумя равными по синтаксической структуре (генитивные метафоры), но совершенно разными по когнитивному статусу синтагмами демонстрируются их сопоставлением: *стена дождя* – оба имени существительных *стена* и *дождь* имеют одинаковый семиотический статус и дают метафору образную, двуплановую, по Н.Д. Арутюновой (представляющую одновременное видение двух явлений), где *стена* выполняет функцию «скрытого» предиката, а *стена* и *равнодушие*, будучи семиотически гетерогенными единицами, дают метафору когнитивную (концептуальную), одноплановую, в которой обнажается такой

понимаемый параметр равнодушия, как «социальная непробиваемость, непроницаемость» человека, спроецированная на стандарт этого качества, принятый в русской языковой картине мира.

Применительно к художественному тексту (ХТ) Л.О. Чернейко отмечает, что в проекциях, которые являются конституирующим элементом любого ХТ, происходит «удвоение воспринимаемой реальности», оно связано не с логикой познания мира, а с активизацией памяти наблюдателя и обращением субъекта восприятия или говорящего субъекта к своему индивидуальному опыту [Там же: 16]. Проекция определяется «как форма выхода субъекта восприятия из эмпирической реальности. ... Для метафизики сознания проекции (метафоры, сравнения, метаморфозы) представляют собой возможность активизации индивидуального опыта» [Там же]. Разнообразные тропы представляют собой разные языковые формы проекции. Рассмотрим пример из лозунга Радио Sputnik, где рекламируется качество передаваемой ими информации: *Без воды, без пены, вся соль* (Радио Sputnik, 28.11.2019). В данном контексте информация уподобляется соли как чему-то важному, имеющему особую ценность. С древних времен соль очень ценилась в быту, играла важную роль в жизни человека. Таким образом, информация как абстрактная сущность проецируется на нечто конкретное и очень ценное, эталоном чего в русской культуре является соль. Рассмотрим еще один пример: *Ностальгия бочками* (Огонек, № 42, 23.10.2017). Бочки – это особые сосуды (емкости), широко используемые в русском крестьянском быту и являющиеся русской мерой жидкости (40 ведер) [Ожегов, Шведова 2007: 57]. Ностальгия как непредметный феномен (невидимое, но ощущаемое психо-соматическое состояние) в этой метафорической номинации проецируется на жидкость (частая проекция в русской культуре [Успенский 1979]) в очень больших количествах, мера которой – бочка.

Коннотация всегда сопровождается оценкой, которая служит основой коннотативного компонента лексического значения. Оценочность является базовым элементом в изучении коннотативного значения субстантива.

Необходимые условия для воплощения проекций – мотивирующие слова, которые могут обеспечить восприятие коннотативных компонентов. Коннотативное значение слова отражает понимание определенных фрагментов действительности и аксиологическое (ценностное) отношение к иным. В статье журнала «Огонек» с заголовком «*Пандемия прогресса*» (Огонек, № 9, 10.03.2020) рассказывается о связи человеческой цивилизации с вирусными эпидемиями. Здесь абстрактное имя *прогресс*, обозначающее ‘улучшение, развитие, движение вперед’, осмысляется через проекцию на пандемию, охватывающую население Земли. Такое нетривиальное сочетание приводит к столкновению противоположных сем – ‘плохо (катастрофа)’ субстантива *пандемия* и ‘хорошо-улучшение’ субстантива *прогресс*. По мнению автора данной статьи, пандемия является платой человечества за нарушение баланса между людьми и природой во имя так называемого прогресса цивилизации и собственного благоустройства. Итак, в этом контексте обнаруживается и «вещная» коннотация прогресса, поскольку он мыслится как распространяющееся инфекционное заболевание, и его отрицательная оценка. Прогресс как социальный параметр общества осмысляется как болезненное состояние общества, непрерывно стремящегося к улучшению своей жизни (повышению ее качества) в ущерб окружающей среде.

Проекция X на Y возможна тогда, когда в сознании человека есть соответствующий опыт и знание относительно Y – метафоризатора X-а. До включения слова в контекст оно обладает лишь значением, зафиксированным в словаре, и стереотипными ассоциациями. После включения в контекст слово обретает и дополнительный смысл, и соответствующее оценочное значение. Именно в контексте активизируются коннотативные компоненты слова и реализуются «проективные смыслы» стоящего за словом феномена действительности.

Проективные смыслы предлагаются Л.О. Чернейко «как инструмент лингвистического моделирования чувственных и логических образов абстрактного феномена, в которых осмысляются его значимые для культуры

профили (стороны, аспекты) и которые направляют сочетаемость его имени, а набор проективов представляет собой верифицируемую модель содержания абстрактного имени» [Чернейко 2019: 18]. Термин «проективный смысл» («проектив») предложен в [Чернейко 2009] для реконструкции ассоциативного ореола фрагмента внеязыковой действительности по сочетаемости его имени с вторичными предикатами. В работах [Чернейко 2012, 2015, 2018] на большом материале продемонстрирована эффективность применения этого лингвистического инструмента к анализу текстов разных жанров. При изучении широко понимаемой метафорики художественного текста применение этого термина позволяет снять различия между такими тропами, как метаморфоза, метафора и сравнение [Чернейко 2017].

Термин «концепт» как один из инструментов когнитивной лингвистики применим к модели содержания таких значимых для культуры имен, референт которых «оброс» разного рода ассоциативными связями, включая его проекции (вещные и логические образы), а также оценочные коннотации. О значительной роли проективных смыслов в исследовании коннотативных значений абстрактных имен будет идти речь во второй главе настоящей работы.

Проективные смыслы имеют особое значение для изучения коннотативной системы субстантива. В отличие от термина «коннотация» «проектив» принадлежит стоящей за именем сущности (предмету, идее) и только ей, тогда как коннотацией охватывается и предмет, и его имя, например, *вертикали власти*, *капли терпения*, *паутина мнений*, *мост дружбы* и т.д. Кроме того, термином «коннотация» охватываются все узаконенные ассоциации знака (т.е. ассоциативные стереотипы), в том числе и стилистические. Метод выявления проективов – анализ глагольной и адъективной сочетаемости, особенно метафорической, потому что в метафорически-ассоциативном признаке отражается субъективное свойство описанного предмета. Рассмотрим следующий контекст: *Россия попробовала масштабного террора еще при Иване Грозном, с тех пор она не может слезть с этой иглы* (Профиль, 27.08.2017). В данном

высказывании террор как социальное явление проецируется на наркотическое вещество, поскольку устойчивое выражение *слезть с иглы* отсылает именно к наркодискурсу – к его идеологии и языковым средствам ее воплощения. Только в данном контексте слово *terrор* имеет «наркоконтнотацию», ни в каких словарях не зафиксированную. Словарь С.И. Ожегова не фиксирует на слово *игла* идиому *слезть с иглы*, но в некоторых словарях русского языка она зафиксирована в значении ‘освободиться от наркотической зависимости’: «Игла – общая метафора наркомании. Слезть (спрыгнуть, сойти) с иглы – освободиться от наркотиков» [Елистратов 1994: 176].

Проектив, так же как и коннотация языкового знака, может утрачиваться по истечении времени, а «некоторые из новых ассоциаций, превращаясь в новые значения, могут впоследствии приобрести доминирующее положение в семантической структуре слова» [Долинский 2019: 42]. Осуществление коннотативной функции знака опирается на ряд факторов (контекст, способность к ассоциации, психическое состояние, личный опыт, уровень образования адресата и др.), отсутствие которых может вызвать утрату коннотации, а также привести к неудачной реализации проекции. Коннотация активно живет до тех пор, пока существует идеологический контекст, в котором может свободно ориентироваться человек. Умирание контекста предвещает умирание соответствующих коннотативных смыслов. Например, раньше в Китае была такая поговорка: *Надо есть пельмени перед самым отъездом*. Эта традиция связана с пожеланием уезжающим добиться успеха в деле и хорошо заработать. Дело в том, что в династии Сун (государство Китая, существовавшее с 960 по 1279 г.) общепринятой валютой являлось Цзяоцзы (交子). Данное название по произношению очень похоже на наименование китайского традиционного блюда пельмени и по внешней форме сходно с Юаньбао (в древнем Китае деньги, сделанные из золота или серебра). Поэтому в поговорке древняя китайская форма существования денег Цзяоцзы (交子) проецируется на пельмени на основе сходства произношения и внешней формы. Так как Цзяоцзы давно перестали

использовать как общепринятую валюту, современные китайцы уже не знают исконных коннотативных значений данного слова, традиция есть пельмени перед отъездом не соблюдается, проекция Цзяоцзы на пельмени утратилась и, как следствие, исчезла соответствующая поговорка.

Как было сказано выше, в проекции могут быть выделены два компонента: X (неизвестное и непонятное, менее известное и понятное) проецируется на Y (известное и понятное, более известное и понятное) через нетривиальное видение ситуации. Но в принципе нельзя сказать $X > Y$, или $X = Y$, или $X < Y$, поскольку каждое слово имеет свое ассоциативное пространство, X и Y могут быть как предметными, так и абстрактными именами, поэтому существуют такие варианты соотношения X и Y :

X : предметное – Y : предметное (*стена дождя, река автомобилей*);

X : предметное – Y : абстрактное (*стена равнодушия, дерево жизни*);

X : абстрактное – Y : предметное (*время – золото, любовь – бриллиант*);

X : абстрактное – Y : абстрактное (*счастье – свобода, политика – война*).

Сторона Y дает характеристику стороны X на основе их сходных параметров за счет проекции (тропов, метафор, сравнений, метаморфозы), которая уходит корнями в опыт говорящего субъекта. Проективные смыслы отражают существующие в сознании носителей языка взаимоотношения между понятийными сферами, в них сохраняется экспрессивно-эмотивно-оценочный потенциал сферы источника. Из сказанного следует, что данный инструмент познания мира предлагает широкие возможности воздействия на внутренний мир адресата (его волю, эмоции, отношение к действительности и др.) в процессе коммуникативной деятельности.

Основные выводы

1. Функциональный стиль рассматривается как исторически сложившаяся и социально осознанная подсистема литературного языка, которая обслуживает разные сферы деятельности социума и характеризуется определенными присущими им целями и содержанием высказывания. Стилистическая

дифференциация языковых единиц является фактом системы языка, поскольку в содержание стилистически маркированной единицы «вписана» информация о коммуникативной ситуации, в которой слово уместно. В эпоху огромных социальных сдвигов стилистическая принадлежность языковых единиц изменяется, а контраст между функциональными стилями размывается.

2. В настоящее время на место литературного языка претендует язык СМИ, поэтому наблюдается расширение границ литературного языка и контингента его носителей. Язык публицистического стиля, нормы которого значительно шире норм литературного языка, обогащает последний новыми словами и новыми речевыми оборотами, в которых реализуются неоконнотации. Язык СМИ оказывает влияние и на количественное изменение лексикона, и на качественное, а именно на обновление значений уже существующих единиц языка. Главная специфика языка СМИ состоит в его подвижности, в способности передавать «языковой вкус эпохи» (выражение В.Г. Костомарова).

3. В текстах современных СМИ часто встречается нестандартное употребление терминов, слов или устойчивых словосочетаний, авторских неологизмов или окказиональных слов и других нетривиальных способов выражения (например, *коОPERАция*, *Добро пожаловаться*, *доСТАть*). Именно в них отражается процесс развития языка и изменения языковой нормы, поэтому нельзя игнорировать их влияние на дальнейшее функционирование и развитие литературного языка.

4. Коннотативная система позволяет адресанту выражать свое мнение или отношение к предмету, лицу, ситуации при помощи употребления знаков денотативной системы с их латентными значениями и аксиологическим потенциалом, а адресату - обретать навык восприятия дополнительной информации, сопутствующей знаку в его основном значении.

5. Существует ряд взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов (экспрессивные, эмоциональные, культурные, аксиологическое отношение, стилистическая принадлежность), влияющих на формирование коннотаций. С

опорой на перечисленные выше факторы, оказывающие влияние на образование коннотаций, виды коннотаций могут быть представлены следующим списком: «вещная» (проекция вещи или идеи вещи на предметный мир), «невещная» (проекция идеи на идею), «аксиологическая» (устойчивая оценка), «стилистическая» (закрепление за стилистическим регистром), «культурная». Каждый из типов коннотаций воплощается в контексте не в чистом виде, они переплетаются и создают необычный речевой эффект.

6. В лингвистике проекция рассматривается как специальная интеллектуальная операция. «Проектив» или «проектный смысл» (термин Л.О. Чернейко) принадлежит стоящей за именем сущности (предмету, идее), а его употребление снимает различия между тропами (метаморфоза, метафора и сравнение), а также между чувственным и логическим образами. Термин «проективный смысл» в качестве инструмента моделирования (портретирования) умопостигаемого феномена внеязыковой действительности показывает свою эффективность в рамках когнитивной семантики.

Глава II. Коннотативный ореол абстрактных имен в текстах СМИ

1. Лингвистический статус абстрактных имен

В качестве важнейшего средства коммуникации, хранения и передачи информации, а также управления поведением человека язык тесно связан с нашим мышлением и процессом познания окружающего мира и помогает выявлять отношения между предметами и явлениями, которые сложились в объективной действительности либо представляются таковыми коллективному сознанию. Язык предстает своеобразным посредником между когнитивными устремлениями социума (познанием) и рассматривается как носитель общественного сознания, которое влияет на восприятие окружающего нас мира через присущую данной культуре организацию человеческого опыта.

Индивидуальное сознание отличается от общественного в первую очередь тем, что общественное сознание представляет собой единую для всего социума когнитивную базу, охватывающую все субъязыки культуры, тогда как индивидуальное сознание включает в себя инвариантную часть базы общественного сознания, дополненную специфическими для отдельно взятой языковой личности лексическими единицами и/или грамматическими формами. Индивидуальное сознание проявляет себя в процессе коммуникации а) в выборе отображенных языком объектов внеязыковой действительности (иными словами, семиотизированных объектов), б) в выборе коммуникативных целей и форм контроля над их реализацией, в) в выборе точки зрения на положение дел и знака оценки ситуации. Л. Ельмслев, подчеркивая тесную и глубокую связь языка с человеческим разумом, считает, что «язык – не внешнее, сопровождающее человека явление», а «бодрствующее сознание» [Ельмслев 2006: 29], он представляется богатством памяти культурного сообщества, которое унаследовано личностью и племенем.

До сих пор в лингвистике остается открытым вопрос о взаимоотношениях сознания и языка: сознание детерминирует язык или же язык предопределяет наше сознание? Однако все ученые признают то, что язык и мышление постоянно

взаимодействуют. Окружающий нас мир существует в нашем сознании в виде понятий (логических категорий), за которыми закреплены языковые знаки. Понятия представляют собой результат абстрагирующего мышления [Ильенков 1997: 74]. Человеческое мышление является особой деятельностью и заключается в переработке «чувственно данных фактов». Всякое сознание абстрактно, а слово является воплощенной формой существования сознания.

Уникальность человеческого мышления заключается в способности к абстрагированию (отвлечению и обобщению), которая дает человеку возможность осуществить мысленный отрыв не только от физического мира, но и от мира виртуального, идеального. За каждым словом стоит идея, которая находится на разной ступени удаленности от материального мира – мира зримого, ощущаемого, наблюдаемого, зафиксированного в пространстве и времени. По мысли Л.О. Чернейко, «мир внешний в слове отражен, а мир внутренний выражен» [Чернейко 2018: 46], причем для человеческого сознания оба мира являются одинаково реальными, так как внешний мир в слове генерализирован, а внутренний рассечен, дискретизирован словом, но все они в слове «упакованы». Степень удаленности мира идеального от материального определяется исключительно степенью вовлеченности органов чувств в процесс получения соответствующей информации об объектах, обозначенных языковыми единицами [Там же].

В ЛЭС термин «имя существительное» определяется как класс однозначных слов, который включает в себя «названия предметов и одушевленных существ и может выступать в предложении по преимуществу в качестве подлежащего и дополнения» [ЛЭС 1990: 499]. По лексико-семантическим и грамматическим признакам имена существительные делятся на конкретные и абстрактные. В китайском языке термин «имя существительное» получает объяснение через составные части иероглифа. Китайский иероглиф 名 представляет собой синтетическую идеограмму, обозначающую название предмета или имя человека, и переводится на русский язык как *существительное* или *субстантив*. С древних времен иероглиф 名 состоит из частей «夕» и «口»: элемент «夕» обозначает

ночь, «口» – рот. Идея создания этого иероглифа такова: ночью люди встретились, но не могли увидеть и узнать друг друга, и каждому из них нужно было назвать свое имя и имена окружающих их вещей. Поэтому главная цель использования имени существительного заключается в том, чтобы другие люди узнали ту или иную сущность через чувственно воспринимаемое обозначаемое. Известный китайский мыслитель Сюнь Цзы разделял имена существительные на три вида: 1. Наименование предмета, например, 桌子 *стол*, 茶杯 *чашка*, 土地 *земля*, 河流 *река*; 2. Выражение одобрения и осуждения, например, 荣誉 *слава*, 善 *добро*, 恶 *зло*, 敬重 *почет*, 卑鄙 *низость* ('низкий уровень нравственности'); 3. Выражение субъективного ощущения, например, 睿智 *мудрость*, 愚钝 *глупость* ('низкий уровень интеллекта'), 爱 *любовь* и 憎 *ненависть* [Сюнь Цзы 2014: 130]. Следовательно, по мнению Сюнь Цзы, существительные могут быть конкретными (первый вид) и абстрактными (второй и третий виды).

Понятие «абстрактное существительное» широко используется не только в лингвистических исследованиях, но и в педагогической сфере. На сегодняшний день дискуссии об определении абстрактных существительных и объеме данного понятия, о явлении абстракции как таковом, о разграничении конкретного и абстрактного имен, об отношениях между абстрактными и отвлеченными именами ведутся во многих научных трудах (Дж. Ст. Милл, Ю.С. Степанов, А.А. Уфимцева, Г.И. Челпанов, Л.О. Чернейко, и др.). При этом все исследования преследуют разные цели: изучение грамматических особенностей употребления абстрактных имен (А.С. Баймуратова, Л.А. Савельев), составление шкалы конкретности и абстрактности (Л.О. Чернейко), исследование философского основания абстракции и способов ее реализации в языковом знаке (Л.О. Чернейко) и т.д. Абстрактные имена рассматриваются в филологии и философии как чрезвычайно интересный объект изучения. Причина подобной заинтересованности заключается в том, что накопление знаний об абстрактном

имени «способствует не столько решению старых проблем, сколько обнаружению новых» [Чернейко 2018: 262].

В работе «Лингвофилософский анализ абстрактного имени» Л.О. Чернейко описывает три вида существительных и их соотношение. Конкретное имя – форма обобщения предметов материальной действительности (телесных вещей), форма создания существующего только в сознании класса предметов, сохраняющего их чувственный образ. Отвлеченное имя представляет собой результат отделения акциденции от субстанции: отвлечение (или отделение) непроцессуального и процессуального свойства от его носителя и категориальное оформление этого свойства в виде субстантива. Производящее отвлеченного имени является его семантической опорой. Абстрактное имя есть высшая форма ментальной деятельности человека, поскольку «в абстрактном имени представлен иной вид ментальной деятельности, чем в конкретном и отвлеченном» [Там же: 55]. Абстрактные существительные отражают не осязаемый и видимый мир, а признаки, свойства, действия, отношения между сущностями в отвлечении от них самих. В данной работе Л.О. Чернейко называет абстрактные имена особого рода артефактами, которые «представляют собой предметы духовной культуры (если термин «культура» понимать в широком смысле), то есть это информация об опыте социума, которая закодирована не в генах, а в символах. Они духовные предметы, и ими дух измеряет действительность» [Там же: 58]. А.И. Герцен так описал особенности отношений между человеком и абстрактными сущностями: «Дух – Протей; он для человека то, что человек понимает под ним и насколько понимает; совсем не понимает – его нет, но нет для человека, а не для человечества» [Герцен 1975: 12]. Стоящее за именем абстрактным понятие всегда формируется на основе понимания и является «идеей смешанных модусов». Абстрактное имя (далее АИ) характеризуется тем, что в его содержании обязательно присутствуют приращенные смыслы различной природы, которые не позволяют представить семантику АИ как «арифметическую сумму простых идей» [Чернейко 2018: 57-70].

Термин «абстракция» (от лат. *abstractio* – ‘отвлечение’) в широком смысле обозначает одну из основных операций мышления, в процессе которой мысль отвлекается от непосредственно данного воспринимаемого представления и сохраняет для себя ту часть, которую можно использовать на последующих этапах мышления; в узком смысле абстракция обозначает процесс мышления, она является средством образования понятия [ФЭС 1997: 8]. Этот термин был введен в философию Боэцием, который обращал особое внимание на изучение человеческой способности мыслить и абстрагироваться. Вопрос понимания сущности абстракции как процесса познания и его результата затрагивался Антисфеном и Аристиппом, Платоном и Аристотелем (например, «Метафизика», «Об истолковании»).

По поводу соотношения категорий абстрактности и предметности существуют различные мнения, но главное их различие состоит в том, что абстрактное имя обозначает отвлеченное свойство предмета, его параметр, тогда как конкретное (не в грамматическом смысле, а в когнитивном – «предметное») обозначает сам предмет, вследствие чего предметное имя – это имя с наглядным прототипом, т.е. с перцептивным образом, связанным с означающим предметного знака и лежащим в основе его логического содержания. Для логики абстракция – это попросту отражение общего, неоднократно повторившегося факта, явления [Ильенков 1997: 49]. Человек как производитель абстракции фиксирует ее в языковом знаке данного коллектива, в ментальном пространстве народа. Э.В. Ильенков полагает, что абстракция выражает связь двух эмпирически очевидных явлений в таком виде, в котором «она дана непосредственному восприятию на поверхности сложного развитого целого, и представляет собой наиболее бедное и наиболее общее представление» [Там же: 149].

Нельзя не согласиться с тем, что лингвистический знак обладает устойчивостью и изменчивостью одновременно, это соответствует его природе. С.И. Карцевский понимает язык как «семиологический механизм», который движется между двумя полюсами. Исследователь определил эти два полюса как

«общее и индивидуальное (отдельное), абстрактное и конкретное» [Карцевский 2004: 239]. В рамках лингвистики попытки разграничить конкретные (предметные) и абстрактные субстантивы предпринималась неоднократно: разработкой этой проблемы занималось немало лингвистов, например, И.В. Арнольд, А.Н. Ветошкина, М.В. Никитин, И.В. Новицкая, Т.В. Соколова и др. Однако не было выделено однозначных, общепризнанных критериев разграничения абстрактных и предметных имен.

Многогранность и сложность исследуемого материала мешают выработке единого критериального ряда: исследователи ограничивают пласт рассматриваемой лексики или предлагают критерии разграничения, подходящие для конкретного исследования в процессе поиска способа решения определенной задачи. Обычно считают, что предметное имя (грамматически конкретное и вещественное) отображает феномены физического, дискретного мира, а абстрактное – феномены мира виртуального, ментального, поскольку за ним стоит умопостигаемая идея. Конкретные имена (далее КИ) обозначают те предметы, которые люди видят, осязают и используют в обыденной жизни (эти предметы локализованы в определенном пространстве и времени). КИ обладают высоким коэффициентом образности. Есть лингвисты, которые считают, что в противоположность КИ в абстрактном имени отсутствует денотат или же присутствует так называемый «нулевой денотат», а это всегда параметр многих материальных феноменов, включая и существующие между ними связи. Ю.С. Степанов не согласен с таким предположением, при этом он подчеркивает, что появление понятий, относящихся к абстрактному уровню в лингвистике, не только опирается на удаление некоторых признаков из представлений о конкретных наблюдаемых явлениях, но и требует включения в себя некоторых новых признаков, которые отсутствуют в предметных именах [Степанов 2011: 216].

В соответствии с традиционным представлением об абстрактных и конкретных именах КИ обычно ассоциируется с предметным, земным,

прототипным, а ассоциативный ореол АИ значительно шире, так как оно может соотноситься с божественным, новым, небывалым и т.п. В философском смысле абстрактное – «это реальный результат всякого мышления, результат абстрагирования, это все понятийное в противоположность всему непонятийному» [ФЭС 1997: 8]. Безусловно, термин «абстрактное» не может распространяться на все понятия, рождающиеся в результате отвлечения или обобщения, абстрактное – это свойства, качества или отношения между предметами, которые не проявляются в вещах, не представляются признаками отдельного предмета, а являются «непосредственным выражением конкретности» [Ильенков 1997: 157].

Конкретное имя находится у основания лексической иерархии, его можно охарактеризовать как лексическую единицу, обозначающую такое понятие, которое формируется на основе обобщающе-различающего типа абстрагирования, например, *мебель, машина, растение, хлеб* и т.д. В результате обобщения предметов физического мира появляется КИ как результат его категоризации, поэтому оно обладает наглядностью и соотносится с чувственным образом вещи, обусловленным общностью внешней формы предметов одного класса. Иными словами, конкретное имя передает такую информацию, в которой усматривается прямое соотношение КИ с материальной действительностью (предметами внешнего мира). «Всякое имя обобщает явления действительности» [Чернейко 1997: 41], в АИ также представлен результат обобщения явлений действительности, но не только. Прототип (или инвариантный образ) КИ существует в сознании всех представителей данной культуры (или данного языкового коллектива) в виде эталонного наглядного образца. Прототип АИ представляет собой модель, в которой склеились элементы и реальной (что есть), и идеальной (что должно быть в соответствии с представлением этноса об идеале) действительностей, поэтому прототип АИ не имеет независимого от сознания человека бытия [Там же: 42-49]. Хотя АИ неотделимо от материальной

действительности, оно, по Аристотелю, есть «единое во многом» [Аристотель 1976: 190].

Диалектика АИ и КИ определяет сложность их разграничения. А.А. Уфимцева полагает, что АИ – имена свойств вещей, к абстрактной лексике можно отнести слова с сигнификативной и сигнификативно-денотативной основой, а к конкретной лексике относятся имена с денотативным и денотативно-сигнификативным значением [Уфимцева 2010: 132-134]. По мнению И.М. Кобозевой, конкретная лексика – «это слова, денотатами которых являются образные представления о реально существующих материальных объектах» или «о свойствах и проявлениях материальных объектов, воспринимаемых органами чувств» [Кобозева 2019: 87], а абстрактная лексика включает в себя слова, обозначающие «объекты, свойства и отношения, полученные в результате абстрагирования, отвлечения от конкретных объектов, свойств и отношений» [Там же: 88]. Конкретная лексика и абстрактная лексика взаимодействуют между собой, а для того, чтобы их различить, необходимо определить, что имя обозначает во внеязыковой действительности – чувственно воспринимаемый или умопостигаемый феномен – и какой фактор данного феномена занимает доминирующее место в структуре содержания имени – денотативный или сигнификативный. Именно эти факторы определяют степень удаленности феномена от физического мира и место имени феномена на «шкале конкретности-абстрактности», составленной Л.О. Чернейко в 1997 г., но не потерявшей своей значимости для когнитивной лингвистики.

Чем больше органов чувств активизируется у человека в процессе осмысления реально существующих, эмпирически постигаемых объектов физического мира, тем более конкретными являются для человека их имена, потому что данные объекты проксемически расположены ближе всего к нему. Таким образом, представляется возможным структурировать конкретные имена с учетом степени их абстрактности [Чернейко 2018: 58-98]. Обращение ученых к разработке шкалы как формы классификации КИ и АИ не случайно, поскольку

этот способ позволяет избежать жесткой структуры и ограниченного количества классов. Подобные шкалы отражают постепенный переход от конкретности к абстрактности, можно считать, что это наиболее оптимальный подход к дихотомии «конкретное – абстрактное». Л.О. Чернейко создала антропоцентрическую шкалу, в которой существительные разделяются на несколько групп по степени их конкретности и абстрактности. «В основу создания шкалы положен не характер идеи, заключенной в имени, и не ее восприятие разумом..., а возможности восприятия разумом самих вещей – возможности сензитивные и интеллектуальные» [Там же: 93]. Как указано выше, исследователь выстраивает иерархию понятий по способности (активности) восприятия их органами чувств или разумом, «вся шкала может быть представлена через ряды оппозиций, характеризующих мир как «видимый – невидимый», «физический – метафизический», «ощущаемый – умопостигаемый». Внутри трех полей (видимый физический мир, невидимый физический ощущаемый мир и невидимый метафизический умопостигаемый мир) разбиение реалий идет по степени их конкретности, производной от сенсорной и/или интеллектуальной активности психики человека» [Там же: 263]. Поэтому по данной шкале слова *пища, вещи, предметы* (единичные + обозримое множество) находятся на самом высоком уровне конкретности, так как пища воспринимается всеми органами чувств человека, вещи и предметы – сущности видимые и осязаемые.

В современном русском литературном языке абстрактные существительные, как и конкретные, могут свободно использоваться в форме множественного числа в разных функциональных стилях. Хотя в принципе АИ не должны иметь форм множественного числа, так как они не соотносятся с представлением о счете, исключение имеет место тогда, когда условия употребления АИ ограничиваются, например, конкретным контекстом. Чаще всего АИ в форме множественного числа встречаются в текстах СМИ, поскольку тексты массовой коммуникации содержат немалое количество ненормативных языковых единиц и

грамматических форм. В качестве примера рассмотрим сочетание *разные радости* (Коммерсантъ, 05.06.2019), где множественное число АИ *радость* обозначает различные явления, вызывающие у человека чувство радости, такие как вкусные блюда, путешествия, книги, телевизионные проекты-воплощения. Подобных примеров много: *вредные сладости* (Профиль, 05.11.2019), *финансовые трудности* (Коммерсантъ, 10.07.2019), *гражданские свободы* (Известия, 07.07.2014), *дополнительные полномочия* (Коммерсантъ, 02.04.2020), *длинные муки* (Коммерсантъ, 07.10.2020) и т.п. Основное условие употребления АИ в форме множественного числа – контекстуальная конкретизация значения слова, при этом в контексте АИ в основном обозначает многообразные варианты реализации тех или иных абстрактных сущностей (эмоции, качества личности, отношения человека, духовная и интеллектуальная деятельность и т.д.).

Л.О. Чернейко рассматривает АИ как результат длительного наблюдения коллективного разума этноса за связями и отношениями реально существующих предметов, причем данные связи и отношения являются интуитивно постигаемыми, чувствуемыми, но не видимыми. Исследователь также полагает, что абстрактное является результатом не «отвлечения (горизонтального отделения свойства от носителя свойства, как в деадъективах и девербативах), а, скорее, извлечения (экстракции) свойств из явлений и их комбинирования вне зависимости от того, соединены ли они так в природе» [Чернейко 1997: 48-49]. Поэтому нельзя отождествлять понятия «абстрактное имя» и «отвлеченное имя» (далее ОИ), хотя в словарях они обычно предстают как синонимы, например, в лингвистическом словаре О.С. Ахмановой между ними ставится знак равенства [Ахманова 1966: 28]. Можно проанализировать различия АИ и ОИ по параметру наглядности, которая в данном случае рассматривается как «демаркационная линия» между двумя видами имен. В АИ отсутствует наглядность из-за удаленности от предметного мира, а в ОИ наглядность опосредована отнесением какого-либо свойства или действия к его носителю, воспринимаемому индивидуальным сознанием как стандартный референт [Чернейко 2018: 36],

например, *белизна* снега, а не бумаги или ромашки, *бег* – человека, лошади, а не кошки.

АИ считаются информативно недостаточными, их смысловая неполнота и многозначность обычно компенсированы за счет контекста, и именно в этом заключается нестабильность смыслового объема АИ. Раскрыть значение абстрактного имени помогают проекции невидимого мира на видимый – конкретизация ментального действия, материализация абстрактной сущности. В процессе моделирования коннотативных значений АИ вскрываются проекции ментального, умопостигаемого, абстрактного феномена на предметы материального мира, поэтому проективы, или проективные смыслы (термин Л.О. Чернейко), имеют особое значение для АИ по сравнению с КИ. Проективные смыслы обладают обязательностью (в связи с отсутствием в сущностях предметности, наглядности), регулярностью или повторяемостью [Чернейко 2016а: 357], они принадлежат абстрактному феномену, но вскрываются исключительно при анализе сочетаемости АИ. Так, можно предположить, что проективные смыслы работают по принципу проекционного аппарата: сначала перераспределяются смыслы слова (световые потоки) на основе его базового значения (источника света) путем мыслительной переработки получаемой информации (воздействие конденсатора), в результате чего образуется новое значение или коннотация в нашем сознании (проекция). Из-за отсутствия конкретности и наглядности абстрактный субстантив будто бы принимает облик определенного предмета для того, чтобы отразить свою сложную суть в более понятной образной форме. Именно так осуществляется «проекция» виртуального мира на предметный.

Термин «проективный смысл» является самостоятельным инструментом описания коннотативного ореола АИ, используемым в целях моделирования конвенциональной формы нематериального (символического, ассоциативного, мифологического) пространства абстрактной сущности, которая обуславливает сочетаемость АИ с глаголами физического действия и дескриптивными

прилагательными. Поскольку термин «коннотация» в современной лингвистике расширил зону своей референции («стилистические коннотации», «культурные коннотации» и т.д.), постольку термин «проективный смысл» актуален при моделировании коннотаций (и не только вещных, но и непредметных типа *время* – ‘деньги’) абстрактных феноменов, зависимых в своем дискурсивном существовании от чувственно воспринимаемых предметов опыта или же от абстрактных идей, но более освоенных носителями культуры, а потому более понятных. Через проекцию «бестелесного» абстрактного феномена на предметную «картинную плоскость» этот феномен и соответственно его имя (АИ) обретают наглядность, предметность, экспрессивность, оценочность и эмоциональность, причем все это выявляется исключительно на основе анализа сочетаемости АИ, особенно сочетаемости с вторичными предикатами, которая для АИ, как показывают результаты исследования Л.О. Чернейко, является не факультативной, а обязательной, т.е. грамматичной [Чернейко 2015].

Абстрактная сущность предстает перед нами как вещь умопостигаемая, но бестелесная, у нее нет собственных свойств, так как «абстрактные сущности – сами свойства и отношения, но гипостазированные, представленные языком как фрагменты субстанции» [Чернейко 2019: 13]. Эмпирическая пустота и «переживаемость» абстрактной сущности социумом становятся для АИ причиной обрастания вторичными предикатами. Сочетание АИ с вторичными предикатами (глаголами действия и состояния, дескриптивными прилагательными) представляет собой воплощение ментальной деятельности, реализацию невидимого мира, в котором представлены знания и опыт данного языкового коллектива. Рассмотрим следующие примеры: *украсть авторитет* (Коммерсантъ, 12.01.2019), *высокий авторитет* (КП, 05.07.2015), *тяжелейшее горе* (Огонек, № 18, 13.05.2019), *рухнул социализм* (Профиль, 06.11.2019), *скрывать радости* (Коммерсантъ, 20.05.2019). Абстрактные имена *авторитет*, *горе*, *социализм*, *рады* в сочетании с глаголами физического действия и дескриптивными прилагательными приобрели «тела» – наглядность и образность. Такая

лексическая сочетаемость АИ дает ему возможность обозначать предмет или проецироваться на физический мир, предлагает почву для порождения вещной (материальной) коннотации.

В.А. Успенский в своей работе «О вещных коннотациях абстрактных существительных» привел абстрактные субстантивы *авторитет, горе, радость, страх* в качестве примеров для описания вещных коннотаций АИ. Абстрактное слово *горе* можно испить, хлебнуть; кажется, у горя есть вес: горе тяжелое, горе обрушивается на человека. Поэтому ученый делает следующий вывод: горе мыслится как тяжелая жидкость, заполняющая бассейн, а человек находится на дне этого бассейна. Радость, в противоположность горю, представляет собой светлую жидкость, она бурлит, искрится, переполняет человека. В.А. Успенский полагает, что прилагательные и глаголы обычно имеют свои конкретные значения и «в этих конкретных значениях сочетаются с различными конкретными же субстантивами» [Успенский 1979: 147]. Именно лексическое значение каждого конкретного субстантива, сочетающегося с глаголами и прилагательными, приписывает свою материальную коннотацию абстрактному имени в установленных условиях или контексте. Вещная коннотация АИ возникает на основе сопряженных с этим существительным способов выражения лексических параметров и других аналогичных характеристик лексической сочетаемости [Там же: 148].

В упомянутой статье В.А. Успенский делает следующий вывод: АИ может иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет (образующий материальную, или вещную, коннотацию рассматриваемого существительного), и потому в мысленном эксперименте может быть воспринято как конкретное существительное, обозначающее этот предмет [Там же: 151]. Поэтому АИ и те вторичные предикаты (глаголы и прилагательные), которые их обслуживают, позволяют найти новые образы абстрактной сущности, не зафиксированные в словарях. Например, *Мой друг говорит не «потратил» время, а «вложил» – вдруг еще пригодится* (Огонек, №

13, 06.04.2015). В этом контексте глагол *вложил* наделил слово *время* коннотативным значением ‘драгоценность, привлекательность’, в результате АИ *время* перестает быть нейтральным, бесцветным, а сочетание *вложить время* обозначает ‘проводить время с удовольствием, надеясь на благоприятные перспективы’.

Для моделирования коннотаций (и неоконнотаций) абстрактных имен особую важность приобретает прямое, буквальное значение вторичных предикатов (дескриптивных прилагательных – *горькая истина, сладкое счастье, серая экономика, зеленая экономика* и т.п., глаголов физического действия – *проглотить обиду, подрывать доверие, испытать горя* и т.п.), а также семантико-скрытых предикатов генитивной метафоры (*капсула одиночества, стена равнодушия, мост культуры* и т.п.), поскольку только оно позволяет вывести потенциальные метафорические смыслы, которыми наделяется АИ. Как писал Д. Дэвидсон, «все неожиданные параллели и тонкие аналогии, к которым подталкивают нас метафоры, должны зависеть не от чего иного, как от буквального значения слов» [Дэвидсон 2003: 350].

Абстрактное существительное является продуктивным грамматическим классом лексем для исследования процессов образования коннотативных значений как предметов внеязыковой действительности (идей), так и их языковых знаков, а его сочетаемость с существительными, прилагательными и глаголами в их переносных значениях дает ему бесконечную возможность порождения коннотаций.

2. Дескриптивные прилагательные в роли коннотаторов абстрактных имен³

2.1. Коннотация и прилагательные цветообозначения

Коммуникативная функция языка, являющаяся одной из его важнейших функций и реализующаяся в обмене сообщениями между адресантом и адресатом,

³ При написании раздела использовались материалы статьи автора диссертации: Чернейко Л.О., Ли Яньян. Коннотации производных прилагательных цвета в аспекте когнитивного аспекта их сочетаемости с абстрактными именами существительными // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. 2019, № 5. С. 144-164.

тесно связана с семантикой знака, его означаемым. Однако в коммуникативном акте актуализируются не только семантические компоненты знака, но и его прагматика, владение которой также входит в языковую компетенцию носителей языка. Помимо семантики и прагматики, формирующих содержание знака, многие знаки несут в себе мощный потенциал изобразительности, обусловленный их семиотической спецификой. Это касается в первую очередь всех предметных существительных, с которыми прочно связан перцептивный образ, а также тех знаков, за которыми стоят чувственно (в первую очередь зрительно) воспринимаемые параметры предметов (дескриптивные прилагательные) и модусы их существования (глаголы физического действия и состояния).

Изобразительность языкового знака обусловлена его способностью создавать зрительные и слуховые образы в сознании человека. Например, предложение *По скрипучей лесенке / Сходит мельник старенький / В красном колпаке* (В. Ходасевич. Мельница) вызывает в сознании соответствующее изображение, поскольку логика мышления облекается в языке в чувственную форму как в плане выражения (звукосимволизм), так и в плане содержания (внутренняя форма). При восприятии знака его чувственно-образное содержание так же ассоциативно связано с означаемым, как и его логическое содержание. А ассоциативные отношения, которые складываются между разными знаками языковой системы и по самым различным параметрам, богаче и сложнее исчисляемых логических отношений, что позволило Б.М. Гаспарову обозначить языковой механизм, превращающий виртуальную систему в речь, «гигантским мнемоническим конгломератом, не имеющим единого строения» [Гаспаров 1996: 13]. Одной из форм воплощения ассоциативных отношений единиц языка является коннотация – объект, привлекающий к себе внимание лингвистов, но не утративший своей значимости, несмотря на огромное количество исследований. Обобщая основные точки зрения на коннотацию, О.Г. Ревзина определяет дифференциальный параметр двух базовых способов отображения действительности сознанием и восприятия текста, который можно сформулировать как «автономность /

неавтономность» означивания: «денотация означает способ восприятия и мышления, при котором объект или положение дел рассматриваются автономно, а коннотация имеет место тогда, когда объект или положение дел мыслятся неизолированно, то есть совместно с неким другим объектом в самом широком смысле этого слова» [Ревзина 2001: 442].

Если коннотация – это узаконенная языком ассоциация и семиотизированного (означенного) феномена внеязыковой действительности и, соответственно, имени этого феномена, то она может базироваться как на его реальных свойствах (*одет как попугай*: попугай действительно яркий, имеет разноцветное оперение), так и на тех, что приписаны ему творческим сознанием носителей языка, например: ворона – рассеянность, медведь – неуклюжесть, бревно – нечуткость, пень и дубина – тупость, шляпа – вялость, неэнергичность. Важно то, что коннотация может рассматриваться в двух аспектах: и с точки зрения кодирования смысла в знаке, нахождения адекватной формы для смысла (это традиционно понимаемая активная грамматика, ориентированная на позицию говорящего), и с точки зрения его декодирования (понимания услышанного, увиденного) текста, что соответствует пассивной грамматике, ориентированной на позицию слушающего.

Языковая способность человека позволяет ему отделять денотативное значение, на базе которого формируются коннотативные смыслы, имеющие свои языковые формы выражения, от самих этих смыслов. Это означает, что знания о мире, отображенные в денотативном значении, являются базой для формирования коннотаций, меняющих функцию знака. А сама языковая система в целом, как определяет ее Л.В. Щерба, «раскрывается в правилах грамматики и в правилах словаря, иначе – в правилах применения слов-понятий к реальной действительности» [Щерба 1958: 69], осуществляемого только в речи. Говоря о сугубо лингвистической стороне дела, которая непосредственно связана с методом моделирования коннотаций явления, следует отметить, что, во-первых, в руках у лингвиста нет ничего, кроме речи, поэтому его позиция – это в первую

очередь позиция слушающего, т.е. позиция понимания, дешифровки текста, которая позволяет моделировать позицию говорящего. Как писал Л.В. Щерба, «значения слов эмпирически выводятся из языкового материала» [Там же: 73], т.е. из текстов, вследствие чего возникают различия в их лексикографической интерпретации.

Коннотативные смыслы, которыми обросло в культуре то или иное явление, также выводятся из языкового материала, т.е. из сочетаемости имени этого явления, а для субстантивов – из их сочетаемости с прилагательными и глаголами, анализ которой дает возможность смоделировать ассоциативный ореол стоящего за именем явления. И именно по этой причине в лингвистическом приоритете находится коннотация означающего – единственной материальной реальности речи (текста), безразличной к семиотическому статусу знака (*ибо, кабы, ехай, рубашоночка*). Во-вторых, кроме речи у лингвиста есть толковый словарь, в котором отражена (с определенной степенью точности) лексико-семантическая система языка и, как писал Л.В. Щерба, «языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [Там же: 55]. По мнению ученого, в этом типе словаря «должны быть исчислены все традиционные случаи образного применения данного слова» [Там же: 73]. Словари соответствующего языкового коллектива хотя и отстают от заданного идеала, но являются той информационной базой, которая позволяет определять неологию в коннотативной системе данного языка. Поэтому при обнаружении атрибутивных синтагм, извлеченных, например, из СМИ (или текстов других коммуникативных сфер), в которых наблюдается нарушение типовой сочетаемости слова (например, заголовок одной из статей о скидках на товары, обозначенные желтой этикеткой, *Цвет настроения – желтый* (Огонек, № 45, 26.11.2018) или *желтое настроение* – об отношении французов к спонтанному протестному движению «желтых жилетов»), обращение к его лексикографической интерпретации является необходимым условием лингвистического анализа.

Прилагательные цветообозначения – это прилагательные дескриптивные,

отображающие перцептивно воспринимаемые свойства предметов, преломленные сознанием носителя той или иной культуры. Если принять во внимание именно этот их семиотический параметр, то семантически мотивированной является их атрибутивная синтаксическая функция при предметных (в них можно включить и вещественные) субстантивах, обеспечивающая сочетанию лингвистический статус свободного: *алый закат, серые тучи, синее небо, черный забор, желтый песок, желтое масло, белый сахар*. Доказано, что критерием вхождения цветообозначения в корпус базовых данных является его способность сочетаться с именами природных объектов. Как отмечает Е.В. Рахилина, «именно сочетаемость с природными объектами дает возможность цветовому признаку конвенционализироваться и приобретать коннотации» [Рахилина 2007: 35], поэтому таким важным считается «мониторинг» сочетаемости цветообозначений с именами природных объектов.

По мнению Н.Е. Сулименко, «обращенность прилагательных к “миру” в процессах его концептуализации происходит не непосредственно, а обуславливается ... зависимостью от имени существительного, имплицитными указаниями на присутствие познающего мир субъекта и его деятельность с объектами» [Сулименко 2012: 89]. Не менее важным представляется исследование сочетаемости прилагательных цветообозначения с именами непредметными (абстрактными субстантивами), в которой актуализируются их коннотации, например: *белая зависть, зеленая тоска, серые будни, розовые мечты*. В этом случае статус сочетания меняется: это воспроизводимые единицы – либо сращения (при отсутствии мотивации), либо единства (при наличии мотивации, обуславливающей переосмысление свободного сочетания), либо коллокации (сочетания, в которых прилагательное, выступая как вторичный предикат, реализует свое связанное значение, но не с одним субстантивом, а с ограниченной серией – *серая экономика, серая зарплата, серые будни*).

Нельзя не согласиться с важным утверждением Е.В. Рахилиной о том, что «за базовым цветом, как правило, всегда стоит некоторый концепт, а не просто часть

спектра, и именно он, а не физический цвет определяет сочетаемостные возможности базового прилагательного цвета» [Рахилина 2007: 35]. Вызывает, однако, возражение употребления термина «концепт» применительно к метафорическому элементу смысла прилагательного, имеющего статус коннотации: «Так в русском языке устроены *серый* (за которым стоит концепт ‘незаметность’), а также *желтый* (‘увядание’))» [Там же]. Такое употребление термина размывает его и без того ставшее достаточно неопределенным значение [Чернейко 2009] и не проясняет специфики поведения прилагательного цвета в его узуальных и окказиональных сочетаниях с АИ. Между тем в этих синтагмах представлен отличный от свободных сочетаний характер взаимодействия значений прилагательного и АИ.

АИ опредмечивается, а дескриптивное прилагательное одухотворяется – наделяется абстрактным смыслом, который выводится из его сочетаемости с рядом разных по значению АИ. По отношению к такому абстрактному социальному параметру, как ‘незаметность’, серый цвет выступает как форма его чувственного переживания, которое возможно только в акте проекции абстрактной сущности (и, соответственно, АИ) на перцептивно воспринимаемый параметр (серый цвет). Поэтому говорят, что «серый» – символ незаметности, его чувственный эквивалент, т.е. цвет – символ идеи, поскольку идею можно переживать (а также думать о ней и говорить) только с опорой на фрагменты эмпирического опыта [Чернейко 2010, 2015], который заполнен «обстающими» (окружающими) человека материальными предметами (как природными, так и артефактами с их видимыми параметрами) и ситуациями (перцептивно воспринимаемыми квантами действительности). Но и цвет, как было доказано, определенным образом воздействует на психику человека, а по известному цветовому тесту швейцарского психотерапевта М. Люшера уже более полувека проводится диагностика психофизического состояния человека.

Что касается лингвистического вектора изучения проблемы связи цвета как перцептивно воспринимаемого параметра предметов материального мира с

фрагментами мира умопостигаемого (идеями, понятиями), то важной представляется приложимость понятия «проекция» к пустым с точки зрения наглядности духовным артефактам, которыми и являются все абстрактные сущности, создающие сферу этического, эстетического и логического, т.е. нравственность, искусство и науку [Чернейко 2018: 7]. «Картинная плоскость» заполнена в сознании человека перцептивными (наглядными, зрительными) образами, «снятыми» с привычных предметов повседневного опыта, доступных непосредственному восприятию.

При этом следует различать ассоциируемые знаки (и, как следствие, стоящие за ними сущности) по их семиотическому и грамматическому статусам. Так, синтагмы (1) *теневая экономика* (Коммерсантъ, 08.04.2018) и (2) *серая экономика* (Профиль, 21.05.2018) представляют собой субстантивно-адъективные сочетания, однако в когнитивном аспекте они существенно различаются между собой: в (1) переосмыслено относительное прилагательное *теневой* (ср.: *теневая сторона улицы*), сохраняющее семантику производящего имени *тень* и его коннотации, в результате чего возникает сложное взаимодействие самостоятельных, но гетерогенных сущностей – экономики и тени и их имен, одно из которых выполняет функцию локуса (узуальное словосочетание *теневая экономика* = ‘экономика в тени’, т.е. скрытая, при окказиональном *тень экономики* = ‘неразвитая, слабая экономика’); в (2) представлена символизация абстрактной сущности под названием *экономика* через ее проекцию на серые предметы, особенность восприятия которых состоит в их неброскости, – это незаметные предметы, сливающиеся с фоном. Таким образом, происходит сложное взаимодействие семантики и прагматики компонентов «цветового» сочетания АИ, в результате чего экономика как социальный феномен наделяется проективным смыслом ‘материальность, предметность’, а прилагательное *серый* актуализирует в сочетании с АИ особенность не столько восприятия этого цвета в русской культуре (‘неотличимость от фона = мимикрия’), сколько его «переживание», связанное с идеализацией материального, воплощенной в его коннотации, и

символизацию через это восприятие социальных феноменов.

Человек характеризует внешние объекты посредством имен прилагательных, опираясь на особенности своего «перцептивного аппарата» [Николаева 1983: 244]. Прилагательные цветообозначения включают в себя семантические и прагматические компоненты, которые оказываются связанными в семантике прилагательных [Вольф 1977: 7], обладают и содержательностью, и изобразительностью, поэтому в современных СМИ часто используются сочетания существительных (абстрактных и предметных имен) с прилагательными цвета, многие из которых представляют собой целостные воспроизводимые единицы, например: *красная линия* (Профиль, 31.02.2016) – ‘граница, предел’; *красная зона* (РГ, 06.08.2020) – ‘зона, где существует риск заражения коронавирусом’; *серая оплата труда* (НГ, 21.05.2020) – ‘скрытая, незадокументированная часть зарплаты’; *серый техосмотр* (Коммерсантъ, 01.08.2018) – ‘продажа диагностических карт без проведения техосмотра автомобиля’; *черный рынок* (Профиль, 16.01.2019) – ‘незаконная торговля’, *черные лесопилки* (НГ, 25.02.2019) – ‘незарегистрированные’; *черная путаница* (Известия, 31.05.2020) – ‘протест негров в Америке’; *желтая угроза* (Огонек, № 11, 23.03.2020) – ‘опасения потенциальной агрессии со стороны некоторых азиатских государств’; *белая халатность* (РГ, 19.05.2020) – ‘невыплата надбавок медикам’.

Среди «цветовых» субстантивно-адъективных синтагм есть и свободные сочетания (*красный светофор* – ‘проезд запрещен’, *зеленый светофор* – ‘проезд разрешен’), которые, в свою очередь, переосмысляются (*красный светофор* – ‘символ опасности’, *зеленый светофор* – ‘символ свободы действия’), образуя при этом такую разновидность фразеологической единицы, которую В.В. Виноградов определил как «фразеологическое единство» (ФЕ). При этом все единства, по В.В. Виноградову, суть переосмысленные свободные сочетания, потому что соответствуют тому четкому критерию, который сформулирован для их отграничения и от фразеологических сочетаний, и от фразеологических сращений: «фразеологические единства по внешней звуковой форме могут

совпадать со свободными сочетаниями слов» [Виноградов 1977: 152]. Следует только уточнить: не «могут совпадать», а непременно совпадают со свободными сочетаниями, которые построены в соответствии с существующими грамматическими правилами и отображают перцептивно воспринимаемые ситуации (*Лодка плывет по течению; Со дна моря якорь достанут*). Если иметь в виду мотивированность как непереносимый параметр всех единств, то они представляют собой результат образного переосмысления свободного сочетания, иными словами, это свободное сочетание в его переносном (образном, фигуральном) значении: *Он и не сопротивляется жизни, плывет по течению*.

Во фразеологизме *розовые очки*, обозначающем ‘восторженное восприятие окружающей действительности’, актуализирован коннотативный смысл розового цвета как вызывающего положительные эмоции, нежного, успокаивающего, умиротворяющего. Фразеологическое единство *розовые очки* основано на символизации розовым цветом такого ментального состояния, как мечтательность, которой сопутствует наивность. Рассмотрим выдержку из статьи с заголовком «Розовые очки с последующей скидкой»: *В МВФ рассчитали цену необоснованного экономического воодушевления* (Коммерсантъ, 09.01.2018). В данном контексте представлено взаимодействие свободного сочетания *розовые очки* (очки могут быть любого цвета), обозначающего вид товара (на что указывает словоформа *со скидкой*), и фразеологического единства, которые передают сложный аксиологически нагруженный смысл: ‘за низкую цену продается романтический взгляд на мир, навязываемый МВФ’. ФЕ *розовые очки* в образной форме отражает слишком оптимистичные прогнозы МВФ относительно экономического развития государства и одновременно передает отрицательное отношение автора данной статьи к сложившейся ситуации.

Как писала Е.М. Вольф, «адъективы обладают способностью обозначать признаки предметов и событий, обусловленные самой их природой (*цвет, форма и некоторые другие*)» [Вольф 1978: 9]. При этом У. Вейнрих отметил, что «прилагательное цвета имеет способность приобретать оценочную функцию»

[Вейнрих 1970: 208], а между коннотативным смыслом (дополнительным к сигнификативному как дистинктивному) и оценкой существует тесная связь. «Коннотативное пространство феномена (соответственно и его имени) незамкнутое и вследствие этого изменчивое» [Чернейко 2007: 168]. Значения слов изменяются с развитием общества, культуры, поэтому при анализе коннотаций слова важно учитывать эти факторы. Чтобы понимать национальное своеобразие коннотаций языковых знаков, необходимо изучать культуру и историю народа. Но для лингвистической интерпретации коннотации также необходимо принимать во внимание семиотический статус сочетающихся знаков – их связь с материальным (видимым) или нематериальным (чувственным и умопостигаемым) мирами.

2.2. Коннотации АИ в сочетаниях с прилагательными цветообозначения

Многочисленные исследования речевого поведения цветообозначений подтверждают тесную связь оценочной функции прилагательного цвета и его коннотативного значения. Как отмечает Е.В. Рахилина, «в явно метафорических контекстах, для которых физический цвет нерелевантен, оценка может абсолютизироваться и фактически становится значением прилагательного (ср.: *черная тоска*)» [Рахилина 2007: 33]. По мнению С.В. Кезиной, «развитие цветообозначений в средство художественной выразительности привело к диффузности их семантики – к слиянию цветового, оценочного и символического значений» [Кезина 2008: 102]. Но выявить особенности семантики и прагматики цветообозначений (как, впрочем, и любых других лексических единиц) можно только при анализе их речупотребления. Е.В. Рахилина ратует за расширение текстового подхода к описанию семантики цветообозначений, который существует и признан, но пока почему-то в достаточно узкой области [Рахилина 2007: 33] (применительно к мертвым языкам), так как текстовый подход для филологии – это единственно возможный способ ее существования как особой дисциплины, если принять во внимание историю ее развития.

Расширением сферы применения текстового (а не сугубо психолингвистического, ассоциативного) метода изучения смыслообразующего

потенциала прилагательных цвета является изучение их сочетаемости с абстрактными субстантивами, позволяющее выявить не только их аксиологический потенциал в роли оценочных определений и различия в их коннотативных смыслах, но и специфику их семантико-прагматического согласования. В результате взаимодействия сложно организованных цветовых концептов с еще более сложно организованными абстрактными концептами возникают новые смыслы и новые знаки. Подобные сочетания слов, включающие в себя коннотативные компоненты, нередко встречаются в газетных текстах разных жанров, названиях рубрик журналов и других средствах массовой информации. Рассмотрим следующие примеры: 1) *Доля «серой экономики» в России составляет 16% от ВВП, не включая противозаконную деятельность* (РИА Новости, 01.04.2011); 2) *«Зеленая экономика» сегодня распространяется весьма активно, прежде всего в сфере производства экологически чистых продуктов* (Огонек, № 7, 26.02. 2018).

В первом примере синтагма *серая экономика* обозначает скрытую экономическую деятельность, хотя и не противозаконную. А. Вежбицкая указала, что серый цвет воспринимается как разновидность черного, а не белого [Вежбицкая 1996: 278]. Находящийся на границе черного и белого, он является цветом, не привлекающим к себе внимания. В словаре Ушакова прилагательное *серый* фиксируется в пяти значениях, три из которых относятся к колоризмам: «1. Цвет, который получается из смешения черного с белым; 2. (*перен.*) Бесцветный, ничем не замечательный, заурядный, неинтересный (разг.); 3. (*перен.*) Необразованный, малокультурный, находящийся на низкой ступени развития (пренебр.)» [Ушаков 1994, Т.4: 162]. В русской культуре серый цвет имеет такие основные коннотативные смыслы, как ‘будничность’, ‘бесцветность’, ‘незаметность’, а также ‘незаконность’: 1) *Еще больше сомнений вызывает предложение отключать **серые гаджеты*** (Профиль, 21.07.2018), где сочетанием *серые гаджеты* называются телефоны, купленные за рубежом и незаконно ввезенные в Россию; 2) *СПЧ: россияне столкнулись с уязвимостью **серых***

зарплат (РИА Новости, 04.04.2020). Под *серой зарплатой* подразумевается такая зарплата, с которой лишь частично платятся налоги. А в период глобальных потрясений банк предлагает предприятиям малого и среднего бизнеса беспроцентный кредит для выплаты зарплаты только в объеме платежных ведомостей. Поэтому серая зарплата делает индивидуальных предпринимателей уязвимыми и лишь усиливает финансовое напряжение во время экономического кризиса.

В сочетаниях с именами предметными или вещественными прилагательное цвета, как и любое другое дескриптивное прилагательное, обозначает перцептивно воспринимаемый параметр и выступает в своем прямом стилистически нейтральном значении: *серый забор, лист, асфальт*. Но в сочетаниях с абстрактными существительными, к которым относится и слово *экономика* (как термин и как общеупотребительная языковая единица), данное прилагательное употребляется в переносном значении, добавляя существительному и особый смысл ('незарегистрированная' в отличие от *черная экономика* = 'незаконная'), и отрицательную оценку. Это связано с тем, что развитие значения дескриптивного прилагательного в большинстве случаев обусловлено переносом на непредметные, т.е. абстрактные сущности [Сулименко 2012: 80].

В противоположность серому зеленый цвет и в свободных сочетаниях, и во фразеологических единицах обычно обозначает силу природы, здоровье, начало новой жизни, что подтверждается данными словаря Ушакова, где *зеленый* описывается как «цвет зелени, травы, листвы» и как «обозначение одного из цветов солнечного спектра» [Ушаков 1994, Т.1: 1091]. Поэтому в словосочетании *зеленая экономика* данное прилагательное наделяет абстрактный субстантив положительной коннотацией и обозначает, что экономика развивается путем производства натуральных продуктов, а правительство проводит политику охраны окружающей среды. Зеленый цвет и в русской культуре ассоциируется с экологическим мышлением, например, *зеленая продукция* (Огонек, № 7,

25.02.2019) – ‘продукция, не содержащая ГМО’; *зеленые концессии* (Коммерсантъ, 05.04.2018) – ‘льготная политика для солнечной, ветровой энергетики и других видов производства чистой энергии’.

Свободные сочетания и ФЕ с прилагательным *зеленый* в большинстве случаев обладают положительными коннотациями: *Татарскому языку дали зеленый свет: полпред президента Михаил Бабич подтвердил, что татарский язык будет изучаться в школах* (Коммерсантъ, 25.11.2017). Фразеологическое единство *зеленый свет* обозначает возможность свободно совершить то или иное действие, а в данном контексте – свободу изучения татарского языка в школах региона. Однако в сочетании с наименованием лица по роду деятельности, например, *зеленый специалист*, то же самое прилагательное вводит отрицательную оценку, потому что обозначает ‘неопытность, низкий уровень профессионализма’ (ср.: англ. *green workman* – ‘начинающий рабочий’). В сложной “химической реакции” смыслов прилагательного в переносном значении и АИ в прямом обозначаемая цветом идея определяет аксиологический знак («+» или «–») коннотативного значения прилагательного. Зеленый цвет и в китайской культуре не всегда передает положительную оценку феномена, например, в разговорной речи *зеленым чаем* называют девушку, которая имеет приятную внешность, но коварные замыслы, а *зеленой шляпой* – рогоносца.

Во всех культурах, где цвет наделяет противоположными аксиологическими знаками символизируемые сущности (как в русском языке, где *зеленый* символизирует и свободу, и непрофессионализм), проявляется разное восприятие этого цвета, отображающее его коннотации как результат проекции на различные стандартные носители цвета или оттенка: прототипические для русской культуры плоды – яблоки – зеленые, когда незрелые (незрелость плодов приобретает символическое антропоцентрическое значение), а *зеленый сигнал светофора* начал символизировать свободу действий в целом.

В традиционной русской культуре базовыми считаются два цвета – белый и красный: белый цвет, как и во многих других культурах, ассоциируется с чистотой,

совершенством, непорочностью, а на Руси – еще со свободой и независимостью (белые земли, белые слободы – освобожденные от дани), тогда как красный – с красотой и гармонией [Лебедева 2011: 142]. В древней китайской культуре (согласно учению о пяти сторонах света – восток, запад, юг, север, центр) белый цвет обозначает запад, символом которого является белый тигр. Кроме того, белый цвет символизирует смерть и бессилие, а присутствующие на похоронах люди должны быть в белой одежде [Чжоу 2007: 276].

Даже в рамках одной культуры один и тот же цвет может символически связываться с разными вещами, отображая переживание не цвета, а самих символизируемых вещей. Например, в терминологическом обозначении *белый шум* отображается восприятие ровного монотонного отдаленного шума как нераздражающего, бесцветного, а во фразеологическом единстве *белая ворона* представлено осмысление нестандартного для вороны окраса (белого оперения) как знак ее непохожести на других представителей данного вида, своего рода аутсайдерства. В текстах современных российских СМИ часто используются сочетания прилагательного *белый* с субстантивами для выражения законности и гласности, например, *белый бизнес* (Коммерсантъ, 14.06.2018) – ‘узаконенный бизнес, который платит налоги’, *белая экономика* (Коммерсантъ, 02.04.2018) – ‘законная’, *белая зарплата* (Профиль, 28.10.2015) – ‘открытый и законный доход’. Все они все имеют положительную коннотацию, но выражение *белая правда* (ЛГ. 21.07.2010), по мнению И.А. Бунина, – это ‘правда знатных и богатых’. Поэтому в отношении национальной специфики в символике цветообозначений на первый план выходит не цвет, а то, что с ним ассоциируется (и правда может быть черно-белой, как в популярной песне Д. Майданова «Черно-белая правда»).

Поскольку коннотация связана с системой ассоциативных комплексов, общих для носителей языка, постольку национальная культура значительно ограничивает ассоциативные способности человека, а межкультурные различия создают трудности в процессе восприятия вторичного смысла, что может привести к коммуникативной неудаче. Так, например, в Китае есть компания-производитель

аккумуляторов под названием «Белый слон», но оборот ее продаж на западных рынках неустойчив (Sina, 31.20.2006). Одна из причин подобного неуспеха кроется в том, что на Западе фразеологическое сочетание *белый слон* имеет отрицательные коннотации: это ‘драгоценная, но бесполезная вещь или невыгодная сделка’ [Оксфордский словарь 2014: 1665]. А в китайской культуре *белый слон* обозначает ‘редкий и ценный предмет, символ счастья и богатства’ [Синьхуа словарь 1998: 158].

Символ революции – красный цвет, за которым стоит отношение к революции, переживание ее, для передачи чего необходима «чувственная» лексика, к которой относятся цветообозначения. При этом глубинный механизм вербализации переживания революции в красном цвете – метонимия (красные флаги, повязки на голове и т.д.). Дж. Лакофф писал, что «символы, используемые в языке и мышлении, могут соответствовать сущностям и категориям в мире» [Лакофф 2011: 218]. С точки зрения Э. Кассирера, «мысль не прямо применяется к действительности, но выдвигает систему знаков и учится использовать их как представителей предмета» [Кассирер 2002: 45]. Для философа способность к символизации есть «характерный признак человека, помогающий ему создавать культурное пространство» [Там же: 265].

Красный цвет обладает иной символикой, нежели серый или черный, причем не только в русской культуре. Это значит, что его восприятие сопровождается другими переживаниями, а потому и сам этот цвет наделяет своей символикой иные (главным образом абстрактные, умопостигаемые) феномены. Как отмечает Х.Э. Керлот, «красный – цвет пульсирующей крови и огня, он предназначен для выражения пульсирующих и раздирающих эмоций» [Керлот 1994: 463]. В текстах СМИ сочетание прилагательного *красный* с предметными и непредметными существительными актуализирует различные коннотации: 1) *красная карточка* (Коммерсантъ, 13.03.2018) – ‘знак удаления спортсмена с поля или снятия с дистанции’, где красный цвет – символ запрета, как в сигналах светофора; 2) *красное правительство* (Коммерсантъ, 10.11.2018) – ‘правительство «красных»,

т.е. социалистического государства' (например, *Красная власть*, где красный цвет – символ революционности, диктатуры); 3) *Красный вирус* (РИА Новости, 11.04.2020). Известно, что красный цвет является символическим цветом Китая и его коммунистической партии. Под словосочетанием *красный вирус* подразумевается пропаганда со стороны компартии Китая, которая, с точки зрения говорящего, столь же активно распространяется по миру, как и коронавирус. Именно таким образом формируется антикитайская идеология; 4) *красные шарфы* (Коммерсантъ, 28.01.2019) – 'движение во Франции, оппозиционное движению «желтых жилетов»', т.е. люди, поддерживающие многие требования демонстрантов, противников эконалога на топливо во Франции, но выступающие против их неразумных действий и насилия. Красный цвет обозначает и высокий уровень опасности, например, *красная трасса* в горнолыжном спорте (в Европе, в России). Но во всех рассмотренных случаях цветовая символика обусловлена метонимией, а не метафорой.

Вопрос о том, что является денотатом прилагательного, продолжает оставаться дискуссионным. Одни исследователи считают, что цвет всегда привязан к какому-либо типу/классу предметов и не существует как самостоятельный денотат [Кульпина 2001: 8], поэтому относят его к интенциональной лексике. Другие считают денотатом прилагательного цвета определенный участок спектра, потому что понимают денотат как «информацию о внеязыковой действительности», передаваемую знаком [Кобозева 2000: 58]. Решение этой проблемы зависит от понимания термина «денотат». Однако бесспорным является признание за прилагательными статуса предикатной лексики, т.е. отображающей не дискретные фрагменты субстанции (предметы), а их параметры. И тип значения, в котором реализуется дескриптивное прилагательное, определяется статусом существительного – предметное или абстрактное. Если одно и то же прилагательное цвета сочетается с разными абстрактными существительными, то полученные словосочетания могут метафоризироваться в различных направлениях. В этом процессе семантика

субстантива играет главную роль и помогает раскрыть многоуровневый семантический потенциал цветоименований текстовой единицы.

Коннотативное значение прилагательного цвета может преобладать над денотативным значением существительного за счет оценочной семы. По данным Словаря Ушакова, имя существительное *список* имеет три значения: «1. Списанный откуда-нибудь текст. 2. Документ, записка, в которых содержится перечень каких-нибудь лиц или предметов. 3. Документ, в который заносятся какие-нибудь сведения в виде перечня (офиц.)» [Ушаков 1994, Т.4: 438], [Ушаков 2005: 999]. В текстах СМИ обнаруживаются следующие контексты: 1) *Международный совет музеев сейчас срочно составляет **красный список** культурных ценностей в Сирии, которые разграблены или находятся под угрозой разграбления* (Комсомольская правда. 07.05.2013); 2) ***Черный список** открыт: Россия ответила на действия литовских властей* (РЕН ТВ. 29.04.2018).

Окказиональное сочетание *красный список* возникло под влиянием ФЕ *красная книга*. *Красный список* обозначает культурное наследие, которое нужно защищать, охранять, тогда как в *черный список* входит все, что должно быть подвергнуто санкциям: так в одинаковой лексико-семантической позиции (при том же самом существительном) ярко высвечивается способность разных прилагательных цвета наделять существительное (и стоящую за ним реалию) прямо противоположными оценочными смыслами.

Черный цвет в русской культуре обычно символизирует что-то плохое, вызывающее отрицательную оценку. Так, *черное сердце* – ‘характеристика безнравственного, бессовестного человека’; *черный кот* – ‘предвестник несчастья’; *черный день* – ‘грядущие тяжелые времена’: *Что ж, **черные дни** для черных бриллиантов* (Коммерсантъ, 14.02.2020). Однако упоминание черного цвета не всегда наделяет контекст отрицательными коннотациями: *Банк УРАЛСИБ проводит акцию **Черная пятница** для самых быстрых с кэшбэком 10% на интернет-покупки* (Коммерсантъ, 23.11.2017). В данном примере достаточно новое для русского языка словосочетание *черная пятница*

представлено в качестве спецтермина из области торговли, обозначающего ‘день крупных распродаж со скидками’, что, согласно сложившемуся стереотипу, является счастливым днем для покупателей. Синтагма *черная пятница*, возникшая как калька с английского, уже стала воспроизводимой немотивированной единицей лексикона, т.е. ФЕ-сращением, семантически коррелирующим с ФЕ-единством *желтое настроение*, также принадлежащим торговому (коммерческому) дискурсу как знак распродаж.

Рассмотрим примеры с распространенным словосочетанием *черная дыра* (*У нас не экономика, а черная дыра* – из разговора), которое нередко встречается на страницах СМИ: 1) *Но это же будет просто «черная дыра» для нашей экономики!* (Огонек, № 38, 26.10.2003); 2) *Копание в себе – это важно и полезно. Но почему-то получается, что чем больше возможностей разбираться в себе, узнавать про свои детские травмы и ошибки воспитания, тем больше **черная дыра** отчаяния и одиночества, делающая все вокруг ненужным и неважным* (Огонек, № 2, 20.01.2020). Словосочетание *черная дыра* входит в специализированную лексику русского языка как метафорически образованный астрономический термин, инвариантное значение которого формулируется как ‘точка невозврата во вселенной’. По точному замечанию О.Г. Ревзиной, «коннотативная семиотика выступает как резервуар для денотативной» [Ревзина 2001: 440], в результате чего рождаются новые знаки денотативной системы как языка общеупотребительного, так и специального. В результате переосмысления семы ‘невозврат’ в общеупотребительном русском языке появилось фразеологическое единство, активно функционирующее в разных сферах общественной жизни для негативного обозначения состояния «расхитительной» российской экономики. Что касается термина, то в нем представлена символизирующая семантика черного цвета как поглощающего солнечный свет.

Воспроизводимое словосочетание *черный юмор*, представляющее собой фразеологическое сращение, а не единство, обозначает ‘определенный вид смешного – юмор с иронической окраской, который, обнажая суть вещей, идет

вразрез со сложившимися стереотипами'. Однако черный цвет актуализирует иную коннотацию: он воспринимается как мрачный не только в русской культуре, но и во французской, откуда пришло рассматриваемое словосочетание, и символизирует (чувственно воплощает) мизантропию. В основе черного юмора лежит алогизм, абсурд, проистекающий из совмещения несовместимого, да и сам термин представляет собой оксюморон – несмешное (*черный*) – смешное (*юмор*).

В древнем Китае черный цвет связан с мистикой. В соответствии с китайским учением о пяти сторонах света он обозначает север и символизирует верховное божество [Чжоу 2007: 274], поэтому это «солидный», серьезный цвет в китайской культуре. В большинстве случаев в китайском языке сочетания прилагательного *черный* с предметными и непредметными существительными обладают отрицательной оценкой, например, устойчивое словосочетание *черный горшок* обозначает 'безвинное страдание за другого, ложные обвинения'. Однако и в китайском языке есть сочетание существительного с прилагательным *черный*, лишенное отрицательных коннотаций, – 黑马 (*черная лошадь / темная лошадь*) (Sports.cn, 07.07.2018), обозначающее 'такого участника мероприятия (например, футбольного или баскетбольного матча, коммерческого конкурса и др.), чьи способности и достигнутые результаты противоречат сложившимся стереотипным представлениям', что в какой-то степени эквивалентно русскому фразеологизму *белая ворона*.

Широкое понимание термина «коннотация», сложившееся в лингвистике к настоящему времени, обусловлено его амбивалентностью, позволяющей применять термин как к языковому знаку, так и к семиотизированному фрагменту внеязыковой действительности. «Цветовые» субстантивно-адъективные синтагмы (как узуальные, так и окказиональные), включающие в качестве опорного компонента абстрактное имя существительное, позволяют через символику цветообозначений раскрыть особенности «переживания» (осмысления и оценки) значимого для социума абстрактного феномена. Текстовый подход к анализу коннотативного потенциала сочетания абстрактного имени с

прилагательным-цветообозначением дает свои релевантные результаты не только в такой сфере языка, как художественная речь, но и в публицистике (в частности в текстах СМИ) с ее выраженной функцией воздействия.

3. Глаголы физического действия в роли коннотаторов АИ

3.1. Глагол физического действия в качестве вторичного предиката

В.А. Успенский полагает, что образование вещной коннотации АИ опирается на сопряженный с ним способ выражения лексических параметров [Успенский 1979: 151]. Например, мечта – хорошая, но хрупкая вещь, такое свойство выведено из его сочетаемости: *разбить мечту, потерять мечту, защищать мечту* и т.п. Значения абстрактных существительных зависят от свойств сочетаемых с ними в определенных контекстах слов, в том числе глаголов физического действия.

Глагол как часть речи обозначает действие или состояние [Ахманова 1966: 97], [Ожегов, Шведова 2007: 131], [Ушаков 2005: 96], Т.Г. Скребцова считает, что «в семантике глагола отражаются функциональные, качественные, количественные признаки участников ситуации, прежде всего субъекта и объекта» [Скребцова 1996: 9]. Глаголы в основном описывают физический мир в переменном аспекте, все их семантические свойства «прочитываются по их поверхностно-синтаксическим обязательствам» [Рахилина 2010: 31]. Но не все глаголы, сочетающиеся с существительными, позволяют обнаружить символические или мифологические смыслы непредметной сущности, а «только вторичные предикаты, т.е. те глаголы и прилагательные, которые не утратили своих буквальных ‘физических’ значений» [Чернейко 2015а: 41], например, *нарушить (правило), завязать (дружбу), заполнять (душу), разорвать (дружбу), ломать (традиции), ловить (настроение)* и т.п. Если глагол привязывается к какой-то определенной ситуации, то АИ отличается от глагола своей свободной сочетаемостью (лабильностью). Абстрактные субстантивы и глаголы физического действия, сочетаясь, дополняют друг друга, что имеет особое значение для АИ, которые обретают вещные коннотации через свои вторичные предикаты.

При сочетании с глаголами физического действия в АИ обычно наблюдается перенос или сдвиг значения. По мнению Н.Д. Арутюновой, в процессе отбора признаков и действий для характеристики разных видов ненаблюдаемых сущностей и абстрактных понятий обнаруживается специфика абстрактных имен, дающая «ключ к пониманию процессов формирования разных видов отвлеченных категорий» [Арутюнова 1999: 337]. Исследователь также отмечает, что в таком случае когнитивная метафора используется не от богатства выбора номинативных средств, а от отсутствия соответствующих прямых номинаций [Там же: 338]. Н.Д. Арутюнова указывает на прочную связь метафоры с позицией предиката и предполагает, что те вторичные предикаты, которые определяют первичные признаки материи, характеризуют человеческие психические явления, обслуживают имена действий, состояний, фактов и событий, а также имена, принадлежащие миру идей, концепций, мыслей и др., создают область для реализации метафоры. Языковой знак как артефакт способен выражать сложные виртуальные понятия через более простые и наблюдаемые физические явления [Иомдин 2006: 560]. Образность абстрактного, созданная посредством метафоризации (в сочетании глагола физического действия с АИ), дает говорящему возможность «репрезентировать нерасчлененные ассоциации, контаминация которых формирует ткань публицистического текста» [Норлусенян 2019: 315]. Когнитивная метафора предоставляет абстрактному субстантиву вторичные предикаты, наделяет его предметностью (образностью), которой оно не обладает от природы. В результате сдвига в сочетаемости глаголов физического действия с абстрактными субстантивами образуется сдвиг в семантике АИ. Рассмотрим следующие примеры:

1) *Китай **заразит** российскую экономику **кризисом**. Великое замедление КНР может привести к росту социального недовольства в стране* (НГ, 28.02.2019). Глагол *заразить* означает ‘передать заразу кому-нибудь’ [Ушаков 2005: 162] и чаще всего сочетается с наименованиями различных болезней: *заразить оспой, заразить гриппом*. *Кризис* – ‘тяжелое переходное состояние

общества, семьи или отдельно взятого человека’ – является абстрактным именем, но в данном контексте кризис мыслится как некая заразная болезнь, а экономика – как человек, который находится под угрозой заражения. Словосочетание *заразить кризисом* подчеркивает отрицательную сторону тесной экономической связи двух стран, из чего можно сделать вывод о том, что в процессе развития экономики нужно в определенной степени сохранять экономическую независимость государства;

2) Он (Порошенко) *пытается как-то сгладить* свои очень серьезные *ошибки* (РИА Новости, 22.03.2019). Согласно «Словарю сочетаемости русского языка», ошибки можно заметить, исправить, признать, пропустить, подчеркнуть, повторять и т.д. [Денисов, Морковкин 1983: 369], но как можно их сгладить? Во время президентских выборов в Украине в 2019 году Петру Порошенко в целях повышения собственного рейтинга срочно нужно было скрыть последствия своей деятельности (например, захват храмов УПЦ), чтобы ничего плохого не было видно, чтобы все стало ровным и гладким, как одежда после разглаживания. Выражение *сгладить ошибки* в данном контексте обозначает намерение ‘скрыть негативные последствия политических действий’;

3) *Собянин: введение одинаковых мер по коронавирусу во всех регионах прихлопнет экономику* (Коммерсантъ, 03.04.2020). Глагол *прихлопнуть* имеет следующие значения: 1) ‘слегка хлопнуть, ударить’; 2) ‘закрыть, затворить’; 3) ‘придавить кого-что’ [Ожегов, Шведова 2007: 602]. Объект данного действия обычно относится к видимому материальному миру, например, *крышка, комар, муха* и т.д. В словосочетании *прихлопнуть экономику* АИ экономика приобретает вещную коннотацию: она мыслится как незначительное живое существо, которое можно придавить, например, насекомое. С точки зрения говорящего, необходимо предпринять разные меры по борьбе с пандемией в разных регионах для того, чтобы избежать тяжелого удара по экономике. Словосочетание такого типа позволяет автору эвфемистически выразить свое мнение;

4) *Некоторые страны постепенно выходят из карантина и*

размораживают экономику (Коммерсантъ FM, 16.04.2020). Глагол *размораживать* обозначает ‘вывести что-нибудь из замороженного состояния’ (например, *разморозить мясо*), в представленном контексте экономика воспринимается как замороженный продукт. Поэтому словосочетание *размораживать экономику* подразумевает то, что экономика находится в состоянии застоя.

В текстах массовой коммуникации когнитивная метафора способствует обогащению используемых средств выражения и повышает привлекательность написанного в глазах читателя. Именно этот тип метафоры позволяет вскрывать имплицитные проекции абстрактных имен на предметную сферу. С точки зрения Н.Д. Бессарабовой, в газетном тексте нужно использовать такие метафоры, «благодаря которым используемые в нем образы больше проясняют содержание, чем завуалируют его» [Бессарабова 1985: 10]. Причем Г.Я. Солганик отмечает, что «публицистика метафоризирует, как правило, не конкретные предметы, а абстрактные понятия» [Солганик 2010: 69]. Метафора рассматривается как эффективный способ познания виртуального (невидимого) мира, даже становится ключом к дешифровке латентного значения, пониманию основ мышления и процессов образования соответствующей точки зрения. Благодаря метафоре мы можем преодолеть несовместимость значений лексических единиц, восстановить смысловую гармонию, выделить сходные признаки непредметного имени и глагола физического действия, найти точки их соприкосновения, а также окрасить слова дополнительными смысловыми оттенками.

Таким образом, опредмечивание абстрактного имени осуществляется в его сочетании с глаголом физического действия, наделяющим субстантив присущим ему предметным признаком. В сочетании с абстрактным именем глагол физического действия выступает вторичным предикатом АИ и в то же время позволяет обнаружить символические или мифологические смыслы непредметной сущности.

3.2. Коннотации АИ в сочетаниях с глаголами физического действия

Субстантивы являются продуктивными классами лексем в области порождения коннотативных значений, в особенности это касается абстрактных субстантивов, обладающих высокой степенью совместимости с другими словами. Для абстрактного субстантива коннотация играет роль семантического шифра, так как она помогает приблизиться к природе непредметной сущности и прояснить ее смысл через предметные признаки, например, в сочетаниях с глаголами физического действия воплощаются вещные коннотативные значения АИ.

В креативных сочетаниях АИ с глаголами физического действия появляется контаминация языковых единиц (например, *прогнозы колосятся, слышать цвет, подрывать доверие, обнимать мечту*), абстрактная лексика опредмечивается и расширяет свое значение. Рассмотрим пример из журнала: ***Оскорбить сочувствием*** (Огонек, № 12, 30.03.2020). Речь идет о книге Джаннин Камминс «Американская грязь», где автор сочувственно описывает жизнь мексиканских эмигрантов в Америке, которые впоследствии расценили выход книги как оскорбление. В данном контексте субстантив *сочувствие*, сочетаясь с глаголом *оскорбить*, приобретает отрицательные коннотации и мыслится как грубое слово, обидный жест и т.п. Это противоречит словарной дефиниции данной лексемы – ‘одобрительное отношение к чьему-нибудь начинанию’ [Ушаков 2005: 645], именно так глагол физического действия изменяет аксиологический оттенок абстрактного имени.

Проанализируем другие примеры из текстов СМИ:

1) *Европу заражают беженством* (Коммерсантъ, 03.03.2020). Слово *заразить* само по себе обладает отрицательными коннотациями (*заразить гриппом, заразить холерой*). В этом примере беженство воспринимается как эпидемия, угрожающая социальной стабильности и экономическому развитию европейских стран. К тому же, отдельного внимания заслуживает игра слов – *беженство* и *бешенство*. Таким образом, автор статьи говорит о потенциальной угрозе, связанной с неограниченным притоком мигрантов в европейские страны,

глагол *заражать* наделил субстантив *беженство* отрицательными коннотациями;

2) Доллар *подогрел спрос* на элитную недвижимость. Однако вполне возможно, что ажиотаж будет недолгим, полагает эксперт (Коммерсантъ, 28.12.2019). В данном контексте идет речь о повышении спроса на элитную недвижимость вследствие падения курса доллара в конце 2019 года. Автор статьи сочетает имя существительное *спрос* с глаголом *подогреть*, который означает 'разогреть немного' [Ожегов, Шведова 2007: 539]. Подобное сочетание указывает на тот факт, что спрос на элитную недвижимость долгое время был низким, и в то же время в данном контексте выражается опасение по поводу недолговременности такой покупательской активности. АИ *спрос* мыслится как печь, которую только что растопили, но в скором времени она остынет.

Эти материалы из СМИ показывают, что глагол физического действия окрашивает абстрактное имя, дополняет его значение, а рожденные посредством метафоризации коннотативные оттенки демонстрируют гибкость речевой культуры и изменение языкового вкуса социума в определенный период времени.

А. Вежбицкая считает, что все экспрессивные и оценочные элементы (т.е. прагматические операторы) «висят» на предикате [Вежбицкая 1982: 244], коннотативное значение слова является прагматическим компонентом плана содержания, его порождение и дальнейшее развитие неотделимо от выбора предикатных слов. По мнению В.В. Виноградова, различным сочетаниям лексем присуща разная выразительная сила, слова тесно связаны со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью [Виноградов 1972: 20], варьирование значений языкового знака зависит от интенции (намерения) производителя речи. В сочетаниях абстрактных существительных с глаголами физического действия возникают коннотации, наделенные разной экспрессивно-эмоционально-оценочной силой в зависимости от конкретного контекста. В масс-медиа авторы текстов стремятся создать иронический эффект посредством употребления нестандартного сочетания АИ с глаголами физического действия. Приведем примеры:

1) *Украина может устроить Европе форс-мажор* (РИА Новости, 19.12.2019). Неожиданное словосочетание *устроить форс-мажор* сразу вызывает у читателей интерес. *Форс-мажор* определяется как ‘непреодолимая сила, непредотвратимое в данных условиях обстоятельство’ [Ушаков 2005: 727], например, наводнение, шторм и другие стихийные бедствия. Очевидно, что возникновение форс-мажора не зависит от воли людей, но в данном примере автор употребляет глагол *устроить*, который обозначает: а) ‘делать, создавать что-либо, оборудовать что-либо для каких-либо целей’, например, *устроить стол, устроить навес, устроить госпиталь* и т.д.; б) ‘организовывать, осуществлять какое-либо мероприятие’, например, *устроить конференцию, устроить бал, устроить прием* и др. [Денисова, Морковкина 1983: 627]. Исполнителем такого физического действия обычно является именно человек. В представленном контексте идет речь о транзите газа через Украину в Европу. Прекращение поставок газа с украинской стороны обернется для жителей ЕС бедствием, которое можно назвать «форс-мажором», устроенным украинскими властями. Через данное словосочетание автор статьи выражает свое отрицательное отношение к решению украинских властей по проблеме газоснабжения;

2) *Государство, похоже, больше не готово даже изображать демократию* (Коммерсантъ, 30.12.2019). Абстрактное имя *демократия* обозначает: 1) ‘политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равноправия граждан’; 2) ‘принцип организации коллективной деятельности’ [Ожегов, Шведова 2007: 160]. Глагол *изображать* имеет значение ‘воспроизводить, воплощать кого-что в художественном образе (в скульптуре, в живописи, на сцене и др.)’ [Денисова, Морковкина 1983: 203], причем изображаемое является лишь подобием реальной действительности. Сочетание глагола *изображать* с существительным *демократия* наделяет данное АИ отрицательными коннотациями: демократия воспринимается как нечто искусственное, наигранное, а значит, ненадежное. Словосочетание *изображать демократию* имплицитно указывает на невозможность реального воплощения

демократического режима в государстве, а сама демократия воспринимается как рисованная картинка, несбыточная надежда.

Коннотативные значения включают в себя «утилитарные оценки» [Арутюнова 1999: 303], которые формируются на базе ассоциаций и эмоций, вызываемых реалиями окружающей действительности. Например, глагол физического действия *потерять* обычно сочетается с наименованиями предметов, представляющих определенную ценность: *книги, телефон, кошелек* и др. Поэтому те абстрактные имена, с которыми сочетается глагол *потерять*, в большинстве случаев обладают положительными коннотациями, например: *достоинство, доверие, мечта, любовь, вера, шанс* и т.п. Наличие коннотативных значений слова выявляет динамичность его основного лексического значения. По мнению Л. Блумфилда, у каждой языковой формы есть своя собственная эмоциональная окраска, сходная для представителей одного языкового коллектива. Однако она видоизменяется для каждого производителя речи и иногда «даже сводится на нет», т.е. приобретенная коннотация обычно тесно связана с индивидуальным опытом говорящего [Блумфилд 2002: 161]. Поэтому при анализе лексико-семантического значения слова/словосочетания (особенно АИ) нужно учитывать психические и социальные факторы, индивидуальный опыт говорящего и слушающего и другие потенциальные параметры.

Абстрактные имена обозначают отвлеченные понятия (*восхищение, память*), свойства (*мягкость, твердость*), признаки (*красота*), качества (*добро, зло*), состояния (*усталость, грусть*), отношения (*дружба*) и т.д., которые связаны с внеязыковой действительностью без посредников и не имеют семантической опоры в языке, так что среди культурно значимых имен много тех, которые на данном этапе существования языка являются производными либо по той причине, что потеряли семантическую опору (как, например, *быт, вина, внимание, грех, свобода, слава, совесть*), либо вовсе ее не имели, будучи заимствованными (например, *авторитет, коррупция, материя, менталитет, террор, шанс, экология*). Поэтому наши представления о невидимом мире, выраженном

абстрактными именами, в значительной степени заимствованы из мира воспринимаемых физических объектов. Нельзя сказать, что абстрактная лексика совсем не имеет предметной соотнесенности. На наш взгляд, сфера значения абстрактных имен даже шире, чем предметных, например, счастьем можно назвать улыбку близкого человека, цветы, смартфон последней модели, новый компьютер, модную одежду и многое другое. Содержание АИ является продуктом человеческого ума и обычно подвержено влиянию личного опыта человека, культуры и истории языкового коллектива и других факторов, поэтому коннотации АИ более динамичны и свободны, а способы их реализации многообразны.

С точки зрения Л.О. Чернейко, модель ассоциативного ореола АИ является пространством, из которого вычленяются проективные смыслы, выделяемые при анализе глагольной и адъективной сочетаемости АИ и входящие в зону его «конвенциональной образности» [Чернейко 2019: 18]. В сочетаниях АИ с глаголами физического действия обыденное сознание обнаруживает свои представления об идеальных сущностях, при этом переход умопостигаемого в образно конкретное достигается сочетанием того или иного предиката с предметными и абстрактными именами, которые заполняют одну и ту же валентность глагола, например, *Экономика заправила шерингом* (Коммерсантъ FM, 21.12.2019). Экономика проецируется на машину. *Прогнозы колосятся* (Коммерсантъ, 29.05.2020). Прогнозы проецируются на растение. *Это фантастическое допущение легко проглатывалось* (Эксперт, № 5, 29.01-04.02.2018). Фантастическое допущение проецируется на продукт.

Абстрактные субстантивы в сочетании с глаголами физического действия «подчиняют» физический (материальный) мир своей невидимости, умопостигаемости и виртуальности и в то же время проецируются на него. В результате такой операции АИ обретают образность и наглядность, присущую предметным именам. Таким образом, АИ в сочетании с глаголами физического действия может восприниматься как предметное и обладать вещными

коннотациями, приведем примеры: 1) *Радикальная риторика не уменьшит лояльность КПРФ, но может повредить ее единству* (Коммерсантъ, 26.12.2019). Проецируясь на пространственный компонент глагола *уменьшить*, абстрактное существительное *лояльность* в этом предложении становится физическим объектом, объем которого можно изменить; 2) *И несправедливость можно было бы пережить, проглотить, как незаслуженную обиду* (ЛГ, № 51-52(6537), 24.12.2015). В данном контексте АИ *несправедливость* проецируется на пищу, которую можно проглотить; 3) *Ничто не чуждо: как США экспортируют коррупцию на Украину* (РИА Новости, 21.12.2019). Глагол *экспортировать* означает ‘вывезти товары за границу’ [Ушаков 2005: 908] и сочетается с предметными именами. Субстантив *коррупция*, находящийся на высокой ступени абстракции, проецируется на пространственный компонент глагола *экспортировать* и мыслится как конкретный товар, сделанный в Америке. Словосочетание *экспортировать коррупцию* иронически отражает негативное влияние Соединенных Штатов на Украину.

Следует отметить, что один и тот же абстрактный субстантив может приобретать различные вещные коннотации в разных контекстах. Рассмотрим другие примеры с АИ *коррупция*: 1) *Оно (Министерство образования) и ЕГЭ придумало, чтоб коррупцию из школ изгнать, и платные занятия* (ЛГ, 23.01.2013); 2) *Низовая коррупция опасна тем, что создает благоприятный психологический фон для существования остальных ее форм, а также возвращает вертикальную коррупцию* (Коммерсантъ, 13.01.2020); 3) *Скорее всего, новые правила только подстегнут коррупцию при выдаче диагностических карт* (Профиль, 17.01.2019). В примере (1) *коррупция* мыслится как неудобный, нежеланный человек или же существо, несущее вред, например демон, враг; в примере (2) *коррупция* проецируется на растение, а в примере (3) *коррупция* воспринимается как конь, на что указывает его сочетаемость с глаголом физического действия *подстегнуть*, который прежде всего предпочитает сочетаться со словом *конь* [Денисова, Морковкина 1983: 543].

Таким образом, невидимый мир АИ моделируется через проекцию на видимый мир посредством сочетания с глаголами физического действия, в результате чего одно и то же абстрактное имя приобретает разные вещные коннотации (коррупция воспринимается как товар, вредное существо, растение, конь и т.д.).

Абстрактный субстантив обладает более свободной сочетаемостью благодаря своей лабильности, при этом его сочетаемость (метафоры, метонимические переносы, устойчивые сочетания) мотивирована. В то же время общий принцип мотивированности подобных конструкций никак не препятствует употреблению готовых, «собранных» блоков и конструированию новых, им подобных [Рахилина 2010: 349]. Авторы статей нередко изменяют компоненты устойчивых выражений или добавляют в них что-то новое, так как это позволяет привлечь внимание читателей и нетривиальным образом создать более интересный и содержательный контекст. Сочетаясь с глаголом действия, АИ, используемое в преобразованном устойчивом словосочетании, получает легко считываемое коннотативное значение. Например,

1) *С Кореей – поскорее. Пхеньян и Сеул не откладывают мир в долгий ящик* (РИА Новости, 28.04.2018). Фразеологизм *откладывать/отложить что-нибудь в долгий ящик* обозначает ‘откладывать/отложить исполнение какого-нибудь дела на неопределенное время’ и обычно обладает отрицательными коннотациями. По мнению В.В. Виноградова, данное фразеологическое единство звучит как каламбур, потому что «в современном русском языке *долгий*, раскрывая основное значение этой фразы, воспринимается в связи с *ящик* как иронически двусмысленный образ» [Виноградов 1977: 129]. Добавляя существительное *мир* в данный фразеологический оборот, автор статьи имеет в виду, что Южная Корея и КНДР наконец-то сделали первые шаги для реализации нормальных дипломатических отношений между двумя странами, и при этом подчеркивает, что серьезный конфликт между ними оставался неразрешенным уже много лет. Добавление к фразеологизму существительного придает новости особую экспрессивность и помогает в полной мере раскрыть авторский замысел;

2) *Америка бряцает аббревиатурой.* Звучные аббревиатуры названий законопроектов и законов – одна из фирменных черт американского политического процесса (Коммерсантъ, 19.12.2019). Устойчивое словосочетание *бряцать оружием* обозначает ‘угрожать войной’ [Ожегов, Шведова 2007: 61]. В данном контексте аббревиатура как языковое явление проецируется на оружие и поэтому рассматривается как эффективный инструмент политической пропаганды американских властей в процессе разработки законопроектов. Более того, засилье аббревиатур в законодательной сфере Штатов подчеркивает особую важность формальной стороны дела, но затмевает суть разработанных законов. Так, коннотативные компоненты, присущие устойчивым словосочетаниям, помогают реализации коннотаций абстрактных имен.

Из приведенных примеров узнаем, что коннотации, возникающие у абстрактных субстантивов при сочетании с глаголами физического действия, часто затрагивают освещение политической, экономической, социальной сфер жизни общества в СМИ. Такой феномен объясняется тем, что в наше время интересы масс-медиа фокусируются на отражении экономической, политической и социальной ситуации в стране и за рубежом. В то же время авторы текстов СМИ предпочитают выражать свою позицию нестандартно и имплицитно, для достижения такой цели они постоянно стремятся найти максимум способов обновления средств выражения.

АИ как вместилище результатов интеллектуальной деятельности человека проецируется на предметные параметры глагола физического действия, служащего орудием познания абстрактной сущности, в результате чего рождается вещная коннотация. Проективные смыслы увеличивают смысловую нагрузку на читателей, но позволяют им установить связи между разными параметрами и распознать скрытые смыслы, вложенные адресантом в сообщение. С помощью глаголов физического действия АИ, обозначающее умопостигаемое явление, не только овеществляется, но и приобретает дополнительные оттенки (экспрессивно-эмоциональный, оценочный, иронический и т.д.), при этом

контекст всегда является важным фактором репрезентации коннотативных значений АИ, сочетающихся с глаголами физического действия.

4. Предметные субстантивы в роли коннотаторов АИ

А.Ф. Лосев указал, что имя поднимает вещь, которой оно принадлежит, в сознание; имя вещи – это вещь, явленная в разуме [Лосев 2009: 99], и «только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности» [Лосев 1993: 617]. По мнению Л.О. Чернейко, абстрактное имя позволяет передать свойства и параметры объекта в более адекватном виде постольку, поскольку оно является простой умственной операцией: «То, что есть в идее, есть и в слове» [Чернейко 2017а: 70]. В противном случае, если речь идет о конкретном предмете, существующем в действительности, его языковой знак (точнее, предметное имя) не может обозначать все то, что действительно есть в нем. По мнению А.В. Суперанской, «чем более отдаляется слово от своего источника, тем более оказывается оно на службе у мысли» [Суперанская 2007: 70]. С этой точки зрения АИ тесно связано с человеческой мыслью, но существует ли «первоначальный образец» (в терминологии Дж. Локка, Г. Лейбница) или прототип (т.е. доступный эмпирическому восприятию образец) абстрактного субстантива в физическом мире? Прототип предметного имени существует в сознании носителей данного языка, отражается в их культуре, образует свой эталонный наглядный образец, а прототип абстрактных имен выстраивается на основе конкретного предмета и связывается с ним через метафорическую ассоциацию, проективные смыслы.

В текстах СМИ часто встречается метафорическое употребление предметных имен для толкования абстрактных и выражения отношения говорящего к ситуации, например: 1) *Дипломатия, как известно, похожа на научное направление или сад, и то, и другое создается медленно* (Огонек, № 46, 25.11.2019). Дипломатия как явление абстрактное проецируется на вполне конкретный объект – сад, который создается медленно и за которым нужно ухаживать. В данном контексте подчеркивается необходимость кропотливого создания и сохранения дипломатических отношений с другими странами; 2) *До*

саммита Большой двадцатки обострение **торговой войны** между Китаем и США нарастало последовательно и сурово, как **снежная лавина** (РИА Новости, 03.12.2018). Торговая война как явление абстрактное проецируется на конкретное природное явление – снежную лавину. Эта метафора выразительно описывает напряженные торговые отношения между Китаем и США и имплицитно выражает тревогу адресанта по поводу катастрофических последствий торговой войны; 3) *Мировая культура как **противоядие*** (ЛГ, № 13, 01.04.2020). Культура функционирует как лекарство (противоядие), освобождающее человека от душевных мук; 4) *Ведь наша **жизнь** – **шарманка*** (7 дней, № 14, 1-7.04.2002). Круговорот жизненных событий сравнивается с постоянно повторяющейся мелодией шарманки. Для адресанта метафора прокладывает «короткие пути» к достижению коммуникативной цели высказывания.

Коннотативные компоненты языковых единиц часто не лежат на поверхности речи, а выражаются имплицитно. Метафора является одной из основных форм материализации коннотаций АИ, ее можно образно назвать «постоянным рассадником алогичного в языке» [Рахилина 2010: 341], позволяющим сравнивать несопоставимое: конкретное и абстрактное, одушевленное и неодушевленное, время и пространство, например: 1) *Сегодня такая имитация пачки купюр называется «**куклой**» – **примитивное мошенничество**, известное почти всем* (Профиль, 24.08.2018). Здесь кукла как искусственное подобие живого человека метафорически обозначает примитивное мошенничество с деньгами; 2) *Эстония на старте: к разделу **пирога политики** подготовиться* (РИА Новости, 22.08.2018). Сферы влияния в политике мыслятся как пирог, который можно разделить; 3) *Наши **грехи** словно **жидкость**, текущая в «сосуд кармы», и надо очень внимательно следить за тем, чтобы сосуд не переполнялся* (7 дней, № 40, 01-07.10.2001). Грехи проецируются на жидкость, которая может перелиться через край; 4) *Ощущение **катастрофы** соседствует с воспоминаниями молодости, порождая сложный и яркий **коктейль эмоций**, под действием которого можно не то что гречку, но и всю бытовую технику скупить на годы вперед* (Огонек, №

11, 23.03.2020). Эмоции (ощущение катастрофы и в то же время приятные воспоминания о прошлом) мыслятся как алкогольный напиток, действующий на нервы человека и мотивирующий его на бессмысленную трату денег.

В наше время в сфере масс-медиа адресат склонен достаточно быстро реагировать на латентное идеологическое значение (имплицитное выражение) информации и угадывать авторский посыл, в противном случае читатели теряют интерес к полученным сведениям. По мере распространения новых технологий и гаджетов у человека появилось множество каналов получения и передачи огромного количества информации, поэтому перед авторами текстов СМИ стоит задача, как небанальным образом выстроить сюжетную линию, сделать произведение уникальным и тем самым заинтересовать читателя. Авторы текстов СМИ предпочитают выражать свою точку зрения посредством коннотаций, в том числе коннотаций абстрактных имен, так как абстрактные субстантивы способны быть своеобразным «вместилищем» метафоры, они играют основополагающую роль в духовной жизни социума. Опираясь на материальную действительность, абстрактные субстантивы создают метафизический мир, составляют специфические идеально-когнитивные модели, которые представляют собой «артефакты», «вторичные образы» реальности, преломляют социум и природу в сложном образе.

По мнению Е.В. Рахилиной, у имен существительных практически нет устойчивой сочетаемости, так как они не обладают жесткой «привязкой» к какой-то определенной ситуации [Рахилина 2010: 31]. Предметное имя, как и абстрактное, отличается своей лабильностью, поскольку оно «“ориентировано” одновременно на множество синтаксических конструкций» [Там же: 349], в каждой синтаксической конструкции в соответствии с контекстом заложены предварительно акцентированные признаки (свойства) данного предметного субстантива. Такая характеристика субстантивов способствует возникновению у них разнообразных форм проявления коннотаций, в том числе сочетания предметного и абстрактного имен. Те предметные имена, которые известны

собеседникам (получателям информации), могут вызывать у них различные образы, эмоции и представления. Предметное имя производит обобщение, а абстрактное имя привносит в это обобщение креативное начало, которое позволяет раскрывать точку зрения на мир: рациональную и эмоционально-оценочную, этическую и эстетическую [Чернейко 1997: 48], – поскольку оно обладает способностью произвольно комбинировать свойства (характеристики) вещей.

Сочетание предметного и предметного, а также предметного и абстрактного имен создает такой структурный тип метафоры, который получил название «генитивная метафора». Это не только не усложняет процесс коммуникации, но и в свою очередь уменьшает отдаленность абстрактных имен от предметной сущности при сочетании предметного и абстрактного имен в виде когнитивной метафоры N_1N_2 , относящейся по структуре к генитивной метафоре, где $N_1 = S_{всп.}$ (предметное имя), $N_2 = S_{осн.}$ (абстрактное имя) (*стена дождя, капсула одиночества, паутина мнений, тиски одиночества, когти тоски, кладбище любви* и т.п.). В генитивной метафоре, созданной сочетанием предметного и абстрактного имен, абстрактное представляет собой основной субъект, являясь точкой приложения образа, предметное имя рассматривается как вспомогательный субъект, являясь средством создания образа. В их сочетании абстрактный субстантив проецируется на часть или некоторые части предметного субстантива, т.е. предметное имя играет роль коннотатора АИ. На страницах современных СМИ нередко используются подобные сочетания, например, *почва расизма* (Коммерсантъ, 14.05.2019), *корень зла* (Профиль, 01.08.2018), *крылья победы* (РГ, 25.11.2019), *зеркало души* (ЛГ, 28.06.2017), *вертикаль власти* (Коммерсантъ, 28.12.2019), *зонтик безопасности* (РГ, 24.05.2020) и др. Метафоры такого рода формируются в зависимости от того, с помощью каких органов чувств (вкус, слух, зрение, осязание и обоняние) мы воспринимаем вспомогательный субъект, т.е. предметное имя. АИ играет роль основного субъекта, проецирующегося на параметры вспомогательного, таким образом, по

мнению М. Блэка, «мы как бы “смотрим” на главный субъект “сквозь” метафорическое выражение» [Блэк 1990: 165].

В сочетании N_1N_2 основной субъект становится точкой приложения образа, потому что у АИ отсутствует образность, чей прототип «не обладает наглядностью» [Чернейко 2017а: 209], поэтому «невидимый объект» абстрактного субстантива проецируется на образ вспомогательного субъекта. Для осуществления проекции требуется наличие в сознании адресатов представлений об основном и вспомогательном субъектах (абстрактном и предметном именах), но данная проекция не сводится к их простому сопоставлению. Как отмечает Л.О Чернейко, в данном случае мы не сравниваем абстрактную сущность с предметной, так как АИ представляется материально пустым, а сравниваться могут только «равноположенные объекты, имеющие общие свойства, которые выступают основанием для сравнения» [Там же: 201].

Рассмотрим следующие примеры: 1) *Хотелось понять, почему молодежь предпочитает продавать свои таланты в Америке и Европе и совершенно не стремится работать в РАН. Ответом на эти вопросы стала **стена молчания*** (Известия, 27.05.2014); 2) *Между ровесниками, годами сидевшими вместе за одной партией, выросла высоченная **стена непонимания** – культурные коды неодинаковые* (Известия, 04.02.2014). В данных примерах словосочетания (1) *стена молчания* и (2) *стена непонимания*, несомненно, притягивают внимание читателя. Стоит отметить, что для определения значения слов в представленных контекстах и раскрытия смысла метафоры необходимо обратиться прежде всего к толковым словарям русского языка, поскольку только после уточнения системного значения слова, описанного в словарях, можно определить специфику его функционирования и коннотативное значение в конкретной ситуации.

Предметное имя *стена* в словарях обычно толкуется как ‘каменная или кирпичная ограда’ [Даль 2009: 623], [Ушаков 2005: 1010]. С одной стороны, стена выступает в качестве преграды и выполняет функцию защиты находящихся за ней людей от внешней опасности, с другой стороны, она создает препятствие для

обмена информацией с внешним миром. В (1) примере молчание как параметр речевой ситуации проецируется на стену, препятствующую общению между людьми. Во (2) примере культурные различия между субъектами коммуникации создают невидимую стену между ними. Слова *молчание* и *непонимание* относятся к непредметным именам, но в приведенном примерах они осмыслены как самостоятельные «предметы» ситуации, которые уподобляется препятствию. В русской культуре стена как вертикальная часть здания имеет ряд устойчивых ассоциаций (коннотаций), репрезентирующих ее разные характеристики, одна из которых – быть препятствием. Проекция непредметных феноменов (молчание и непонимание) на стену основана именно на этом свойстве предмета, являющегося фокусом данной метафоры. Сложное взаимодействие смыслов имен разных статусов в метафоре этого типа (генитивной и когнитивной) приводит к опредмечиванию непредметного имени и к абстрактивизации (символизации) предметного: *непонимание* = ‘стена’, *стена* = ‘препятствие, помеха’.

Следует особо отметить, что изучение семантико-прагматической связи между предметными и абстрактными именами в генитивной метафоре N_1N_2 требует внимательного отношения к лексикографической интерпретации их прямых значений. В одних случаях данная связь может проявляться в непосредственном виде – через одинаковые или сходные семантические компоненты в словарных дефинициях имен, например: *Сатира и юмор как движители прогресса, университеты страны могли бы больше делать для дискуссионных форм образования студентов* (НГ, 23.12.2019). В словаре Ушакова имя *движитель* интерпретируется как ‘машина, которая приводит что-нибудь в движение’ (букв.) и ‘сила, способствующая прогрессу в какой-нибудь области’ (перен.) [Ушаков 2005: 167], а *прогресс* – ‘движение вперед’ [Там же: 804]. Семантические компоненты словарных дефиниций имени *движитель* и *АИ прогресс* совпадают в семе ‘движение’, а между собой соотносятся как «часть/целое». В этой метафорической номинации абстрактный феномен прогресс уподобляется транспортному средству (ср.: *локомотив прогресса*, где

прогресс = ‘несамоходные вагоны’), для которого совершенно необходим механизм, приводящий его в движение, – и это двигатель (высок. *движитель*), т.е. мотор. «В метафоре может высвечиваться противоречие между словарной дефиницией АИ и его узусом» [Чернейко 2018а], именно с этим фактом мы сталкиваемся в данном случае. Парадокс в том, что имя *прогресс* определяется словарями как «движение социума вперед», но для этого движения требуется определенная «тягловая сила» – кто-то или что-то. В приведенном примере такой силой являются сатира и юмор.

В других случаях связь абстрактного и предметного имен может существовать в более сложном виде. Рассмотрим следующий пример: *Руководителем «Ноизма» он (Дзе Канамори) был назначен сразу же, как вернулся из Европы, где провел 13 лет: учился в бежаровской «Рудре», танцевал в молодежном NDTII, Лионской опере, Гетеборгском балете. С таким багажом молодому хореографу было предназначено стать «мостом культур»* (Коммерсантъ, 01.06.2019). Молодой японский хореограф Дзе Канамори долго жил и обучался искусству балета в Европе, он впитал в себя как японскую, так и европейскую культуру и способствовал обмену культурным опытом между разными странами. Пространственной артефактной метафорой *мост культур* обозначается соединения двух социальных локусов. Буквальные значения компонентов этой генитивной метафоры следующие: *мост* определяется как ‘сооружение перехода, переезда’ через реку, овраг, железную дорогу и т.п. [БАС 1957, Т.6: 1287], а *культура* – как ‘совокупность человеческих достижений в производственной, общественной и умственной жизни’ [Ушаков 2005: 391-392], [БАС 1956, Т.5: 1827]. По представленным словарным дефинициям между словами *мост* и *культура* нет никакой связи, но культура каждой нации имеет свои особенности, для удачной коммуникации между представителями разных культур и достижения ими взаимопонимания нужно использовать какое-то соединительное средство. В русской культуре это средство связи проецируется на мост (*мост*=‘связь’), но через эту проекцию культура принимает образ берегов

одной реки. Примечательно то, что метафора *мост культур* в данном случае взята в кавычки («*мост культур*»), смысл которых в том, чтобы «снизить пафос», поскольку речь идет об одном человеке, а данная метафора, по мысли говорящего, применима к более масштабным проектам. Подобных примеров немало: *ключи развития* (Коммерсантъ, 03.10.2019), *колесо истории* (Огонек, № 41, 21.10.2019), *мост доверия* (Коммерсантъ, 15.07.2019), *подушка безопасности* (РГ, 22.04.2020) и др.

Обращение к сочетанию предметного и абстрактного имен ориентировано на выявление коннотативного признака (оценочной, эмоциональной, экспрессивной характеристики) основного субъекта, а для достижения данной цели необходимо определить признаки вспомогательного субъекта, поскольку для такого типа генитивной метафоры коннотативные признаки выявляются через приписывание «основному субъекту признаков вспомогательного субъекта» [Рахилина 2010: 341]. Например, *капсула одиночества* – одинокий человек словно хранится в капсуле – замкнутом, отделенном от окружающего мира пространстве; *паутина мнений* – мнения охватывают, будто бы оплетают разные стороны человеческой жизни; *стена непонимания* – непонимание создает стену между людьми, которую трудно разрушить; *колесо истории* – история непрерывно движется, как вращающееся колесо, и т.п. Л.О. Чернейко считает, что сочетание предметного и абстрактного имен не является номинативно эквивалентным абстрактному слову, поскольку предметное имя в данном сочетании играет роль «‘скрытого’ предиката, высвечивающего определенный аспект видения умозримого» [Чернейко 2017а: 202], ср.: *пена ненависти* (Завтра, 25.10.2019) – чувство ненависти недолговечно и скоро исчезает, как и пена; *локомотив экономики* (Огонек, № 12, 01.04.2013) – экономика движет государство вперед, подобно локомотиву.

Метафора предпочитает демонстрировать свою привлекательность и силу в сфере идеального и помогает актуализировать коннотативные значения слов. Коннотация, будучи важным компонентом человеческой речемыслительной деятельности, характеризуется субъективностью при описании и отражении

действительности. Так, мы можем рассматривать коннотацию как факультативный компонент, который обогащает лексическое значение слова и способствует передаче дополнительной информации, связанной с субъективной стороной человеческой деятельности. Иными словами, коннотация включает в себя ощущения, эмоции, оценки, появляющиеся в сознании человека в процессе его речемыслительной деятельности, и становится стимулом для метафорического словоупотребления.

В генитивной метафоре предметное имя (вспомогательный субъект) помогает вынести суждение об абстрактном имени (основном субъекте). С точки зрения Е.В. Рахилиной, в основе метафоры лежит своеобразное «сырье», из которого формируется коннотативное значение имени, а метафора рассматривается как стадия переработки «сырья», как «этап на пути от представления, знаний, оценок и эмоций к языковому знанию» [Рахилина 2010: 343]. Причем на этапе приращения смысла АИ некоторые аспекты значения предметных имен подавляются, а некоторые подчеркиваются. В результате их взаимодействия происходят семантические сдвиги, которые в основном являются метафорическими переносами. Рассмотрим следующие примеры:

1) *Зеленая азбука жизни: без кардинального озеленения городов их жителей ждет печальная участь* (Коммерсантъ, 06.09.2019). Имя существительное *азбука* имеет такие значения: а) 'алфавит, совокупность букв данного языка'; б) 'книга для начального обучения грамоте'; в) (переносное значение) 'основные и простейшие начала какого-то дела' [Ушаков 2005: 6], [Ожегов, Шведова 2007: 19]. В словосочетании *азбука жизни* слово *жизнь* мыслится как книга и подчеркивается лишь одно из значений слова *азбука* – 'главное и простейшее начало' – и имеется в виду одно из первейших необходимых условий для жизни в городах – их кардинальное озеленение;

2) *Весь пепел сгоревших иллюзий пригодился мне в профессии* (7 дней, № 18, 29.04-05.05.2002). В этом примере АИ *иллюзия* в качестве основного субъекта проецируется на КИ *пепел*, в результате чего иллюзия мыслится как некий

легковоспламеняющийся материал. При этом акцент делается на прямом значении слова *пепел* – ‘остатки от чего-нибудь сгоревшего’ [Ожегов, Шведова 2007: 498]. Таким образом, иллюзия может сгореть, но все же оставить свой след в мире;

3) *Оказывается, есть даже специальные банки времени, где люди меняют свое время на чужое* (Огонек, № 48, 17.12.2018). Банк – ‘финансовое учреждение, располагающее большим капиталом и производящее операции с вкладами, платежами и кредитами’ [Ушаков 2005: 26], [Ожегов, Шведова 2007: 35], иными словами, это предприятие имеет дело с ценным материалом – деньгами. Поэтому в приведенной выше метафоре подчеркивается драгоценность времени: время – деньги. В режиме «безденежной» экономики люди платят друг другу взаимными услугами, на выполнение которых затрачивается время.

Метафорическое выражение абстракции с помощью предметного субстантива выполняет прагматическую функцию. Процессы метафоризации есть процессы мышления, поэтому метафора способна отражать свойства предметов и картину мира в общественном сознании в ту или иную эпоху. Коннотативно окрашенные абстрактные имена в сочетании с предметными именами появляются тогда, когда их коннотативные характеристики соответствуют контексту, в котором исходные значения АИ подвергаются сложным переработкам. Например, *Возможно, избрание Франциска – это последний шанс Ватикана сохранить Католическую церковь как традиционный институт, не дать ей скатиться в болото либерализма и толерантности* (Известия, 14.03.2013). В толковых словарях слово *либерализм* имеет следующие дефиниции: 1) ‘идеологическое и политическое течение, которое объединяет сторонников демократических свобод и свободного предпринимательства’; 2) ‘снисходительность, излишняя терпимость’ [Ушаков 2005: 407], [Ожегов, Шведова 2007: 326], а абстрактное имя *толерантность* в словаре определяется как ‘терпимость’ [Ушаков 2005: 1052]. Эти два абстрактных имени тесно связаны с идеологией человека и в данном контексте проецируются на вспомогательный субъект *болото* – ‘избыточно

увлажненный участок земли, в котором могут увязнуть вещи'. Ватикан долго находился в трудном положении, созданном либерально настроенными кругами США и стран Западной Европы, которые являются так называемыми поборниками либерализма и толерантности, в результате чего попал в практически полную зависимость от них, т.е. «увяз в болоте». Основные субъекты метафоры *либерализм* и *толерантность* в данном примере обладают отрицательными коннотациями за счет предметного имени *болото* и контекста в целом.

Рассмотрим другой пример: *Ситуация со «Свидетелями Иеговы» может быть не каким-то изолированным событием, а надводной частью того **айсберга насилия** в правоохранительных органах, который, к сожалению, по-видимому, здесь есть* (Коммерсантъ, 15.08.2019). Айсберг – это ‘ледяная гора, обломок льдов полярных глетчеров’ [Ушаков 2005: 11], это опасное природное явление, столкновение с которым вызывает катастрофические последствия (например, айсберг, с которым столкнулся «Титаник»). В данном контексте имя *айсберг* употреблено вместе с АИ *насилие*, что подчеркивает большое количество насильственных действий, совершенных сотрудниками правоохранительных органов. Насилие мыслится как феномен, у которого скрытая часть значительно превышает открытую, очевидную. Слово *айсберг* наделяет АИ *насилие* образностью, еще большей оценочностью и дополнительным эмоционально-экспрессивным значением, т.е. подчеркивает отрицательные коннотации данной лексемы.

В генитивной метафоре предметное имя придает абстрактному выразительность, предлагает фундамент для порождения коннотативного значения АИ. Именно выразительность, давшей обзор базовых точек зрения на коннотацию, является продуктом коннотации единицы любого уровня языка вне зависимости от ее семиотического статуса. Однако сама коннотативная система языкового знака реагирует на изменения в общественной и культурной жизни социума, что не может не отразиться на содержании ее единиц.

Предметное имя в качестве коннотатора наделяет абстрактное чувственно воспринимаемыми признаками, повышает степень полноты коннотативных парадигм и помогает объяснить нам абстрактные понятия более выразительно и наглядно. Приведенные выше примеры из текстов СМИ показывают, что предметное имя в качестве коннотатора абстрактного субстантива чаще всего встречается в культурно-художественной и социальной сферах масс-медиа. Генитивная метафора, которая состоит из предметного имени (вспомогательного субъекта) и абстрактного имени (основного субъекта), позволяет познакомиться со свойствами субстантивов: семантические компоненты, выделенные из значений предметных и абстрактных имен, совмещаются и варьируются, наблюдается семантическая деривация, вследствие чего возникает коннотативное значение.

Основные выводы

1. Абстрактный субстантив в качестве продуктивного для образования коннотативных значений грамматического класса лексем связывается с внеязыковой действительностью без посредников и часто не имеет семантической опоры в языке, поэтому аналитические термины «вещная коннотация» (В.А. Успенский) и «проективный смысл» (Л.О. Чернейко) играют особую роль для изучения коннотативной системы АИ. Образование вещной коннотации абстрактного имени связано с проекцией стоящего за ним феномена на предметы физической действительности, что выражается в сочетаемости абстрактного имени, тогда как проективные смыслы охватывают широкий спектр проекций, включая проекции абстрактного (менее известного, понятного) на абстрактное, но более известное и понятное.

2. Через проекцию «бестелесного» абстрактного феномена на предметную «картинную плоскость» (математический термин использован Л.О. Чернейко) этот феномен и соответственно его имя (АИ) обретают наглядность, предметность, экспрессивность, оценочность и эмоциональность, причем все это выявляется исключительно на основе анализа сочетаемости АИ, особенно

сочетаемости с вторичными предикатами, в первую очередь, это глаголы физического действия, дескриптивные прилагательные, предметные имена, создающие когнитивную метафору. Именно этот тип метафоры позволяет вскрывать имплицитные проекции абстрактных имен на предметную сферу.

3. Прилагательное цветообозначения в качестве дескриптивного прилагательного отображает перцептивно воспринимаемые свойства предмета, преломленные сознанием носителя той или иной культуры. «Цветовые» субстантивно-адъективные синтагмы (как узуальные, так и окказиональные), включающие в качестве опорного компонента абстрактный субстантив, позволяют через символику цветообозначений раскрыть особенности «переживания» (осмысления и оценки) значимого для социума абстрактного феномена.

4. Абстрактное имя опредмечивается в сочетаниях с глаголами наблюдаемых действий и состояний, проецируясь на их предметные актанты, в результате такой интеллектуальной деятельности порождаются вещные коннотации. В текстах СМИ, особенно в политической, экономической и социальной сферах, часто используется нестандартное сочетание АИ с глаголами физического действия, причем сдвиг в сочетаемости свидетельствует о сдвиге в прагматической зоне содержания АИ, которое приобретает коннотативные значения (экспрессивно-эмоциональные и оценочные), свидетельствующие о гибкости речевой культуры и изменениях языкового вкуса эпохи.

5. Предметное имя в качестве коннотатора наделяет абстрактное чувственно воспринимаемыми признаками, повышает степень полноты коннотативных парадигм. В генитивной метафоре, где абстрактное имя является основным субъектом, а предметное имя – вспомогательным, компоненты содержания имен взаимодействуют в режиме приобретения АИ новых ассоциаций, закрепляющихся в виде неоконнотаций, расширяющих ассоциативную (фразеологическую) парадигму АИ.

Глава III. Аббревиация в свете теории универбации и функции аббревиатур в СМИ

1. Лингвистический статус аббревиатур

1.1. Понятие «аббревиация» в лингвистике

Термин «аббревиация» определяется некоторыми лингвистами (И.В. Арнольд, Э.А. Вартаньян, Е.А. Дюжикова, Л.М. Ильченко, И.В. Скуратов, М.А. Ярмашевич и др.) достаточно широко, а именно: как любой процесс в языковом мире, при котором «исходная единица утрачивает часть составляющих ее элементов и превращается в сокращенную единицу» [Ильченко 1994: 88]. XX век является периодом расцвета аббревиации, потому что это время бурного развития различных отраслей науки и техники, требующих появления новых терминов, слов или словосочетаний. Аббревиация становится наиболее эффективным и интенсивным способом пополнения недостающих языку номинативных средств, одной из самых продуктивных моделей образования новых научно-технических терминов. Э.А. Вартаньян считает, что создание аббревиатур – «объективная закономерность в развитии языка» [Вартаньян 1982: 22].

Аббревиация обычно понимается как продуктивный способ словообразования, специфику которого определяют составляющие части аббревиатуры, а процесс аббревиации – разностороннее и сложное явление, присущее каждому языку. Все новые слова, опираясь на уже существующий лексико-грамматический материал, создаются по определенным словообразовательным закономерностям [Борисов 1972: 153]. В языке аббревиация имеет свои закономерности, а в лингвистике понимается как самый искусственный способ словообразования, характеризующийся окказиональностью, вариативностью, интенсивностью диахронических изменений и др. Результативная единица процесса аббревиации – аббревиатура, которая грамматически рассматривается как существительное. Аббревиатура оценивается лингвистами как лексикализованное слово, которое имеет потенциальные фонетические, грамматические и словообразовательные способности [Алексеев 2010: 120].

Степень популярности аббревиации в большинстве случаев зависит от «коммуникативного взрыва» (термин И.А. Стернина), который представляет собой «резкое кратковременное повышение интереса общества к какому-либо объекту, явлению или событию» [Стернин 1972: 2]. В результате такого феномена наблюдается резкое возрастание частоты использования некоторых языковых единиц, и благодаря аббревиации получается их сокращенный вариант. Аббревиация позволяет повысить степень информативности разных видов коммуникации через сокращение и интегрирование переданной информации. В результате аббревиации внешняя форма (материальная оболочка и акустический образ) слов/словосочетаний сокращается, что помогает увеличить скорость их произношения и восприятия, поэтому аббревиация позволяет экономить не только время произнесения и воспроизводства языковых единиц, но и усилия говорящего или пишущего.

Аббревиация как одна из разновидностей компрессионной деривации имеет и глубокую историю, и достаточно широкую географию, а основной функцией аббревиатуры признается номинативная. Но знак, созданный аббревиацией, является метазнаком по отношению к производящей его базе, сокращенной «надстройкой» над устоявшимся аналитическим образованием, семантически тождественной ему. В основном процесс аббревиации затрагивает сферу номенклатурных названий, наименований организаций, предприятий и т.д.: *МГУ – Московский государственный университет, АСНОВА – Ассоциация новых архитекторов, АИСТ – агрегат искусственной сушки травы, ЗОЖ – здоровый образ жизни, ИИ – искусственный интеллект, РААС – Российская ассоциация аптечных сетей*. Однако исследователи активно ищут иные, не сугубо номинативные или «экономичные» причины объяснения аббревиации как одного из наиболее продуктивных способов словообразования в современном информационном пространстве.

М.А. Ярмашевич подчеркивает важное место аббревиации в классификационно-познавательной деятельности человека и называет ее одним из

основных средств пополнения лексикона, поскольку аббревиация «обеспечивает процесс номинации, в результате действия которого аббревиатурное слово приобретает значение и свою звуковую форму» [Ярмашевич 2002: 17]. По мнению М.А. Ярмашевич, в наше время «аббревиация становится одним из самых распространенных способов создания номинативных единиц» [Ярмашевич 2013: 3], она также является одним из способов «сокращенной, интегрированной передачи информации» [Ярмашевич 2019: 261]. Сущность аббревиации как способа словообразования заключается в том, чтобы концентрировать языковые средства прототипного выражения, обобщать восприятие содержания высказывания и способствовать возрастанию информационной результативности.

Процесс аббревиации не является самоорганизующимся и саморегулирующимся, так как на нынешнем этапе развития языка явление аббревиации уже стало распространенным, а окказиональные образования, являющиеся периферийными лексическими единицами, достаточно легко и быстро получают санкцию той функциональной сферы, в которой они возникли, и становятся воспроизводимыми единицами субъязыка. Следует признать, что сегодня аббревиация рассматривается как один из самых распространенных способов номинации, так как аббревиатуры больше всего отвечают современным прагматическим установкам массовой коммуникации.

1.2. Аббревиатура как языковой знак особого рода

В ЛЭС термин «аббревиатура» получает такое определение: «существительное, состоящее из усеченных слов, входящих в исходное словосочетание, или из усеченных компонентов исходного сложного слова» [ЛЭС 1990: 9]. Н.Ю. Шведова также определяет аббревиатуру как «существительное, которое состоит из усеченных отрезков слов» [Шведова 1980: 252]. Таким образом, усечение представляет собой главную операцию процесса аббревиации и используется в целях создания более коротких номинативных структур по сравнению с исходными.

Термины «сокращение», «редукция» и «аббревиатура» в словаре О.С.

Ахмановой рассматриваются как синонимы [Ахманова 1966: 439], хотя не все лингвисты согласны с такой точкой зрения. Например, Д.И. Алексеев понимает под «сокращением» как процесс аббревиации, так и ее результат – аббревиатуру [Алексеев 2010]. Аббревиатуры обозначают важные понятия из разных областей человеческой деятельности, используются для обозначения предметов материальной действительности и номинации сложного невидимого мира в повседневной жизни, экономике, науке и др.

И.В. Арнольд называет сокращения, состоящие из начальных букв или частей (слогов) слов/словосочетаний, акронимом (от греч. *akros* – ‘высокий’ + *опута* – ‘имя’) [Арнольд 2012: 188-189]. В «Словаре иностранных слов» термин «акроним» также объясняется как ‘сокращение, образованное из начальных букв слов/словосочетаний’ [СИС 2009: 29]. А.В. Суперанская расширила определение данного термина, отметив, что акроним включает в себя разноструктурные образования: инициальные (*ВВП*, *МВД*), сегментные (*филфак*, *минтруд*) и комбинированные (*лавсан*, *главк*) [Суперанская 2012: 222]. С точки зрения М.А. Ярмашевич, акроним как один из видов аббревиатур характеризуется подчинением прочтения нормам фонетической организации, способностями выражать грамматические значения регулярными для языка способами и постепенно становится наиболее продуктивным видом сокращений среди лексических аббревиатур [Ярмашевич 2002: 75]. В широком смысле *акроним* можно рассматривать как синоним слова *аббревиатура*. По мнению ученого, «за последние десятилетия в русском языке произошло значительное увеличение удельного веса акронимов (62%)» [Ярмашевич 2019: 263]. Акронимы часто используются для номинации специальных понятий, терминов, структур в различных областях науки и техники, например, *ТУЗ* – течеискатель ультразвуковой, *КИМ* – кодово-импульсная модуляция и др.

В современном русском языке сокращение слов и/или словосочетаний становится продуктивным способом словообразования [Арнольд 1990: 188], и появляются разные виды аббревиатур: иноязычная аббревиатура-прилагательное,

например, *VIP-гость*, *PR-компания*, *GPRS-трафик*, *VIP-вирус* и т.д.; аббревиатура-существительное, образующаяся на основе одного слова, например, *ТЭС* – теплоэлектростанция, *ГЭС* – гидроэлектростанция, *РК* – радиокompас, *ТВ* – телевидение и т.д.; аббревиатура-предложение (аббревиатура-выражение), например, *ПМСМ* – по моему скромному мнению, *ППКС* – подписываюсь под каждым словом, *КМК* – как мне кажется и др. [Шумарин 2011: 88-90]. Изучение этих видов аббревиатур (а также графическое оформление акронимов с точкой между буквами вопреки существующим правилам, например, *A. U. E.* (арестантский уклад един) представляется важным и актуальным, но подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки поставленных в нашей работе задач.

В лингвистике сокращения разделяются на два типа: графические и лексические. Графические аббревиатуры являются лишь знаками, которые представляют собой слова или группы слов с высокой частотностью появления в различных сферах быденной жизни человека, а лексические входят в сферу знаменательных слов – имени существительного [Ярмашевич 2003: 62]. Графические аббревиатуры характеризуются использованием графических символов: точка (*с.* – страница, *др.* – другие, *гр.* – группа), косая линия (*км/ч* – километров в час, *об/мин* – оборотов в минуту, *п/п* – по порядку), дефис (*изд-во* – издательство, *ф-ка* – фабрика, *з-д* – завод). Применение графических аббревиатур ограничивается письменной формой, при чтении они легко заменяются исходными словами или словосочетаниями.

По сравнению с графическими лексические аббревиатуры приобретают свои фонетические формы, лексико-грамматические значения, относятся к определенной части речи – имени существительному в подавляющем большинстве случаев, изменяются в соответствии с языковыми правилами. Аббревиатуры, представленные в толковых словарях (ЛЭС 1990, Толковый словарь Ожегова 2007, Толковый словарь Ушакова 2005), являются лексическими, т.е. производными существительными, образованными методом компрессии от производящей базы, поэтому в данной работе предметом исследования являются лексические

аббревиатуры.

Появление аббревиатуры в текстах – это главное свидетельство ее признанности в языке. Иногда в современном литературном языке аббревиатуры могут возникать непосредственно в качестве слов, как бы минуя графическую стадию [Алексеев 2010: 110-119], например, *вуз*, *ковид*, *ковидиот*, но в подавляющем большинстве случаев они не могут сразу приобретать собственное звучание в виде постоянной и закрепленной фонетической формы. Процесс лексикализации аббревиатур проявляется в том, что аббревиатура сначала приживается в языке, проходит ряд стадий в своем развитии. На первом этапе процесса лексикализации расшифровка сопровождает новую аббревиатуру, как тень. В дальнейшем тень исчезает, опека со стороны полного исходного словосочетания ослабевает или снимается, в конечном счете получается самостоятельное производное слово, выступающее как лексический дублет производящей базы.

Аббревиатуры состоят только из знаменательных слов или словосочетаний разного рода, являются эквивалентами исходных слов или словосочетаний, выражающих те же самые понятия, иногда с добавлением коннотативных смыслов. Они выполняют, главным образом, номинативную, идентифицирующую и классифицирующую функции, появление аббревиатур является свидетельством актуальности описанных предметов и феноменов в определенное время. Аббревиатуры имеют короткую форму выражения, но объемное содержание. Такая особенность определяет преимущественные сферы их употребления: деловую, научную и публицистическую [Земская 1994: 52]. Особенно часто аббревиатуры встречаются в СМИ. За последние десятилетия в языках мира аббревиатуры не потеряли своей привлекательности, более того, частота их употребления и количество новых аббревиатур непрерывно возрастают. Например, в текстах российских СМИ часто встречаются новые аббревиатуры, выполняющие сугубо номинативную функцию и нередко отражающие языковой вкус авторов: *РомКом* – романтическая комедия (Огонек, № 27, 10.07.2017), *нацбест* – национальный

бестселлер (Известия, 15.07.2017), *струкрук* – структурный руководитель (Огонек, № 6, 17.02.2013), *ЭКО* – экстракорпоральное оплодотворение (Огонек, № 37, 01.10.2018), *ковидиот* – ковидный идиот (РГ, 29.06.2020), *ДЗЯО* – Договор о запрещении ядерного оружия (Коммерсантъ, 27.10.2020), инфодемия – информация + пандемия (Коммерсантъ, 25.06.2020); карантикулы – карантин + каникулы (Коммерсантъ, 21.04.2020) и др. Очевидно, что существуют разные критерии типологии аббревиатур, обусловленные как характером производящей базы, лежащей в их основе, так и формой, в которой воплощается процесс компрессии.

Традиционная классификация аббревиатур (О.С. Ахманова, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, А.В. Суперанская, А.М. Сухотина и др.) учитывает позицию говорящего, исходную структуру слов или словосочетания, т.е. что в них было усечено и каким образом сконструированы (организованы) сокращенные слова. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой аббревиатуры разделяются на 2 типа: 1. Сложносокращенное слово. Слово, составленное из сокращенных начальных элементов (морфем) словосочетания; 2. Инициальный тип сложносокращенных слов, акроним. Слово, образованное путем сложения начальных букв или начальных звуков слов [Ахманова 1966: 25].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» представлена более подробная классификация аббревиатур: 1) аббревиатуры инициального типа, у которого есть 3 подтипа: а. буквенные аббревиатуры, образованные от начальных букв слов, которые входят в исходное словосочетание, например, *СССР* (*эс-эс-эс-эр*) – Союз Советских Социалистических Республик; б. звуковые аббревиатуры, которые состоят из начальных звуков исходного словосочетания, такие аббревиатуры читаются как обычное слово, например, *вуз* (высшее учебное заведение); в. буквенно-звуковые, представляющие собой смешанный тип вариантов а и б, например, *ЦДСА* (*цэ-дэ-са*) – Центральный дом Советской Армии, *ЕГЭ* (*йэ-гэ*) – Единый государственный экзамен; 2) слоговые аббревиатуры, образованные от начальных частей слов, входящих в исходное словосочетание,

например, *Минфин* – Министерство финансов, *профком* – профсоюзный комитет, *ГОСТ* – государственный стандарт, *полпред* – полномочный представитель; 3) аббревиатуры смешанного типа, т.е. результат смешения типов 1 и 2, например, *ВНИИТрансмаш* – Всероссийский научно-исследовательский институт транспортного машиностроения, *гороно* – городской отдел народного образования; 4) аббревиатуры, которые образуются от начальной части слова/слов и целого слова, например, *зарплата* – заработная плата, *запчасти* – запасные части, *детсад* – детский сад, *сбербанк* – сберегательный банк; 5) аббревиатуры, в которых сочетается начальная часть слова с формой косвенного падежа имени существительного, например, *завкафедрой* – заведующий кафедрой, *Минобороны* – Министерство обороны, *Минздравсоцразвития* – Министерство здравоохранения и социального развития; 6) аббревиатуры, состоящие из сочетания начальной части первого слова с началом и концом второго слова или только с концом второго, например, *эсминец* – эскадренный миноносец, *мопед* – мотоцикл-велосипед [ЛЭС 1990: 9].

Д.И. Алексеев разделил аббревиатуры на 3 типа: инициальные, слоговые и смешанные. По его мнению, инициальные аббревиатуры являются наиболее древним и стихийно возникшим типом, поскольку питательной средой для них служила сама письменность как таковая [Алексеев 2010: 105]. Что касается слоговых аббревиатур, их название является условным, так как в процессе аббревиации берется не слог в собственном смысле, а усеченная часть, кусок основы. Смешанные аббревиатуры называются «инициально-слоговыми», поскольку они представляют комбинацию двух основных аббревиатурных типов – инициального и слогового, и у них есть разные варианты сочетания, например, слог+инициалы (*главк* – главный комитет, *лавсан* – Лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук), инициалы+слог (*ГИЗ* – государственное издательство, *ситалл* – стекло и кристалл), инициалы+слог+инициалы (*ТРАМ* – Театр рабочей молодежи), слог+инициалы+слог (*педобр* – педагог дошкольного образования) [Там же:

199-205].

Обобщая все точки зрения современных исследователей аббревиатур и их предшественников, можно выделить следующие основные типы аббревиатур в зависимости от способов их создания: инициальные (*МГУ* – Московский государственный университет, *КГБ* – Комитет государственной безопасности), слоговые (*Минсельхоз* – Министерство сельского хозяйства, *кабмин* – кабинет министров) и инициально-слоговые (*ГИТИС* – Государственный институт театрального искусства). Последние два типа называют сложносокращенными словами. Также выделяются аббревиатуры-высказывания, например *КЛЁН* – Клянусь любить её навечно, *СЛОН* – Смерть легавым от ножа; аббревиатуры-предложения, например, *Небо* – Не быть одиноким [Шумарин 2011: 85-91], но они имеют специфическую функционально-стилистическую окраску, принадлежат лагерно-блатному жаргону, а в обыденном разговорном языке являются типичным образцом языковой игры. Например, надпись на сигаретной упаковке «ПАМИР. Сигареты» обыгрывается как аббревиатура не просто отдельного высказывания, а текста с сюжетом, переданного в формате телеграммы: «Пошел Абрам Моисеевич искать работу. Сарра Исаковна говорит: «Абрам, работа есть только Ивану».

По своему происхождению аббревиатуры делятся на исконные и заимствованные. Заимствованные аббревиатуры чаще всего являются англоязычными, обычно представляют собой единственный вариант обозначения описанного объекта (организаций, государственных учреждений, политических партий, технологий, общественных и политических движений и др.) и заполняют лакуны в номинативной системе языка. Заимствование аббревиатур может осуществляться двумя способами: 1. Транслитерация иностранных аббревиатур на русский язык, например, *NATO* (North Atlantic Treaty Organization) – *НАТО* (Североатлантический Альянс), *UNESCO* (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) – *ЮНЕСКО* (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры), *FIFA* (Federation of International Football

Associations) – *ФИФА* (Международная федерация футбола), COVID (COrona VIrus Disease) – *КОВИД* (Заболевание, вызванное коронавирусом); 2. Перевод иностранных аббревиатур на русский язык, например, *UN* (The United Nations) – *ООН* (Организация Объединенных Наций), *ASMR* (Autonomous Sensory Meridian Response) – *АСМР* (автономная сенсорная меридиональная реакция).

Являясь языковым знаком особого рода (знаком вторичной номинации, в основе которой лежит принцип компрессии), аббревиатура в то же время обладает такими же параметрами, как и знак первичной номинации: прежде всего, это материально-идеальный феномен, представленный в языке как единство означающего и означаемого, за которым стоит определенный феномен внеязыковой действительности. Поэтому аббревиатура обладает такими параметрами, как конвенциональность (это касается соотношения означающего – «материи» знака, его «тела» – с означаемым, его идеальной стороной, содержанием) и относительная неизменность (это касается в основном означающего). Языковой знак всегда выступает как наследие предшествующих поколений, с его помощью человек узнает о прошлом, ведет коммуникацию с современниками и передает свой опыт последующим поколениям.

Аббревиатура, подобно любому языковому знаку, обладает изменчивостью, что характеризует прежде всего его означаемое. Языковой знак живет во времени и в обществе, под их влиянием многие знаки изменяют свое содержание. Так, слово *корона* традиционно является символом власти монарха, но в период пандемии оно стало синонимом слова *коронавирус*, например, *Корона хуже засухи* (РГ, 25.05.2020). Содержание языкового знака меняется постепенно: сначала изменение возникает в речи отдельно взятого человека и фиксируется его сознанием, потом повторяется в речи других членов социума и, наконец, получая санкцию социума, становится фактом языка, т.е. воспроизводимой единицей.

Таким образом, аббревиатура – «законный» языковой знак, имеющий определенное значение, мотивированное производящей базой и функционирующее как ее подвергшийся компрессии эквивалент, часто

осложненный стилистической коннотацией. От обычных имен существительных аббревиатура отличается тем, что она не имеет самостоятельного значения (означаемого), а дублирует значение производящей основы. Именно по этой причине аббревиатуру принято считать знаком знака, или метазнаком, следствием чего является функциональное ограничение его свободы, или зоны референции, границу которой очерчивает производящая основа, как правило, это воспроизводимое словосочетание. Д.И. Алексеев отметил, что полная зависимость аббревиатуры от производящего словосочетания является одним из ее слабых мест [Алексеев 2010: 208], но, если некая аббревиатура имеет простую структуру, часто употребляется и пользуется популярностью в повседневной речи, она превращается в узуальное производное слово, в обычный языковой знак. В современной речевой практике аббревиатуры с высокой частотностью (и акронимы, и сложносокращенные слова) принято употреблять в качестве простого имени существительного без их расшифровки, например, *США*, *ФРГ*, *ЕС*, *МИД*, *кабмин*, *филфак* и др., в том числе даже такие новые аббревиатуры, как, например, *БРИКС*, *КОВИД*.

Смысловый объем и звуковая структура аббревиатуры обеспечивают ей возможность вторичного употребления. Так, например, сокращенные названия учреждений, организаций, партий могут метонимически обозначать их членов: *филфак* – ‘учащиеся филологического факультета’, *КПК* – ‘член Коммунистической партии Китая’. В аббревиатуре также может наблюдаться семантический сдвиг по сравнению со значением исходного словосочетания, например: 1) аббревиатура *всеобуч*, сохраняя в языке свое первичное значение ‘система всеобщего обязательного начального обучения взрослого населения’, совмещает его с современным значением ‘всеобщий охват обучением детей школьного возраста’; 2) *Внешторг*: первичное значение – ‘народный комиссариат внешней торговли’, современное значение – ‘Министерство внешней торговли’; 3) *ЦУМ*: первичное значение – ‘центральный универмаг в Москве’, новое значение – ‘центральный универмаг в любом городе’. Таким образом, семантический сдвиг

или семантическая деривация аббревиатуры (возможность для нее выступать в функции знака вторичной номинации) свидетельствуют о ее полноправном статусе как лексической единицы, втянутой в орбиту действия механизмов языка.

Ум человека непрерывно «стремится к замене громоздких скоплений речевых фактов более краткими лингвистическими символами» [Балли 2001: 321]. Человеческий ум, коммуникативные установки человека и коммуникативные средства являются движущими силами создания аббревиатур. С течением времени появляются новые аббревиатуры, что является результатом воздействия внешних и внутренних факторов на процесс пополнения лексикона, но при условии, что эти аббревиатуры преодолевают границы той или иной специализированной сферы коммуникации, обслуживаемой определенным функциональным стилем, и попадают в общеизвестный язык, способствуя пополнению его лексического состава.

В наше время аббревиатуры проникли почти во все области человеческой деятельности, как традиционные (политика, экономика, наука, реклама и др.), так и инновационные (биотехника, нанотехника, компьютерная техника и др.), и могут использоваться в разных функциональных стилях речи, причем их распределение по стилям речи неравномерно. Например, в деловом стиле используются нейтральные устойчивые аббревиатуры, а в публицистике – стилистически маркированные и эмоционально-экспрессивные сокращения. В разговорном стиле речи могут появляться жаргонные аббревиатуры, например, *кот* (коренной обитатель тюрьмы). Аббревиатуры с разной стилевой принадлежностью составляют значительную часть информационно-политического поля СМИ, но среди них есть и такие, которые непременно требуют расшифровки: *КоАП* (Кодекс об административных правонарушениях), *креакл* (креативный класс), *ОЭБиПК* (Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции), *ВФЛА* (Всероссийская федерация легкой атлетики) и т.д. И в научных публикациях СМИ, ориентированных на специалиста, наряду с узкоспециальными терминами-аббревиатурами типа *ЖКТ*, *СИЗ*, *ИИ*, *ИБЛ*, встречаются и понятные

всем, например, *ОРВИ* или *COVID-19*.

Аббревиатуры как производные слова особого рода имеют свои семантические особенности. Аббревиатура представляет собой сжатый вариант (или конденсацию, компрессию) исходного словосочетания. Она создана не в целях предоставления в полном объеме всей информации, которая содержится в производящем словосочетании, а с целью передачи обязательной информации в сокращенном варианте, например, *Минздрав* – Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Проведенное исследование показывает теоретическую значимость такой лингвистической позиции (Д.И. Алексеев, Е.А. Земская, А.В. Суперанская, М.А. Ярмашевич и др.), в соответствии с которой аббревиация рассматривается как особый способ образования вторичного языкового знака, отличный от того, что традиционно охватывается термином «деривация», поскольку он не служит для номинации предметов (в широком смысле слова) или идей, заполняющей возникающие лексические лакуны, а для сжатия, компрессии уже существующего в языке, воспроизводимого, но «длинного» аналитического обозначения референта, в чем проявляется присущий языку механизм «экономии» (или принцип «экономии» психо-физической энергии говорящего [Бодуэн де Куртенэ 1963: 57]). Таким образом, существенное отличие аббревиатуры как результата компрессии имеющегося в языке обозначения (его можно назвать «прототипом» в более широком, чем принято в когнитивистике, смысле, как ‘первоначальный образец, являющийся предшественником последующего’) от деривации (словообразовательной и/или внутрисловной) заключается в том, что деривация имеет номинативную цель, для достижения которой используются имеющиеся в языке знаки, тогда как аббревиация – причину: это длинная номинация референта, которую трудно использовать в коммуникации, что обуславливает необходимость ее компрессии. И, тем не менее, принятая языком аббревиатура существует как самостоятельный знак, подчиняясь лексико-семантическим законам системы.

Аббревиатуры как продуктивные единицы вторичной номинации

коммуникативно значимы в разных сферах социума, они широко употребляются в языке масс-медиа и «активно вовлекаются в ядерную систему стандартных средств публицистики» [Никишина 2011: 41]. Сегодня аббревиатуры обладают не только устойчивостью и динамичностью одновременно, но и экспрессивностью, реализация которой зависит от прагматической установки говорящего, поэтому их значения могут дополняться в соответствии с контекстом и намерениями адресанта. Исследователи аббревиатуры уделяют особое внимание ее устройству, номинативной функции, частоте употребления и отличию аббревиатур от других знаков, однако существует не так много исследований, изучающих восприятие аббревиатур и характер возникающих в процессе их функционирования коннотативных значений.

2. Аббревиатура в зеркале ее восприятия

2.1. Употребление аббревиатур в текстах современных СМИ

Язык средств массовой информации отражает и нынешнюю языковую моду, и состояние современного русского языка, в лексиконе которого широко представлена аббревиатура как языковой способ компрессии существующих номинативных средств (словосочетаний). СМИ быстро реагируют на новые события, происходящие в различных сферах жизни, отражают мнение представителей разных социальных групп, выражающих свое отношение к описываемой ситуации открыто или завуалированно. Успех современных СМИ во многом обеспечивается широтой охвата аудитории, поэтому авторы устных и письменных текстов стремятся найти нетривиальные способы передачи информации для привлечения внимания слушателей и/или читателей. Одним из таких способов являются аббревиатуры. Язык СМИ характеризуется коммуникативной значимостью, стандартизованностью и экспрессивностью [КРР 2007: 794], причем его экспрессивный характер связан с оценочностью (оценочными коннотациями). Кроме того, к языку СМИ предъявляется требование лаконичности, что приводит к широкому функционированию аббревиатур в текстах массовой коммуникации.

За последние десятилетия в языках мира отмечается значительное увеличение количества аббревиатур, и русская языковая культура не стала исключением. Обилие сокращений привело к созданию многочисленных словарей аббревиатур («Словарь сокращений современного русского языка», «Тематический словарь современного русского языка», «Словарь аббревиатур иностранного происхождения» и т.п.), необходимых для адекватного понимания текстов СМИ. Некоторые тексты включают в себя такие узкоспециальные сокращения и в таком количестве, что они становятся малопонятными рядовому читателю, например: *В МОК прокомментировали возможное решение CAS по РУСАДА* (Профиль, 10.01.2020); *На этапе создания ВРЭП является самым крупным РИО по таким показателям, как ВВП и численность населения, опережая ЕС и НАФТА* (НГ, 05.11.2019), *В МККК обеспокоены последствиями эскалации конфликта в Нагорном Карабахе* (РИА Новости, 28.09.2020). Вполне вероятно, что в данных случаях авторы ориентировались не на массового читателя, а на узкого специалиста (экономиста, финансиста, политика), однако эти статьи были опубликованы в общеизвестных периодических изданиях. Существует так называемый «аксиальный коммуникативный процесс» (т.е. коммуникация, ориентированная на определенный круг адресатов), или «аксиальная коммуникация», при котором производитель речи имеет ясное представление о своей аудитории, поэтому учитывает все ее характеристики в процессе осуществления коммуникации, используя наиболее подходящие средства речевого воздействия [КРР 2007: 25-26]. СМИ же ориентированы на широкую аудиторию, поэтому корректное введение в текст специальных аббревиатур должно сопровождаться их расшифровкой или же аббревиатура может быть указана в скобках, например: *В России считают, что выход США из Договора по открытому небу (ДОН) был бы «большой ошибкой»* (Коммерсантъ, 29.11.2019). Для малоизвестных аббревиатур этот способ введения в текст является типичным, но если аббревиатуры являются общеизвестными, то на страницах СМИ они обычно употребляются без расшифровок или пояснений, например: *Конечно,*

«Единая Россия» – это не КПСС (Коммерсантъ, 30.01.2020); Платные парковки перешли МКАД (Коммерсантъ, 18.01.2020); Сотрудники ФСБ предотвратили теракт в Тверской области (Известия, 12.05.2020).

В СМИ часто наблюдается такая ситуация, когда в заголовке статьи используется аббревиатура, а в самом тексте или подзаголовке дается ее пояснение, например: 1) Заголовок: *С ПАСЕ и сохранили.* В первом абзаце статьи дана расшифровка: *Первая в 2020 году сессия Парламентской ассамблеи Совета Европы для России оказалась удачной* (Коммерсантъ, 01.02.2020); 2) Заголовок: ***ОНК** просят вакансий.* В подзаголовке предлагается следующая расшифровка аббревиатуры: *Состав региональных общественно-наблюдательных комиссий (ОНК) может быть расширен* (Коммерсантъ, 07.02.2020); 3) Заголовок: *Разбор завалов на месте обрушения **СКК** в Петербурге завершился.* В самой статье аббревиатура расшифрована: *Работы по разбору завалов, образовавшихся в результате обрушения при демонтаже крыши спортивно-концертного комплекса (СКК – Л.Я.) «Петербургский» в Санкт-Петербурге, завершились* (ТАСС, 01.02.2020). Таким образом, выведение малоизвестных аббревиатур в заголовок статьи вызывает у читателей интерес и побуждает их ознакомиться с предложенными материалами, чтобы найти пояснение (расшифровку) аббревиатуры.

Создание и употребление аббревиатур-неологизмов характерно для языка современных СМИ. Аббревиатуры-неологизмы (или окказиональные аббревиатурные слова), созданные для выполнения определенной коммуникативной задачи, служат ярким примером творческого отношения адресанта к высказыванию. Они могут придать дополнительный колорит выражению, формируя у адресатов сообщения оценочное отношение к сказанному. При этом авторские аббревиатуры могут обладать как положительными, так и отрицательными коннотациями. Например, в газете «Коммерсантъ» в заметке под названием *«**Квартрасплата**»* (Коммерсантъ, 30.05.2019) говорится о том, что чиновник министерства транспорта получил

взятку под видом арендной платы за свою квартиру, цена которой была завышена на 8.4 млн. рублей. Данная аббревиатура-неологизм, образованная в результате соединения слов *квартиплата* и *расплата*, описывает последствия, которые влечет за собой коррупция, и обладает отрицательными коннотациями. Рассмотрим еще примеры окказиональной аббревиатуры: 1) **Мемпионат по футболу** (Коммерсантъ, 08.07.2018). *Мемпионат* – аббревиатура, образованная путем соединения слов *мем* (от англ. *meme* – ‘минимальная единица культурно значимой информации’) и *чемпионат*. Чемпионат мира по футболу 2018 года породил огромное количество мемов, кратких и популярных историй, размещенных преимущественно в социальных сетях, например, о кокошниках русских болельщиков, актерских способностях футболиста Неймара и др. Эта аббревиатура подчеркивает, что прошедший чемпионат стал не только крупным спортивным мероприятием, но и своего рода «сборником» интересной и/или смешной информации, которой люди активно обменивались. И аббревиатура *мемпионат* означает не что иное, как ‘чемпионат по мемам’, т.е. соревнование на звание лучшего в создании мемов; 2) **Оборона ДАЧстрой** (АиФ, 13.03.2013). Речь идет о коррупционном скандале с участием экс-министра обороны Анатолия Сердюкова, для обустройства. В словосочетании *оборона ДАЧстрой* имплицитно присутствует оценка поступка Сердюкова, который злоупотребил своим служебным положением в погоне за личной выгодой. Причем иронический эффект в данном случае был предусмотрен замыслом создателя аббревиатуры; 3) **Ковидиот** (Коммерсантъ, 21.04.2020). Аббревиатура *ковидиот*, образовавшаяся от слов *коронавирус* и *идиот*, обозначает нарушителя правил безопасности во время пандемии, способствующего распространению коронавируса; 4) **Карант Конституции** (Коммерсантъ, 26.03.2020). Карант – карантин + гарант. Выражении *Карант Конституции* одновременно напоминает словосочетание *гарант Конституции* и ассоциируется со словом *карантин*. В данном заголовке автор статьи подобным нетривиальным образом, прибегая к языковой игре, указывает на то, что президент РФ как гарант Конституции перенес срок голосования по поправкам к Конституции из-за

карантина во время пандемии коронавируса.

Создание окказиональных слов-аббревиатур (и/или окказионального значения уже существующих) является одним из способов целенаправленной актуализации коннотативного, как правило, оценочного смысла. Аббревиатуры-неологизмы такого рода обычно вызывают ассоциации по форме или по смыслу с уже существующим словом, а игровая сущность этих авторских аббревиатур влияет на их восприятие (отрицательное или положительное). Рассмотрим следующие примеры из СМИ:

1) Создание аббревиатуры ***сущпол*** (Огонек, № 20, 22.05.2017) обусловлено стремлением к краткости наименования, однако побочный эффект восприятия и ее оценки как нелепой (неблагозвучной) очевиден. *Сущпол* расшифровывается как *существующее положение*, но одна из частей данной аббревиатуры ассоциируется с субстантивом *пол* ('гендер') и наделяет ее тем смыслом, который не был предусмотрен автором-создателем ('существующий пол'). В связи с этим данная аббревиатура вызывает не относящиеся к делу ассоциации;

2) *Настоящий завлит – это зам. **худрука** по идеологии* (ЛГ, 25.20.2017). Аббревиатура *худрук*, возникшая путем сокращения словосочетания *художественный руководитель*, представляется неблагозвучной, так как один из ее компонентов *худ-* ассоциируется с прилагательным *худой*, которое наделяет данную аббревиатуру негативными коннотациями. В этом случае можно говорить об эстетически значимых коннотативных смыслах-эпифеноменах, которые тем не менее не помешали вхождению аббревиатуры в лексикон театра и, шире, в официально-деловую речь;

3) ***КоронОРВИрус*** (Коммерсантъ, 17.04.2020). Адресант статьи вставил аббревиатуру *ОРВИ* (*острая респираторная вирусная инфекция*) в термин «коронавирус», в результате получилось окказиональное слово *коронорвирус*, чье произношение и форма очень приближены к акустическому образу и форме слова *коронавирус*. Появление данной аббревиатуры обусловлено тем, что в условиях пандемии ОРВИ воспринимается так же серьезно, как и коронавирус, т.е. пациенты

с ОРВИ считаются потенциально заразившимися коронавирусом;

4) *Будьте Минздравы: почему ушли главы Архангельской области и Коми* (Известия, 03.04.2020). Этот контекст тоже связан с пандемией коронавируса: автор текста модифицировал привычное пожелание здоровья *Будьте здоровы*, заменив один из компонентов на окказиональное слово *Минздравы*, отсылающее к аббревиатуре *Минздрав*. В данном контексте эпидемия коронавируса мыслится как своеобразная проверка на прочность системы здравоохранения РФ в целом и Министерства здравоохранения в частности. Окказиональное выражение *Будьте Минздравы* – это одновременно и пожелание здоровья, и завуалированное предупреждение работникам Минздрава;

5) *КоАПайте глубже: новый кодекс грозит разорением малому бизнесу* (Известия, 18.03.2020). Окказионализм *КоАПайте* сочетает глагол *копать* с аббревиатурой *КоАП* (Кодекс об административных правонарушениях). В результате такой остроумной операции их значения совмещаются и получается новый смысл: изменения, внесенные в КоАП, усиливают ответственность предпринимателей малого и среднего бизнеса, ужесточают существующие меры воздействия на них, несмотря на нестабильность нынешнего рынка. Образно выражаясь, КоАП «копает» слишком глубоко, чтобы малый и средний бизнес потерял жизнеспособность;

6) *ФАИПанули немножечко: крупные проекты не получили более 200 млрд. рублей. Это худший уровень исполнения федеральной адресной инвестпрограммы за последние 16 лет* (Известия, 20.02.2020). Аббревиатура *ФАИП* расшифровывается как Федеральная адресная инвестиционная программа. Окказиональный неологизм *ФАИПануть* находится в отношениях паронимической аттракции с глаголом *хайпануть*. *Хайп* (от англ. *hype*) – ‘1) искусственная стимуляция; 2) обман, надувательство; 3) беззастенчивая реклама’ [Мюллер 2006: 370]. В 2019 году не был исполнен федеральный финансовый план, установленный Федеральной адресной инвестпрограммой, поскольку почти четверть выделенных из бюджета финансовых средств не была вложена в крупные

государственные инвестиционные проекты. Употребление окказионального слова *ФАИПануть* с внедренной в сленговый глагол с отрицательной коннотацией аббревиатурой свидетельствует об актуализации оценки малой эффективности организации под названием ФАИП, которая на самом деле не стесняется обмана, хайпа.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в целом существует два типа образования аббревиатур-неологизмов: во-первых, аббревиатура сама превращается в неологизм (*суцпол*, *худрук*, *креакл*); во-вторых, аббревиатура-неологизм получается посредством вставки аббревиатуры в уже существующие слова на основе паронимической аттракции (*коронОРВИрус*, *КоАПать*, *ФАИПануть*). Повышенная экспрессивность аббревиатур-неологизмов и сопровождающие их коннотативные (ассоциативные) смыслы согласуются с требованиями современного читателя, предъявляемыми к масс-медиа: они повышают интерес к новостям и насыщают тексты СМИ новыми смыслами.

Причины широкого распространения аббревиатур в текстах СМИ следующие: во-первых, их употребление соответствует принципу экономии в языке, а аббревиатура как результат компрессии является воплощением этого принципа; в других функциональных сферах языка (деловой, научный стили речи) аббревиация помогает сократить объем материала, который нужно вместить в рамки одной публикации. Во-вторых, стало очевидным, что аббревиатуры способны выполнять не только номинативную, но и экспрессивную функцию, которой лишена их производящая база и которая придает аббревиатуре статус самостоятельного знака с оценочной функцией (эксплицитной и имплицитной). В языке СМИ ценность аббревиатуры определяется не ее номинативностью, а ее креативными возможностями, природа и форма воплощения которых различна, но полученный экспрессивный эффект одинаковый.

2.2. Специфика функционирования аббревиатур в текстах современных СМИ⁴

⁴ При написании параграфа использовались материалы статьи автора диссертации: Чернейко Л.О., Ли Яньянъ Аббревиатура как номинативный и экспрессивный знак в текстах российских СМИ // Известия Уральского федерального университета. Серия

Используя термин «универб» в его широком понимании, позволяющем объединить результаты таких достаточно разных способов словообразования, как аббревиация, сложение, субстантивация и суффиксальная универбация, Е. В. Клобуков (со ссылкой на работы Е.А. Земской) отмечает, что «при создании универба реализуется отнюдь не номинативная функция словообразовательных механизмов языка», а действует социолингвистический фактор, рождающий компрессивные аналоги сочетаний, «высокочастотных в том или ином кругу лиц» и «общественно актуальных» для данного времени [Клобуков 2015: 69]. Социальный фактор объясняет многое в существовании аббревиатур (в причине их возникновения и в их восприятии), а также в попытках связать аббревиацию с картиной мира индивидуума и социума [Тогоева 1999; Тибилова 2008, 2011]. Так, аббревиатура *Макработа* (англ. *McJob*, *McDonald's job*) появилась в середине 80-ых годов прошлого века в США и в словаре английского языка получила такое пояснение – ‘нестимулирующая, низкооплачиваемая работа с минимумом перспектив, созданная главным образом экспансией сектора услуг’. В 2007 году компания «McDonald's» подготовила петицию с целью изменения словарного значения данной лексемы, в которой говорилось о том, что «этот термин совершенно устарел, потерял всякую связь с реальностью, что самое важное, является оскорбительным для тех талантливых, трудолюбивых людей, которые ежедневно служат обществу» (Коммерсантъ, 21.03.2007). В качестве ответного был получен следующий комментарий со стороны лексикографов: «Мы занимаемся тем, что отслеживаем изменения в языке, и это находит отражение в наших определениях в соответствии с теми данными, которые мы находим» [Там же: 12]. Таким образом, аббревиатура выполняет функцию номинации, но вместе с тем отражает изменения, происходящие в социуме.

Что касается самостоятельности аббревиатуры как особого знака, то по этому вопросу до сих пор нет единого мнения, но многие исследователи (см.: [Ярмашевич 2019], [Музычук 2016], [Никишина 2011]), наблюдая за поведением

аббревиатур в СМИ и деловой сфере, склоняются в сторону признания этого знака самостоятельным, иногда совсем вытесняющим свою производящую основу, например, *бомж*, *самбо*. Отсутствие концептуального единства в определении статуса аббревиатуры объясняется объективно присущей знаку вторичностью и, как следствие, семантическим (референциальным) тождеством полному, «первичному» обозначению. Так, например, Э. Кассирер считает, что «аббревиатура не обладает самостоятельной ценностью и не может притязать на какую бы то ни было автономию» [Кассирер 2002, Т.3.: 265], а Е.А. Земская оценивает аббревиатуры как «скучные слова» [Земская 2000: 120] по той, очевидно, причине, что они имеют лишь стилистическую коннотацию, указывающую на сферу их функционирования, но лишены оценочных коннотативных значений, способных придать слову лексическую модальность и тем самым закрепить его самостоятельность как единицы лексикона. Но именно Е.А. Земская является одним из первооткрывателей связи компрессионной функции языка с аббревиатурой как типичным проявлением этой функции в словообразовании – результатом «компрессивной деривации»: «Компрессивное словообразование объединяет те способы..., по которым образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой» [Земская 1981: 120].

С точки зрения М.А. Кронгауза, переименования (аббревиатуры в том числе) являются «затрудняющим коммуникацию» «важным бюрократическим принципом», главный смысл которого состоит в том, чтобы «делать людей беспомощными перед бюрократической машиной» [URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=21838> – дата обращения 28.05.2020]. Однако в современном языке аббревиатуры как компрессивы не только выполняют номинативную функцию и используются для экономии речевых усилий, но и обладают «повышенной экспрессивностью», реализация которой зависит от прагматической установки говорящего [Максименко 2017: 180]. При этом аббревиатура рассматривается как денотативное сообщение, задача которого

состоит в том, чтобы «натурализовать сообщение символическое, придать вид естественности семантическому механизму коннотации» [Эко 2004: 313].

Аббревиатуры согласуются с прагматическими требованиями к языку СМИ, где они носят совершенно иной характер. В текстах масс-медиа «сухие» и «скучные» аббревиатуры становятся эффективным экспрессивным средством, поскольку языковая креативность говорящего может превратить «скучные слова» в интересные, останавливающие взгляд читателя средства выражения. С другой стороны, сами аббревиатуры становятся предметом оценки – как общей, так и частной (в основном эстетической и утилитарной). Аббревиатуры, рождение которых предопределено компрессивной функцией языка, а изначальная их роль как вторичного знака приписывает аббревиатуру к множеству номинативных средств лексикона, в текстах СМИ становятся орудием социального воздействия на читателя, захватывающим его эмоциональную сферу [Чернейко 2017: 118]. Аббревиатуры-неологизмы обладают всеми достоинствами и недостатками окказиональных слов, ориентированных «на более точное, полное и образное выражение мысли адресата», при этом появление в литературной речи аббревиатур «создает ощущение новизны и экзотичности, неожиданность их употребления способствует смене пассивного восприятия активным, появлению сильных эмоциональных реакций» [Тибилова 2011: 124].

Кроме общепринятой психофизиологической причины возникновения основного массива аббревиатур, определяемой как языковая экономия, Е.Г. Водолазкин в своем лингвистическом эссе «Госкомаббревиатура» (более ранний его вариант опубликован в № 16 «Новой газеты» за 2008 г. под названием «Надо развивать аббревиатуры») выделяет такую социально значимую причину (называя ее «движущей силой» возникновения аббревиатур), как «стремление к сакрализации» культурной субсферы социума. С точки зрения исследователя, исторически (древнегреческая и древнеримская цивилизации) аббревиатуры «обслуживали область сакрального», а «святость явления предполагает его неназывание или, по крайней мере, неполное называние» [Водолазкин 2019: 243].

Термин «сакрализация» (от лат. *sacro*) имеет значение ‘священный, святой’ [Гальперин 1977: 379]. Применительно к современному периоду истории России вряд ли можно говорить о «сакрализации» сфер светской культуры в том древнем значении термина, о котором пишет Е.Г. Водолазкин, однако обнаруживается тенденция к «сакрализации» речи как способу придать ей большую значимость за счет особого корпуса лексики, в котором важнейшее место занимают сокращения. Именно этой лексикой адресант выделяет «своих», посвященных адресатов, владеющих соответствующим словарем аббревиатур.

Безусловно, во многих сферах жизни общества (особенно в финансовой, юридической, медицинской) существуют аббревиатуры, известные лишь специалистам – представителям этих сфер. Это абсолютно нормальное явление, поскольку профессиональные сообщества объединены предметом своего интереса, необходимостью категоризации очерченного им пространства, мировоззренческими установками, что находит свое выражение в профессиональных дискурсах. Проблема выявления функции сакрализации (может быть, точнее «корпоративизации») аббревиатур как способа выражения «особости» профессиональной картины мира, в основе которой лежит архаическая оппозиция «свой – чужой», требует специального социолингвистического анализа и разработки методов ее изучения. Но бесспорно и то, что данная функция аббревиатур коррелирует с механизмом их создания, названным Е.А. Земской и Е.В. Клобуковым «социальным фактором». Проведенные в этой области исследования свидетельствуют о том, что подавляющее большинство компрессивов вызвано к жизни потребностью в них определенной социальной или профессиональной группы, а также контролирующих органов, т.е. чиновничье-бюрократического аппарата.

В текстах российских СМИ часто встречаются новые сокращения, которые выполняют исключительно номинативную функцию, но никак не отражают наличие языкового вкуса у их авторов, например: *ромком* – *романтическая комедия* (Огонек, № 27, 10.07.2017), *нацбест* – *национальный бестселлер* (Известия,

15.07.2017), *наццели* (*И такие наццели президент поставил в своем майском указе*) – *национальные цели* (Огонек, № 46, 03.12.2018). Что касается такого современного сугубо номинативного сокращения, как *педобр* (*педагог дошкольного/дополнительного образования*), то в комментариях к нему отмечается, что оно стало «достойным» преемником аббревиатуры *шкраб* [Музычук 2016: 669]. В своей антиэстетике *педобру* не уступает *сисадмин* (*системный администратор*) и многие другие компрессивы, которые находятся в отношениях паронимической аттракции с уже существующими единицами лексикона, имеющими негативные коннотации (ср. *МРОТ* – *мрёт*, *ГИБДД* – *погиб*).

Известный педагог Е.А. Ямбург в статье «Что празднуем, мил человек» писал: «Не пугайтесь, это не оскорбительные клички на грани фола, а официальные аббревиатуры. МУДО – муниципальное учреждение дополнительного образования (в девичестве Дом пионеров)» [Ямбург 2010]. Е.А. Ямбург назвал данную аббревиатуру «загадочным и весьма двусмысленным сокращением», а писатель А. Иванов эту двусмысленность обыграл в названии своего романа «Блуда и МУДО». Это свидетельство данной им эстетической оценки аббревиатуры, созданной «для краткости». Становится понятной причина, по которой акроним *МУДО* превратился в *МДОУ* (*Муниципальное дошкольное образовательное учреждение*). Это означает, что работа лингвистов (сотрудников научных институтов, преподавателей средней и высшей школы – [Еськова 2000], [Сковородников 2007], [Ямбург 2010] и др.), нацеленная на устранение уродливых «экономичных» аббревиатур-неологизмов, не проходит даром. Однако борьба с такими аббревиатурами, как *РПЦ*, *ХХС* (Храм Христа Спасителя), *ВОВ* и т.д., заслуженно получившими название «лингвоцинизмы» [Сковородников 2007, 2016], к желаемым результатам пока не привела.

Как уже было отмечено, предвидение негативного восприятия аббревиатур-акронимов носителями языка («потребителями» аббревиатур) оказывает значительное влияние на их фонетический облик, что приводит к превращению звуковых аббревиатур в буквенные или в контаминированные

звуко-буквенные. Одни аббревиатуры получают высокую эстетическую оценку (*БАН, ГУМ, РАН* – «короткие и звонкие, как питерская капля» [Водолазкин 2019: 242], новая удачная аббревиатура *Дармарка*, зафиксированная в [Тху Хыонг Бетхи 2019] и обозначающая благотворительную акцию, возникла из сложения усеченных слов *дарить* и *ярмарка*). Другие же аббревиатуры расцениваются как «тяжеловесные, фонетически неподъемные, опровергающие своим существованием принцип языковой экономии», как, например, *Минздравсоцразвитие*, которое «свалилось на наши головы бесформенной ледяной глыбой» [Водолазкин 2019: 242]. У подобных аббревиатур возникают негативные коннотации, имеющие статус эпифеноменов, т. е. побочных продуктов неблагозвучия, поскольку появляются они помимо тех номинативно-компрессионных целей и задач, которые ставили перед собой создатели аббревиатур. До сих пор эстетико-фонетическая несостоятельность аббревиатур рассматривается как их главный недостаток [Никишина 2011: 39], поэтому при создании аббревиатуры следует обратить внимание и на ее краткость, и на благозвучие, которые должны быть критериями образования аббревиатур [Алиева 2004: 56]. Сегодняшний быстрый темп жизни человека обеспечивает долгую активную жизнь аббревиатур, особенно в сфере массовой коммуникации.

Традиционное представление об аббревиатуре как о метазнаке, вторичном по отношению к производящей основе и несамостоятельном, расшатывается ее экспрессивной функцией, которая оказывается для СМИ приоритетной. Но если оценочные коннотации аббревиатуры оправдываются замыслом говорящего, то стилистические коннотации номинативных аббревиатур, возникающие как побочные эффекты (эпифеномены) неблагозвучности и/или возможных нежелательных ассоциаций с уже существующими словами в силу действия в языке механизма паронимической аттракции, вызывают беспокойство не только филологов, но и людей, имеющих языковое чутье и языковой вкус и считающих, что «проникновение новых слов должно быть контролируемым» [Водолазкин 2019: 251]. Аббревиатура как знак-компрессив в эпоху информационного бума никуда не

исчезнет, но на ее создателях лежит ответственность за экологию языка и русской речи.

3. Аббревиатура как участник языковой игры и как инструмент оценки

Как уже было сказано выше, создание аббревиатур отражает «объективную закономерность в развитии языка» [Вартатьян 1982: 22], но сама аббревиатура представляет собой метазнак с номинативной функцией, который «стремится стать полноценным знаком» [Ярмашевич 2019 : 261]. Текстовое пространство современных российских СМИ предоставило аббревиатурам такую возможность: многие аббревиатуры уже превратились в совершенно самостоятельный языковой знак, превышающий коммуникативную частотность производящей базы (*вуз, худрук, кабмин*), более того, немалое их число приобрело коннотативные значения, отражающие «интересную особенность восприятия и оценки объекта» [Апресян 1995, Т.2: 247] (*МРОТ, креакл, бюрнес*). Учитывая то, что коннотация относится к прагматике знака, а в прагматическом значении любой единицы лексикона фиксируется отношение говорящего и к ситуации, и к предмету речи, путь аббревиатуры к обретению статуса самостоятельного знака (и освобождение от «вторичности») лежит через его экспрессивно-оценочную функцию.

На страницах газет и журналов аббревиатуры используются и как средство создания каламбурной экспрессии, и в качестве мощного инструмента оценки. Языковая игра (игра слов, языковая эксцентрика) представляет собой неканоническое, творческое употребление языковых единиц/категорий в целях создания остроумных высказываний и достижения комического эффекта [Сковородников 2004: 86]. В коммуникативном пространстве социума языковая игра выполняет разнообразные функции, такие, например, как дискредитация, снижение официальности, языкотворчество, развлечение, самоутверждение, маскировка [Санников 2002: 26]. В текстах СМИ языкотворческая и оценочная функции слова занимают доминирующую позицию, социальная оценочность является одной из главных особенностей языка СМИ, потому что язык масс-медиа прочно связан не только с воплощением различных мировоззрений, бытующих в

социуме на определенном этапе его развития, но и с их столкновением.

Рассмотрим следующие контексты:

1) *Представить себя на большой войне большой страны наш **креакл** не может* (ЛГ, № 8-9, 01.03.2017). *Креакл* представляет собой такую разновидность аббревиатур, как сложносокращенное слово, образованное от нейтрального словосочетания *креативный класс*. В современных толковых словарях прилагательное *креативный* определяется через синонимы *творческий*, *созидательный*, *новаторский* и относится к тому, что 'имеет возможность порождать новое, вносить изменение в окружающий мир' [Кузнецов 2008: 298]. Слова *креатив* и *творчество* могут выступать как контекстные синонимы, обозначающие созидательную деятельность, но между ними существует определенная разница: креатив направлен на получение прибыли, творчество – на достижение душевного удовлетворения [Александрова 2010: 807]. Неблагозвучная аббревиатура *креакл*, обладая очевидной иронической (пародийной) окраской, в любом контексте выражает критическое отношение говорящего к сообществу, которое в режиме констатации, т.е. нейтрально, именуется *креативным классом*, что создает эффект словесного уничижения этого сообщества. Следовательно, аббревиатура *креакл* существует самостоятельно по отношению к своей производящей базе – нейтральному аналитическому наименованию – как его стилистический синоним с пейоративной оценкой;

2) *Мир переживает нашествие **смомби**, или «мертвых ходоков», предупреждают эксперты. Все это, по сути, летопись нового явления: люди настолько увлечены гаджетами, что не замечают мира вокруг* (Огонек, № 19, 28.05.2018). Аббревиатура *смомби* представляет собой сложносокращенное слово, образованное из сочетания частей слов *смартфон* и *зомби*. Через аббревиатуру *смомби* ее автор и дает негативную оценку смартфону как зомбирующему, лишаящему человека собственной воли инструменту, и, проявляя озабоченность состоянием индивидуального (а также коллективного) сознания, призывает людей очнуться, вернуться из виртуального мира смартфонов в реальную жизнь;

3) Укрепление сословия «*бюрнеса*» как симбиоза бюрократии и бизнеса с закономерным ростом коррупционной составляющей (Огонек, № 31, 07.08.2017). В результате сокращения слов *бюрократия* и *бизнес* получилась аббревиатура *бюрнес*, которая обозначает взаимовыгодное сотрудничество между коррумпированными властями и бизнесом. При этом в представленном контексте четко прослеживаются отрицательные коннотации, которыми обладает аббревиатура: честный бизнес не может конкурировать с насквозь коррумпированным «*бюрнесом*».

Креакл, смомби, бюрнес – это разные и по аксиологической силе, и по структуре компрессивы, объединенные интенцией говорящего: формируя оценочные суждения, они определяют статус речевого акта как экспрессива. Коннотативные смыслы традиционно связываются с особенностями восприятия и оценкой слова, в содержание которого коннотация включается на правах его прагматического элемента, а восприятие знака связано с позицией слушающего, но Ю.Д. Апресян связал коннотацию и с обозначаемым объектом (референтом высказывания) [Апресян 1995, Т.2: 247], что отсылает к позиции говорящего, подбирающего форму выражения к смыслу. Коннотативное значение может актуализироваться в аббревиатуре, как и в любом другом слове, в результате обычной языковой игры, но в текстах масс-медиа языковая игра с аббревиатурами направлена не на развлечение читателя, а на достаточно жесткую оценку происходящего.

В текстах современных СМИ языковая игра – способ оформления экспрессивной функции аббревиатур, направленной на то, чтобы выразить субъективное отношение (аксиологическое, эмоциональное) к описанному феномену, воздействовать на восприятие и мнение адресатов и даже манипулировать мнением читателей. Важно подчеркнуть, что в текстах СМИ языковая игра с аббревиатурами направлена на оценивание происходящего и разоблачение «скрытой истины», стоящей за словами. В текстах масс-медиа экспрессивная и игровая функции аббревиатур обычно сосуществуют, с одной

стороны, для удовлетворения читательского интереса и привлечения новых читателей, с другой стороны, для воздействия на них.

Каламбур является разновидностью языковой игры, особой формой лингвокреативной деятельности. Каламбур как «фигура речи, состоящая в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов» [Ахманова 1966: 182] является, по мнению З. Фрейда, «самой многочисленной» и «самой дешевой» группой острот [Фрейд 2001: 97]. Но у В.З. Санникова иное мнение по этому поводу, потому что он видит в каламбуре «большое искусство» и считает его вечным, «как вечен питающий его язык» [Санников 2005: 12-14]. Каламбур действительно «питается» языком, а один из его самых мощных ресурсов – паронимическая аттракция как особая разновидность лексической ассимиляции [Чернейко 2016].

В обыденной речи «паронимическая аттракция является и причиной такого неконтролируемого состояния слушающего, как его ослышка, и целью спонтанных, но контролируемых действий говорящего – языковой игры» [Чернейко 2012: 19], например, *Таня, уччасть решила вашу участь* (пример из смс-переписки Л.О. Чернейко). В данном смс-сообщении окказиональная аббревиатура *уччасть* как компрессированная форма словосочетания *учебная часть* используется не столько для краткости, сколько в игровых целях (что Л.О. Чернейко подтвердила в своем устном комментарии). Рассматриваемая аббревиатура является паронимом слова *участь*, которое по данным словарей и НКРЯ имеет непростую семантическую структуру, проявляющуюся в его сочетаемости со словами с включенной (инкорпорированной) в их семантику отрицательной оценкой – это прилагательные (*печальная, страшная, ужасная, плохая участь*) и глаголы (*смириться с участью, смягчить, облегчить участь*) дайте здесь ссылку на словарь сочетаемости и НКРЯ. Можно сказать, что в русском языке имя *участь* имеет скорее отрицательную оценочную коннотацию, чем положительную, что подтверждается сочетаемостью данного имени в поэтических текстах, например: *Что мне сказать? Что Брюсова горька Широко разбежавшаяся участь?*

[Пастернак 2013: 152]. Поэтому смысл СМС-высказывания с аббревиатурой расшифровывается так: ‘Учебная часть поможет Тане выбраться из сложившейся неприятной ситуации’. Следует отметить, что в таком игровом контексте учебная часть факультета как исполнительная административная единица наделяется судьбоносной функцией.

Рассмотрим следующие контексты: 1) *Киев не **ПРО**тив американских радаров* (КП, 03.03.2007); 2) ***ПРО**ходная тема* (Александр Гольц — о том, почему борьба с американской ПРО стала столь важным фактором в отечественной внешней политике) (Огонек, № 12, 01.04.2013); 3) *Не **НАТО** вмешиваться. Турция пока не решила, как отреагировать на сбитый Сирией самолет* (РГ, 26.06.2012). В контекстах (1) и (2) аббревиатура ПРО (противоракетная оборона) графически вписана в предлог *против* и прилагательное *проходной*, что нарушает линейность знака, но придает ему смысловой объем, прямо противоположный отрицанию (‘Киев за ПРО’, ‘РФ за ПРО’). В примере (3) смысловой объем удваивается за счет возможной омофонии аббревиатуры НАТО и предикатива *надо* в редуцированной разговорной речи. В обоих случаях актуализированы отрицательные коннотации, намекающие на вмешательство США и НАТО во внешнюю политику государств. Таким образом, включение аббревиатуры в состав слова на основе сходства в произношении (и/или написании), т.е. фонетическое уподобление, создает ситуацию либо наложения смысла аббревиатуры на смысл слова-контейнера (*ПРО*тив, *ПРО*ходный), либо каламбурного совмещения смыслов в одном означающем (при омофонии или паронимической аттракции).

В сфере массовой коммуникации языковая игра становится результатом творческого самовыражения писателей в процессе обработки информации. Языковая игра с аббревиатурой, в том числе включение аббревиатуры в какую-либо другую лексическую единицу, создает зашифрованный код, своего рода загадку. Процесс расшифровки, в свою очередь, может превратить простое чтение в творческую работу адресата. С.И. Сметанина считает, что «такая игра увеличивает объем текста в содержательном, оценочном и эмоциональном

отношениях» (цит. по [Чернейко 2002: 186]).

Рассмотрим следующие примеры из СМИ:

1) В статье из Российской Газеты под названием «**ПАСЕ**ешь смех...» (РГ, 29.01.2015) говорится о лишении российской делегации права голоса в Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ). Аббревиатура *ПАСЕ* по произношению похожа на первые два слога глагола *посеять*, поэтому автор статьи прибегает к каламбуру *ПАСЕешь смех* и тем самым подчеркивает неразумность решения ПАСЕ;

2) *ПоСКАкали*: как петербургский хоккейный клуб обновляет состав. Руководство армейцев продлило контракт с лидером и подписывает талантливую молодежь (Известия, 16.05.2020). Автор данного текста специально вставил аббревиатуру *СКА* (Спортивный клуб армии) в глагол *поскакать*, в результате такой остроумной операции простой глагол *поСКАкать* получает двойное значение – *СКА* (петербургский хоккейный клуб) начал стремительно, будто бы скачками, обновлять состав клуба;

3) *Платежные ИННовации*: уже в 2020-м бизнес сможет делать переводы в СБП (Известия, 26.02.2020). Автор данной статьи вставил аббревиатуру *ИНН* (идентификационный номер налогоплательщика) в слово *инновация*, потенциально выражая свое восхищение платежной системой и новым способом получения ИНН.

Как пишет Н.С. Валгина, аббревиатурные слова «удобны, вызывают привычные ассоциации, благозвучны, запоминаемы. Это своеобразные, придуманные специально омонимы» [Валгина 2001: 115]. Эффект, полученный в результате языковой игры, усиливается ассоциативным сближением аббревиатуры и простого субстантива, которые накладываются друг на друга и тем самым порождают новые значения.

На базе номинативной функции аббревиатуры часто возникает такой эпифеномен, как семантическая ассимиляция (аттракция по линии означаемого) с уже имеющимися единицами языка. Аббревиатуры создаются прежде всего для

краткости, но при этом могут неожиданным образом совпасть графически и/или фонетически с уже существующим словом. В результате благодаря ассоциациям читающего/слушающего создается своего рода каламбур. Нейтральная аббревиатура, выполняющая номинативную функцию, превращается в экспрессивный знак, обладающий коннотациями. Так, в основе языковой игры с аббревиатурами лежит механизм паронимической аттракции, создающий в письменных публицистических текстах «ложные этимологии» [Чернейко 2017: 119] и сближающий аббревиатуру с тем или иным оценочным словом, что разрушает ее линейность, но придает ей объем аксиологического суждения.

В результате взаимодействия значений употребляемых асимметричных языковых знаков происходит лексико-семантическое наложение. Наложение случается, как отмечает Л.О. Чернейко [Чернейко 2012], в сравнительных оборотах, в зевгме – фигуре «наложения», когда при одном многозначном глаголе употреблены разные имена, заполняющие одну валентность, названные исследователем «синтагматическими ассоциатами»: *Благодаря ему он потерял свою новую форменную фуражку и веру в человечество* (А. Чехов. Начальник станции). В языковой игре взаимодействие означаемых асимметричного знака помогает производителю речи достичь коммуникативной цели. В некоторых случаях аббревиатура полностью совпадает по написанию и произношению с уже существующим словом, т.е. каламбур возникает на базе омонимии (омофонии как частного случая широко понимаемой омонимии), например: *МИФ* – Московский инвестиционный фонд, *ПОП* – Предприятие общественного питания, *КомпАс* – Комплекс автоматизированных систем, *ТОК* – Территориальные образовательные комплексы, *МиГ* – Микоян и Гуревич и т.п. Такая аббревиатура изначально обладает двумя не связанными между собой значениями и в определенном контексте приобретает те или иные коннотации, например:

1) *КТО* в лесу не хозяин. Парламент Кабардино-Балкарии внес в понедельник в Госдуму поправки к УК, ужесточающие ответственность родственников

боевиков (Коммерсантъ, 14.04.2011). Из этого контекста мы узнаем, что Кабардино-Балкарская республика приняла особые меры по борьбе с терроризмом. Аббревиатура *КТО* (контртеррористическая операция) полностью совпадает с начальной формой местоимения *кто*, к тому же автор включил аббревиатуру в прецедентный текст – название веселого мультфильма «Кто в лесу хозяин», добавив при этом отрицательную частицу *не*, указывающую на предполагаемые результаты КТО в регионе. Получившееся выражение дает читателю понять, что антитеррористическая операция в Кабардино-Балкарской республике (КТО), по мнению автора, не увенчается успехом;

2) *На операторов связи спускают ПСА* (Коммерсантъ, 29.01.2020). Выражение *спускать ПСА* вызывает ассоциацию с просторечным фразеологизмом *собак спустить* ('несправедливо, незаслуженно, огульно ругать кого-либо' [Фразеологический словарь русского литературного языка 2008]). На самом же деле в данной заметке речь идет о том, что депутаты доработали законопроект о единой системе проверки сведений об абонентах (ПСА). Адресант выразил основное содержание своего текста образно и экспрессивно, посредством креативного употребления аббревиатуры ПСА;

3) *Но давайте будем честными: «ЕдРо» – партия крупного капитала* (ЛГ. 29.07.2020). В контексте речь идет о партии «Единая Россия», чья аббревиатура *ЕдРо*, сходная по произношению со словом *ядро*, подчеркивает центральное (ср. оппозиция «ядро – периферия») положение данной партии в общественно-политической жизни страны и ее сильное влияние на народные массы.

Аббревиатура – это результат остроумного мыслительного действия человека. Она рассматривается как сжатый вариант сложной речевой конструкции, созданный для экономии речевых усилий и употребляющийся чаще всего в письменных текстах, поскольку в устной речи в подавляющем большинстве случаев предпочитают использовать первоначальную конструкцию. Хорошие аббревиатуры обладают своеобразным «двойным дном», например, название

торговой точки по продаже цветов «Цветочка», наименование липкого бинта «Бинтли», название издательства «СТиХИ» («Сибирский тракт и хорошие индивидуальности»).

З. Фрейд отметил, что «суждение является силой, проясняющей мысли» [Фрейд 2001: 16]. Довольно часто аббревиация сопровождается остроумным суждением, что создает комический контраст. Остроумие – это «изобретательность в нахождении удачных смешных или язвительных и метких выражений» [БАС 1959, Т.8: 1203]. При этом З. Фрейд указывает на непростые отношения между комизмом и остроумием: «Комизм получается в результате исчезновения смущения, в результате понимания слов» [Фрейд 2001: 19], а успешное понимание остроумных фраз доставляет адресату удовольствие, поскольку само «остроумие является деятельностью, направленной на получение удовольствия от душевных процессов – интеллектуальных или других» [Там же: 102]. Остроумная аббревиатура создает комический эффект, способна привлечь внимание читателя и используется как оценочное высказывание, которое стремится повлиять на ход практической жизни.

Аббревиация представляет собой один из технических приемов воплощения остроумия в текстах масс-медиа. Использование остроумных аббревиатур помогает говорящему (пишущему) выразить мысли нетривиальным образом и пользуется популярностью в разных языках: 1) *Как приписать US к ДРСМД и зачем Америке этот, как его там – ДРСМД. ... Да и аббревиатура какая-то неинтересная, потому что двух заветных букв в ней нет – US* (РИА Новости, 02.02.2019). Первая из двух использованных аббревиатур US является сокращением от *United States* (США), вторая аббревиатура US – это местоимение *us* (нас). Таким оригинальным образом выражается беспокойство автора статьи по поводу выхода Америки из договора о ликвидации ракет средней и малой дальности; 2) в Китае для обозначения молодых преподавателей используется аббревиатура 青教 (Цин Цзяо), сокращение от 青年教师 (Цин Ниань Цзяо Ши). Оригинальность данной аббревиатуры проявляется в том, что она по

произношению совпадает с названием овоща 青椒 (зеленый перец), поэтому аббревиатура 青教 (Цин Цзяо) именуется неопытного преподавателя, что создает юмористический эффект.

Коннотативные значения аббревиатур иногда зависят не от их материальных языковых оболочек, а от способа их употребления и контекста, которые наделяют означаемое коннотативными смыслами. И.В. Арнольд считает, что «экспрессивность сокращенных слов тоже в какой-то мере опирается на сознательное изменение привычной формы» [Арнольд 1990: 121]. В СМИ авторы статей часто меняют части устойчивых выражений на аббревиатуры, благодаря чему высказывание приобретает дополнительные смысловые оттенки. Например,

1) *МРОТ в мешке* (Коммерсантъ, 27.06.2011). Известное устойчивое выражение *кот в мешке* преобразовано автором заметки в *МРОТ в мешке*. *МРОТ* занимает место кота, но присущая старому выражению коннотация не теряется. Новое выражение указывает на тот факт, что *МРОТ* не вызывает доверия граждан, что в свою очередь породило игровой аналог с резко отрицательной оценочной коннотацией *УМРОТ*. В целом аббревиатура *МРОТ* перестает быть простым номинативным знаком и приобретает отрицательные коннотации: *Засорили язык бранными словами: «МРОТ», «уровень бедности», «прожиточный минимум»* (Завтра, № 5, 05.02.2020). Таким образом, в современном русском языке аббревиатура *МРОТ* воспринимается так, как она и должна восприниматься с учетом денежного обеспечения, стоящего за этой аббревиатурой;

2) *Малышей пугают Бабой-ЕГЭ* (МК, 15.08.2015). В данном контексте прецедентное имя собственное *Баба-Яга*, обладающее отрицательной оценочной коннотацией, включено в языковую игру с аббревиатурой *ЕГЭ* на базе паронимической аттракции (*Яга – ЕГЭ*) с явным аксиологическим прицелом — усилить негативное отношение к Единому государственному экзамену, который расценивается подавляющим большинством граждан как отрицательный результат реформирования системы образования, представляющий собой угрозу образовательному уровню выпускников российских школ;

3) *ГРЕКО-русская борьба. Политические партии в РФ возьмут под более жесткий финансовый контроль* (Новые известия, 16.06.2014). ГРЕКО – группа государств по борьбе с коррупцией, в которую с 2007 года входит РФ. Выражение *ГРЕКО-русская борьба* происходит от устойчивого словосочетания *греко-римская борьба* и обозначает борьбу российского государства с коррупцией;

4) *Хождение по МАКам: «Ростех» хочет наладить экспорт авиатехники с помощью Межгосударственного авиакомитета* (Коммерсантъ, 27.11.2019). Словосочетание *хождение по МАКам* напоминает о названии известной трилогии романов А.К. Толстого «Хождение по мукам», что потенциально указывает на трудность получения сертификата на экспорт российской авиатехники от Межгосударственного авиационного комитета (МАК).

Шутливое (остроумное) искажение устойчивых выражений становится понятным благодаря присущему им значению. В массовой коммуникации дело часто сводится к культурным, социальным, политическим, экономическим нюансам, затрудняющим объективную оценку ситуации. Адресанту приходится оценивать не то, что написано буквально, а то, какие умозаключения может сделать тот или иной адресат.

Кроме языковой игры, в которой аббревиатура нацелена на оценку внеязыкового факта, в текстах масс-медиа встречается шутливо-ироническая расшифровка самой аббревиатуры, получившая названия «дезаббревиация», или «бэкроним», например, обычная аббревиатура *BVЗ* может шутливо расшифровываться как *выйти удачно замуж*, *SOS – Save Our Souls* и т.д.. Бэкроним (от англ. *backronym*) – это разновидность акронима, который является набором слов или фразой, используемой для создания акронима из известного слова-неакронима, нескольких слов-неакронимов или акронима, имеющего совершенно другое значение [URL: <https://поискслов.рф/wd/бэкроним> – дата обращения 28.09.2019]. Бэкроним является неожиданной (игровой) расшифровкой аббревиатуры, так называемой дезаббревиацией. Он придаст известной аббревиатуре нетривиальный смысл и дополнительное оценочное значение,

например: *НТВ* (Независимое телевидение) – *Не трогаем власть*; *ГИБДД* (Государственная инспекция безопасности дорожного движения) – *Гони инспектору бабки и дуй дальше* (Четверг, 24.05.2010); *ЕГЭ* (Единый государственный экзамен) – *Единая государственная экзекуция* (FLB, 13.06.2013); *МВД* (Министерство внутренних дел) – *Министерство вышибания денег* или *Министерство внутренних долгов* (The Moscow Post, 30.11.2017); *ЖКХ* (Жилищно-коммунальное хозяйство) – *Живи как хочешь* (АИФ, 11.09.2015) и др. Обычные слова также могут быть представлены как аббревиатуры: *небо* – не быть одиноким, *СЛОН* – смерть легавым от ножа, что вполне правомерно рассматривать как разновидность бэкронима.

Игровая расшифровка (бэкроним) сокращенных слов на страницах СМИ рассматривается как «яркий способ выражения экспрессивных возможностей аббревиатур» [Стахеева 2009: 74]. По мнению Е.А. Земской, деаббревиация приобретает форму насмешки, что согласуется с общей тенденцией игровых трансформаций в языке газеты [Земская 2004: 561], ложные расшифровки аббревиатур обычно создают комический эффект. Такой прием декодирования общепринятых аббревиатур обычно добавляет сниженные коннотации исходным словосочетаниям, что соответствует авторской задумке. Этот способ языковой игры помогает скрыть запретные или абсурдные мысли, сгладить невежливость выражения.

В современных СМИ обнаруживается и такой вид игры (но с аксиологической интенцией), как создание окказиональной аббревиатуры, в которую вписана пейоративная оценка, например: 1) аббревиатура **БПАН** (Огонек, № 48, 04.12.2017) образуется от выражения *без посадки авто нет* и обозначает людей, занижающих клиренс отечественного автомобиля, чтобы он выглядел как импортный; 2) *ППД для ГИБДД – это перечень СЧСОДун* (сравнительно честных способов отъема денег у населения) (ЛГ, 23.01.2019). Здесь с помощью окказиональной аббревиатуры скрыто выражается недовольство автора работой Государственной инспекции безопасности дорожного движения. Окказиональные

аббревиатуры *БПАН* и *СЧСОДyH* в словарях аббревиатур не зафиксированы, однако обладают ярко выраженными коннотациями и передают мысли говорящего точно, полно и образно.

Аббревиатура как одно из проявлений остроумной интеллектуальной деятельности не только называет объект кратко, но и выявляет скрытые возможности его интерпретации в соответствии как с запросами социума, так и с замыслом автора. Таким образом, аббревиатура, чьей первичной функцией является сугубо номинативная, может стать и становится в текстах российских СМИ активно используемым оценочным средством. Аббревиатуры могут быть источником возникновения новых лексем, причиной порождения новых значений, не включенных в словарные дефиниции. Эти факторы определяют актуальность изучения аббревиатур в современном русском языке.

Основные выводы

1. Аббревиация рассматривается в работе как особый способ образования вторичного языкового знака, отличный от того, что традиционно охватывается термином «деривация», поскольку аббревиация не служит целям номинации необходимых социуму предметов или идей, заполняющей лексические лакуны, а является средством сжатия, компрессии уже существующего в языке воспроизводимого, но «длинного» аналитического обозначения референта, в чем проявляется присущий языку механизм «экономии» (И.А. Бодуэн де Куртенэ). Таким образом, существенное отличие аббревиатуры как результата компрессии имеющегося в языке обозначения от деривации (словообразовательной и/или внутрисловной) заключается в том, что деривация имеет цель номинативную, тогда как аббревиация – причину: это длинная номинация референта, которую трудно использовать в коммуникации, что обуславливает необходимость ее компрессии.

2. Традиционное представление об аббревиатуре как о метазнаке, вторичном по отношению к производящей основе и несамостоятельном, расшатывается наличием у нее экспрессивной функции, которая оказывается для СМИ приоритетной. В текстах современных масс-медиа аббревиатура перестает быть

скучным номинативным метазнаком или знаком-компрессивом и наделяется экспрессивно-эмоциональными и оценочными компонентами. В эпоху информационного бума аббревиатура часто встречается в разных областях массовой коммуникации (экономической, политической, научной, социальной сферах и т.д.), используется для создания коннотативных значений.

3. Создание аббревиатур-неологизмов является характерной чертой языка современных масс-медиа и часто сопровождается приращением смысла. Аббревиатура обладает способностью к «смыслоперепроизводству» за счет языковой игры. В основе языковой игры с аббревиатурами лежит механизм паронимической аттракции, создающий в письменных публицистических текстах «ложные этимологии» и сближающий аббревиатуру с тем или иным оценочным словом, что разрушает ее линейность, но придает ей объем аксиологического суждения. На страницах СМИ также наблюдается такое явление, как дезаббревиация (игровая расшифровка аббревиатур), представляющее собой эффективный способ выражения экспрессивных возможностей аббревиатур.

4. В текстах СМИ аббревиатуры могут приобрести экспрессивно-эмоциональные, оценочные и стилистические коннотации. Последние иногда возникают как побочные эффекты (эпифеномены) неблагозвучности и/или нежелательных ассоциаций с уже существующими словами, вызывают беспокойство не только филологов, но и людей, имеющих языковое чутье и языковой вкус и считающих, что надо контролировать создание аббревиатур. Поэтому на создателях аббревиатур лежит ответственность за экологию литературного языка и русской речи.

Глава IV. Прецедентные имена и их функции в СМИ

1. Лингвистический статус прецедентных имен собственных

1.1. Специфика собственных имен

Ономастика как наука, возникшая «на стыке» других наук, тесно связана со всеми сферами общества, поскольку имя собственное используется в разных областях человеческой деятельности. Б. Рассел писал: «Собственные имена в их обычном понимании являются отблеском субстанций» [Рассел 2000: 77], «наименование имеет обратное действие» [Там же: 80]. ИС представляет собой тот способ, который отождествление «места без упоминания его координат» [Там же: 81]. Б. Рассел также счел справедливой мысль Г. Лейбница о том, что только наше незнание делает имена для комплекса сосуществования необходимыми. Комплекс сосуществования понимается как «группа переживаний, сосуществующих друг с другом» [Там же: 257]. Например, если человек видит что-либо и в тот же самый момент что-то слышит, то его зрительные и слуховые впечатления находятся в отношении сосуществования. Если в тот же момент он вспоминает что-либо, случившееся ранее, то упомянутые выше впечатления и воспоминание сосуществуют друг с другом и образуют комплекс, состоящий «из ингредиентов, большинство из которых в нормальном ходе событий может быть членом многих других комплексов» [Там же]. В теоретическом плане каждый комплекс сосуществования можно определить через перечисление составляющих его компонентов (качеств), но человек обладает способностью воспринимать комплекс целиком, не акцентируя внимание на всех составляющих его компонентах или качествах, и тогда определенная составляющая часть становится «представителем» всего комплекса сосуществования. Именно поэтому, по мнению Б. Рассела, имя собственное необходимо для индивидуализации.

А.В. Суперанская указала на то, что лингвистический компонент занимает доминирующее место в ономастике. Причина этого заключается в том, что «информация о каждом имени добывается с помощью лингвистических средств» [Суперанская 2007: 7]. Имя собственное (далее ИС) – это символ,

использующийся непосредственно для идентификации отдельного индивида, что и является его единственным значением [Там же: 78]. ИС представляет собой наиболее удобный и эффективный инструмент для выполнения антропоцентрической дистинктивной функции индивидуального объекта природы и социума. О.И. Фонякова дала следующее определение ИС: «Это универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков» [Фонякова 1990: 21], цель их создания состоит в том, чтобы выделить и идентифицировать одушевленные и неодушевленные единичные объекты. По мнению М.М. Бахтина, ИС, ставшее символом, раскрывает отношение единичного или индивидуального к общему [Бахтин 1975: 141]. Разделяя мнение М.М. Бахтина, А.В. Суперанская отметила, что ИС в качестве символа выполняет идентифицирующую функцию [Суперанская 2007: 78]. Кроме того, оно, особенно в художественных текстах, выполняет функцию создания иллюзии реальности (т.е. иллюзионирующая функция, которая наиболее ярко проявляется у исторических имен), функцию характеристики, функции выделения и группировки персонажей, функцию повествования, эстетическую, мифологическую функции [Васильева 2009: 132-147]. Помимо этого, ИС выполняет экспрессивную функцию в определенных условиях (контекстах), в нем есть все прагматические компоненты [Вежбицкая 1982: 243].

В рамках ономастики спор об отсутствии или наличии значений у имен собственных никогда не потеряет своей актуальности. А. Гардинер, К. Доннелан, С. Крипке, Дж. Ст. Милл и другие лингвисты придерживаются того мнения, что ИС не имеет смысла как такового, потому что оно не может быть связано с выражением стереотипных (постоянных) сигнификатов или понятий. Н.В. Васильева, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А. Нурен, Б. Рассел, М.Э. Рут, А.В. Суперанская, А.Д. Шмелев и многие другие лингвисты считают, что имя собственное приобретает значение в определенных условиях. По мнению А.Д. Шмелева, ИС обладает речевым смыслом, который «вычисляется с помощью двух факторов: контекста вместе с ситуацией и мысленного досье» носителя ИС,

которым, по мнению говорящего, располагает адресат речи [Шмелев 2002: 46]. А.Д. Шмелев также отмечает, что различаются стандартное и нестандартное употребление имен собственных [Там же: 258]. Под нестандартным употреблением имеют в виду возникновение переносного значения ИС. В.А. Никонов тоже согласен с мнением, что ИС после приобретения вторичного значения (коннотации) начинает новую жизнь с иной судьбой, которая отличается от судьбы того же самого звукового комплекса с прежним значением [Никонов 1970: 38]. Коннотация – это приращение смысла, вторичная семантизация, коннотативное значение появляется на основе денотативного. Поэтому, если у имен собственных нет прямых значений, то отсутствует возможность порождения переносного значения (коннотации, нестандартного употребления ИС, вторичного значения). Тем не менее, наблюдается тенденция превращения ИС в апеллятив, что доказывает существование значений ИС. Следует отметить, что в данной работе термин «апеллятив» рассматривается как синоним нарицательного имени, «то же, что существительное нарицательное» [ЛЭС 1966: 48], а не как обращение (ср. «апеллятив – ИС или ИН в функции обращения к собеседнику» [Бурцева 2009: 60]).

С точки зрения некоторых лингвистов, именам собственным присущи такие свойства, как «повышенная знаковость, денотативность, отсутствие логического смысла, способность наполниться любым заданным содержанием» [Аникина 2000: 20]. По сравнению с апеллятивами ИС характеризуется высокой устойчивостью при лингвистических преобразованиях текста (например, перевод) и при экстралингвистических преобразованиях денотата (например, название судна сохраняется после его ремонта, имя человека не зависит от его возраста, впрочем, не всегда, если учесть обряды инициации и т.д.) [Старостин 1978: 38].

Значение ИС отличается от семантики апеллятива тем, что апеллятив может не только называть предмет/предметы, но и указывать на понятие, существующее в сознании познающего человека, ИС же обычно называет один предмет или лицо. Апеллятив в первую очередь называет класс, качество какого-либо предмета,

потом указывает на индивида, принадлежащего к названному классу, а имя собственное прямо называет индивида, его значение более конкретно по сравнению со значением апеллятива. По мнению А.В. Суперанской, «почти все собственные имена происходят в конечном результате от нарицательных, семантика их вторична и более сложна ... имена собственные могут быть рассмотрены в одном плане с нарицательными в их градации от более общего к более частному» [Суперанская 2007: 90-93]. Таким образом, под апеллятивом подразумевается нечто постоянное, обобщенное в структуре объектов действительности; когда речь идет об ИС, то имеется в виду что-то единичное, конкретное и уникальное, подразумевается отдельно взятый предмет в совокупности его отличительных признаков, т.е. ИС находится в более тесной и непосредственной связи с обозначаемым объектом. Поэтому А.В. Суперанская считает, что сфера значения имени собственного шире сферы значения имени нарицательного (далее ИН).

Семантика ИС обладает сложной структурой, которая состоит из лингвистических факторов (особенности функционирования в речевой действительности, стилистическая окраска и др.) и экстралингвистических (общественное состояние, индивидуальное состояние адресанта/адресата, степень известности ИС и др.). По мнению А.В. Суперанской, разница между ИС и ИН заключается в их первичности/вторичности: ИС – вторичные знаки, т.е. знаки второй степени [Там же: 71]. Поскольку почти каждое ИС образуется от апеллятива, его семантика вторична и более сложна, оно представляет собой вторичный языковой знак. Отличие имен собственных от существительных нарицательных «носит интеллектуальный характер» [Там же], такой характер ИС позволяет установить какую-то связь с логико-предметными рядами, без которых оно не может функционировать в языковой системе. С точки зрения А.В. Суперанской, если мы не принимаем во внимание этимологический смысл имени собственного, то в нем нет ничего от апеллятива.

Имя собственное – категория лексическая, а не грамматическая [Там же: 105], потому что существует ограниченное количество грамматических критериев, способных выделить ИС из категории имени. А.А. Белецкий писал, что различие между именами собственными и нарицательными состоит не в их морфологии и не в семантике, а в их употреблении, использовании, в функциях обоих лексических классов [Белецкий 1972: 167]. Употребление имени собственного тесно связано в сознании говорящего или слушающего с названным им человеком, на ранних стадиях изучения ИС даже отождествляли человека и его собственное имя. В языковой системе ИС выступает как номинативный знак и в то же время имеет возможность реализации скрытых коннотативных значений, которые порождаются в определенных контекстных условиях.

Как указано выше, существуют и грамматические отличия имени собственного от имени нарицательного: ИС свойственна только форма единственного числа, хотя множественное число в антропонимии также может существовать, просто тогда такое имя приобретает особое значение и обычно употребляется для обозначения членов семьи (*братья Кармазовы, сестры Федоровы*) и при превращении антропонима в апеллятив [Морозова 1970: 64]. Несмотря на их различие, ИС и ИН взаимодействуют друг с другом, нередко наблюдается переход ИС в апеллятив. Рассмотрим следующий пример: антропоним *Талейран* (известный французский дипломат, политический деятель) становится именем нарицательным и обозначает беспринципного, ловкого и хитрого человека. Отсюда возникает термин «талейрановская функция языка» – умение скрывать свои мысли, стоящие за словами. Подобное взаимодействие между ИС и ИН, в свою очередь, обусловлено взаимодействием внутрilingвистических и экстралингвистических факторов. ИС обладают способностью приобретать и сохранять обобщенный смысл, связанный с описанным объектом, но не все они могут превращаться в ИН.

Превращение имени собственного в имя нарицательное обычно происходит в следующих случаях: 1) носитель данного имени пользуется популярностью,

известностью в определенной части социума, при этом он обладает некой общеизвестной характеристикой, например, Обломов – лень, Плюшкин – скупость, Эйнштейн – ум. Характеристика носителя имени постоянно вызывает у человека соответствующие ассоциации, устойчивость которых позволяет использовать его имя для обозначения людей, имеющих сходные с ним черты. Такими именами обычно становятся имена героев художественных произведений, исторических деятелей и т.д. Если их типические черты свойственны некой группе людей, то данные имена употребляются как экспрессивные названия таких людей. Некоторые из этих часто употребляемых имен в конце концов перешли в разряд ИН, например: *меценат* (от имени Мецената Гая Цильния, римского государственного деятеля, покровителя искусства) – в наше время это имя обозначает человека, способствующего развитию науки и искусства личными средствами и безвозмездно; *ментор* (от имени Ментора, персонажа древнегреческой мифологии, воспитателя Телемаха) – воспитатель, руководитель; 2) исходный носитель имени является известным ученым-первооткрывателем. Именно так, по имени своих создателей, получили название различные единицы измерения: *ом, рентген, ампер, вольт*.

Таким образом, те имена собственные, носители которых пользуются известностью и авторитетом у народа, приобретают возможность переходить в имена прецедентные, т.е. такие имена нарицательные, которые уже не способны выполнять функцию индивидуализации объекта (человека, места, учреждения и т.д.), но нагружены эмоционально-экспрессивной (и оценочной) функцией.

1.2. Понятие «прецедентное имя» (ПИ)

Прецедент – это поступок в прошлом, который служит примером или оправданием для последующих поступков, случаев того же рода [БАС 1961, Т.11: 316]. В исследованиях прецедентности важное место занимает монография Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая реальность», которая была выпущена в 1987 году. В этой работе автор рассмотрел лексемы, фразеологизмы, высказывания, тексты, невербальные феномены (произведения архитектуры, живописи и др.) как

единицы сферы прецедентности. Разделяя мнение Ю.Н. Караулова, Е.А. Нахимова считает, что к сфере прецедентности относят готовые интеллектуально-эмоциональные блоки, которые значимы для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, которые хорошо известны в обществе и постоянно используются в коммуникации [Нахимова 2018: 41]. Прецедентность связана с познавательной способностью и эмоциями группы людей и активизируется в конкретной коммуникативной ситуации. Прецедентные феномены обычно изучаются с позиций прагматической и когнитивной значимости их реализации в процессе непосредственной коммуникации [Там же: 41-42]. В теории прецедентности классически выделяются прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание и прецедентное имя, которые обобщенно называются прецедентными феноменами [Захаренко, Красных, 1997]. Для того чтобы достичь цели коммуникации при использовании прецедентного феномена, обе стороны общения должны иметь соответствующие культурные, общественно-исторические фоновые знания (например, аллюзии, высказывания из художественных произведений, познания в музыке и т.д.), которые можно называть инвариантом восприятия прецедентного феномена.

Инвариант восприятия прецедента является «общим для всех членов данного культурного сообщества, включающим национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде» [Там же: 84]. Рассмотрим следующий пример: в древнем Китае жил талантливый поэт и художник Ли Юй (937-978), являвшийся последним императором династии Наньтана. Несмотря на то что он был одним из самых известных поэтов в Китае и оставил после своей смерти много отличных работ, ныне включенных в учебники, никто не забыл об отсутствии у него способностей управлять государством, поэтому ему дали имя 李后主 (Ли Хойчжу), т.е. 'последний хозяин страны'. Общенациональный инвариант представления о Ли Юй – бездарный политик, потерявший свое государство. Из этого можно сделать вывод, что китайский народ прежде всего ценит в правителе способность управлять государством, а не

творческие способности. Имя собственное *Ли Юй* становится прецедентным, потому что инвариантное представление о нем хранится в национально-культурном сообществе и реализуется при употреблении данного имени. Благодаря наличию инварианта восприятия прецедентного имени мы можем отличать прецедентное имя от имени непрецедентного.

Под прецедентным именем (далее ПИ) в узком смысле слова понимается личное имя, связанное с известной личностью, персонажем [Высоцкая 2013: 119]. Известно, что среди ИС выделяются антропонимы, топонимы, зоонимы, фитонимы, хрематонимы, хрониномы и т.д. Антропоним представляет собой особую функционально-семантическую категорию имен существительных, которая используется «для выделения и идентификации определенных денотатов действительности, а именно людей» [Шенкнехт 2008: 260]. Можно считать, что прецедентный антропоним является основным видом существования ПИ. У истоков ПИ обычно стоят религия (*Иисус, Адам, Ева, Иуда*), мифология (*Афина, Зевс, Эдип*), народная и авторская сказка (*Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Золушка, Буратино, Чебурашка*), художественные произведения (*Анна Каренина, Плюшкин, Тартюф, Обломов, Печорин*), история (*Иван Грозный, Петр Первый, Наполеон*), политика (*Дэн Сяопин, Трамп, Уго Чавес*). По мнению А.В. Суперанской, антропоним представляет собой ядро ономастики: именно антропоним предлагает «чрезвычайно сложный спектр категорий имен» [Суперанская 2007: 174], в которых отражается история человеческой культуры, психические особенности представителей разных поколений и многое другое. В то же время антропоним дает характеристику эпохе, отражает происходящие в то или иное время общественные изменения. Например, на начальном этапе исполнения государственной политики «Реформа и открытость» (кит. 改革开放) в Китае (конец 70 – начало 80 гг. 20 века) многие новорожденные получили такие имена собственные, как 改革 – *Гайгэ* ('реформа') и 开放 – *Кайфан* ('открытость').

ПИ не является отдельным классом в ряду имен собственных, но с момента

своего появления и до сих пор оно непрерывно привлекает внимание лингвистов (Д.Б. Гудков, В.И. Захаренко, В.В. Красных, Е.А. Нахимова, Е.С. Отин, Ю.Е. Прохоров и др.). Д.Б. Гудков полагает, что прецедентное имя отождествляет индивидуальное имя с широко известным текстом или ситуацией. ПИ выступает как имя-символ и указывает на некоторую эталонную совокупность определенных качеств [Гудков 2003: 108]. В.В. Красных разделяет точку зрения Д.Б. Гудкова и отмечает, что ПИ представляет собой сложный знак, который апеллирует «к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных 2002: 48] при коммуникации. Мнение Е.А. Нахимовой полностью совпадает с мнением Д.Б. Гудкова и В.В. Красных, при этом исследователь добавляет, что имена прецедентные репрезентируют ментально-вербальные единицы (прецедентные концепты), использующиеся для «представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов» [Нахимова 2011: 6]. Прецедентность представляет качество, которое свойственно именам и не зависит от способа их употребления, поэтому ПИ хранит и передает информацию для индивидуализации или идентификации объекта, а также содержит коннотации (культурные, эмоционально-экспрессивные, оценочные и т.д.), воплощаемые в конкретных контекстах.

Прецедентные имена как имена собственные, приобретающие коннотации в культуре социума, выполняют не только свою изначальную функцию – функцию индивидуализации, но и вторичные функции: экспрессивно-оценочную (В.Н. Бызылев, О.А. Ворожцова, Д.Б. Гудков, Ю.А. Гунько, Е.В. Михайлова, Е.С. Отин, А.А. Филинский), людическую, связанную с игрой языкового знака (Г.Г. Слышкин, М.В. Терских), моделирующую (Е.А. Нахимова), символическую (Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных,), парольную (Д.Б. Гудков) и др.

ПИ имеет определенную структуру, ядро которой формируют дифференциальные признаки, а периферию – атрибуты. В работе «Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов»

схематически представлена структура ПИ [Захаренко, Красных 1997: 89]:

Схема 2. Структура прецедентного имени

В данной схеме дифференциальные признаки как ядро структуры ПИ включают в себя внешность, характер носителя ПИ и прецедентную ситуацию, с ним связанную. Хорошим примером этому служит имя собственное *Наполеон*: внешне Наполеон был невысокого роста, по характеру – человеком с амбициями, обладавшим военным талантом, по прецедентной ситуации – великим полководцем, имевшим грандиозные планы, но сосланным на отдаленный остров после поражения в Ватерлоо и ставшим изгоем. Атрибут тесно связан «с означаемым ПИ, но не является необходимым для его сигнификации» [Там же: 90], например, туфли Золушки, длинный нос Буратино, большие уши Чебурашки, медный таз Дон Кихота и т.д. Атрибуты – внешние характеристики, принадлежащие денотату и выполняющие идентифицирующую функцию. В процессе коммуникации атрибуты помогают осуществлять апелляцию к ПИ.

Прецедентное имя в качестве имени собственного обладает способностью указывать на денотат, называть предмет, оно одновременно служит означающим прецедентной ситуации и способом обращения к прецедентному тексту, поэтому можно считать, что ПИ выполняет функцию символа. ПИ выделяется из прецедентного текста (*Дон Кихот*, *Тартюф*, *Фа Мулан*, *Чебурашка* и др.), прецедентной ситуации (*Ньютон*, *Сусанин*, *Сноуден*, *Троянский конь* и др.), вместе с прецедентным высказыванием является вербальным прецедентным феноменом. Только вербальные прецедентные феномены могут реально участвовать в процессе коммуникации, а вербализуемые – прецедентный текст и

прецедентная ситуация – актуализируются через вербальные. «Обращение к ПТ и ПС происходит, как правило, через их символы, в роли которых обычно выступают ПВ и ПИ, а сами ПТ и ПС являются феноменами скорее собственно когнитивного, нежели лингвистического плана, поскольку хранятся в сознании носителей языка в виде инвариантов восприятия» [Гудков 1999: 29]. Прецедентное имя и прецедентное высказывание, существующие в сознании адресанта в виде инварианта восприятия, служат символами других феноменов. При употреблении ПИ как слова-символа прежде всего обращаются к его дифференциальным признакам (например, *Белоснежка* – красота и доброта, *Баба-Яга* – уродливость и зло). При этом отсутствует необходимость в каком-либо комментарии по поводу имени или ситуации, потому что слово-символ несет в себе достаточный объем информации для того, чтобы реализовать скрытый смысл, вложенный в него говорящим. ПИ отличается от обычного апеллятива обязательной эмоциональным прагматическим компонентом, являющимся ядром его значения, что позволяет говорящему использовать его как эмоционально окрашенный знак с высоким аксиологическим потенциалом (к выражаемому делу или факту действительности), в котором выражены исторические и культурные ценности социума, поэтому анализ функционирования ПИ в текстах, особенно в текстах СМИ, позволяет изучить современную культуру народа, направление развития языка.

Прецедентное имя способно функционировать в качестве средства сохранения национальной культуры, языковой фиксации опыта народа, многое говорит о моделях поведения людей в современном обществе, т.е. может играть роль морально-эстетической нормы. Изучение коннотаций ПИ является продуктивным способом раскрытия и описания национально-культурных особенностей разных эпох человечества, а важный материал для подобных исследований предоставляют СМИ.

2. Прецедентное имя в системе precedentного феномена (ПФ)

2.1. Употребление ПФ в текстах СМИ

По мнению Д.Б. Гудкова, precedentные феномены представляют собой «отражение в коллективном сознании precedentов в широком смысле этого слова», они «являются основными компонентами ... общего для всех членов лингвокультурного сообщества ядра знаний и представлений» [Гудков 1999: 23]. В.В. Красных указывает, что precedentные феномены «относятся к национальной когнитивной базе (по крайней мере – к ее периферии)» [Красных 2002: 50], являющейся «ядром» национального культурного пространства [Брилева, Вольская 2004: 10-11]. Так, precedentные феномены – это часть концептуального пространства одной культуры, которое является системой представлений и знаний носителя данного языка. ПФ хорошо известны широкому кругу людей, обладают повторяемостью, воспроизводимостью, эталонностью, аксиологичностью и другими характеристиками. Главное преимущество употребления precedentного феномена заключается в том, что из минимального языкового пространства, каковым является ПФ, можно получить максимальный объем информации, сопровождающейся коннотативными оттенками.

Понятие «precedентность» впервые было использовано Ю.Н. Карауловым применительно к тексту. С его точки зрения, precedentные тексты имеют сверхличный характер, для носителей данного языка они значимы и в эмоциональном, и в познавательном отношениях [Караулов 2007: 216]. По мнению Д.Б. Гудкова, сверхличностный характер precedentных феноменов обусловлен тем, что за ними стоят «национально-детерминированные минимизированные представления» [Гудков 1999: 158], которые обладают ярко выраженной оценочностью, т.е. каждый precedent рассматривается как некий образец, эталон оценки. Все названные выше precedentные феномены не изолированы друг от друга. Так, precedentное имя и precedentное высказывание могут служить означающим precedentной ситуации [Красных 2002: 52], например, *Буратино*, *Тартюф*, *Ревизор* и др. В процессе коммуникации

наблюдается многократное обращение к прецедентному тексту через употребление связанных с ним прецедентных высказываний/прецедентных имен.

В современной лингвистике теория прецедентности стремится к расширению, уточнению и детализации традиционной классификации (ПТ, ПС, ПВ, ПИ) [Нахимова 2018: 44]. Некоторые исследователи предлагают новые прецедентные феномены и говорят о прецедентном мире [Слышкин 2000], прецедентном событии, прецедентном знаке, прецедентном стиле, прецедентном названии, прецедентном жанре, прецедентном образе, прецедентном звучании, прецедентной дате, прецедентном изображении [Высоцкая 2013]. Появление этих более точно охарактеризованных вариантов прецедентности обнаруживает существенные нюансы традиционной трактовки прецедентных феноменов, отображает актуальность и перспективы изучения данной области.

Кроме классических художественных произведений, картин, скульптур, фильмов, исторических событий и традиций, источником ПФ служат также фразеологизмы, пословицы, поговорки. Как отмечает И.В. Высоцкая, «фразеологизм соотносится с прецедентным высказыванием, однако не только он может выступать в таком качестве» [Там же: 126]. Наблюдение над статьями журналов, газет, в которых использованы ПФ (в заголовках и/или текстах), позволило установить, что прецедентные феномены функционируют как в первоначальном, так и – чаще – в трансформированном виде. Рассмотрим следующие примеры: *Слово – не воробей, слово – паразит* (РИА Новости, 30.03.2018), *Раздули из гриппа слона* (Известия, 06.02.2020), *Будет лень – будет пицца* (Огонек, № 33, 03.09.2018), *Старость – не гласность, пенсии депутатов и чиновников оставят в тайне* (Коммерсантъ, 17.01.2019), *Отдых пуще неволи* (Известия, 21.02.2020), *На чужой поток не накинешь платок* (Коммерсантъ, 13.01.2020), *Тысяча и одна дочь: как в Средней Азии попадают в сексуальное рабство* (Известия, 16.02.2020), *Бог дал, вирус взял* (Коммерсантъ, 28.03.2020), *Кому в самоизоляции жить хорошо* (Огонек, № 14, 13.04.2020), *Первый год колом* (Коммерсантъ, 21.04.2020), *Мир миром, а обеды по расписанию*

(Коммерсантъ, 09.10.2020), *Долг невыездом красен: граница закрыта для четырех миллионов россиян* (Известия, 14.08.2020) и т.д. Трансформации ПФ активизируют их способность адаптироваться к дискурсу СМИ. Такой способ употребления ПФ объясняется тем, что они находятся в динамическом состоянии и в тесной связи с культурным сообществом.

С точки зрения И.В. Высоцкой, прецедентный феномен представляет собой не только существовавший ранее и широко известный феномен, но и феномен, который образуется «за счет воспроизведения или трансформации прецедентного феномена» [Там же: 118]. В большинстве случаев подвергаются трансформации именно прецедентные высказывания, так как они отличаются динамичностью и изменчивостью по сравнению с другими видами прецедентных феноменов. Прецедентное имя не обладает подобными характеристиками, однако имя собственное в трансформированном ПВ становится точкой приложения коннотации. Например, 1) *Беловежская пуща неволи. Президент Белоруссии Александр Лукашенко фактически обвинил Москву в давлении на республику, конечная цель которого – ее присоединение к России* (Коммерсантъ, 15.02.2020). В данном примере трансформируются сразу два прецедентных феномена: ПИ *Беловежская (пуща)* входит в состав ПВ *Охота пуща неволи* и обозначает белорусскую сторону. Имеет место также паронимическая аттракция *пуща – пуще*. Такое выражение с использованием имени собственного *Беловежская пуща* подразумевает нежелание Лукашенко присоединять Беларусь к РФ; 2) *Карантин Шредингера: как Белоруссия справляется с пандемией, не принимая ограничительных мер* (Коммерсантъ, 25.04.2020). Выражение *карантин Шредингера* происходит от названия известного мыслительного эксперимента, предложенного австрийским физиком Шредингером, – «Кот Шредингера». Из этого эксперимента следует, что кот, находящийся в ящике с радиоактивным элементом и пузырьком яда, одновременно является и живым, и мертвым, поскольку до открытия ящика существуют равные шансы на то, что кот умрет или же выживет. Именно в таком положении находится Беларусь: с одной

стороны, карантин в государстве есть (отмена массовых мероприятий, перевод учебных заведений на дистанционное обучение), с другой стороны, его нет, если судить по официальным выступлениям президента республики. Выражение *карантин Шредингера* образно указывает на нечеткость, неопределенность мер, предпринятых властями Беларуси и, к тому же, намекает на возможный катастрофический результат такого «эксперимента», предложенного белорусским президентом.

Видоизмененные прецедентные феномены обычно известны массовому читателю. Несмотря на их трансформацию, они вполне узнаваемы и сохраняют присущую им эмоционально-экспрессивную и/или аксиологическую окраску. Включение ПФ в тексты СМИ помогает адресанту апеллировать к культурному «багажу» адресата. В дискурсе СМИ трансформированные ПФ делают тексты прагматически интенсивными, позволяют авторам описывать ситуацию образно, выражать индивидуальную (или групповую) точку зрения на определенный вопрос, поддерживать связь со своей аудиторией.

2.2. ПИ как сокращенное представление (имя-символ) ПФ

Имена собственные нередко встречаются во фразеологизмах, загадках, идиомах, поговорках и пословицах (например, *На бедного Макара все шишки валяются*, *Мели Емеля – твоя неделя* и др.), благодаря чему ИС приобретает индивидуальную семантику [Верецагин, Костомаров 2005: 103]. ИС, принадлежащие знаменитым людям (писателям, деятелям искусства, политическим деятелям и др.) и известным персонажам художественных произведений, становятся значимыми. Такие имена собственные не только имеют обычное лексическое значение, но и обладают национально-культурной семантикой, они оказываются прецедентными именами. Определение имени как прецедентного происходит в соответствии с конкретными условиями, индивидуальными предпочтениями и степенью развития лингвокультурного сообщества, имеющего стереотипные представления о группах носителей таких имен. Прецедентное имя обычно представляет собой одну лексему, но есть и

такие случаи, когда оно состоит из двух и более слов, например, *Тартюф в юбке*, *богатенький Буратино*, *бедный Макар* и т.п.

Краткость ПИ не мешает их семантической вариативности, поскольку ПИ относятся к языковому уровню сознания и могут иметь разные означаемые в коллективном сознании сообщества и индивидуальном когнитивном пространстве языковой личности [Гудков 1999: 46]. Прецедентные имена (номинации) «аккумулируют в себе этническую культурную память, способствуют сохранению накопленного данным народом культурного наследия и, таким образом, имеют ярко выраженную лингвокультурологическую ценность» [Эко 2004: 28]. Поэтому коннотативные значения, связанные с одним и тем же известным именем собственным, могут не полностью совпадать в различных лингвокультурах. Приведем в качестве примера имя *Мао Цзэдун*: для китайского народа Мао Цзэдун является великим лидером, защитником бедных и угнетенных и создателем нового Китая, в то время как за пределами Китая (в особенности в западных странах) имя собственное *Мао Цзэдун* ассоциируется с диктаторским режимом.

Прецедентное имя способно выступать в качестве символа – это отличительная особенность его функционирования [Захаренко, Красных 1997: 84]. При этом отсутствует необходимость комментирования имени или ситуации, потому что ПИ как слово-символ несет в себе достаточный объем информации для того, чтобы реализовать скрытый смысл, вложенный в него говорящим. Рассмотрим следующие примеры: 1) *Сделали вывод, что дядя Сэм явно хочет помешать технологическому прогрессу в Китае* (Огонек, 08.10.2018). Известно, что дядя Сэм выступает как имя-символ США (англ. *US – Uncle Sam*). В данном контексте ПИ дядя Сэм метонимически обозначает власти Америки; 2) *Но он (Василий Поленов – Л.Я.) был не только живописцем, а еще и архитектором, декоратором, театральным художником и композитором. За это Поленова называют чуть ли не русским Леонардо* (Коммерсантъ, 20.12.2019). ПИ Леонардо называют гениальных и при этом разносторонне развитых людей, поэтому

Василий Поленов назван «русским Леонардо»; 3) *Команда «Отставить!»: что стоит за переменами на **олимпе** российской власти* (Профиль, 17.01.2020). Олимп здесь обозначает правящие верхи; 4) *Почему пепел **Каддафи** постучал в сердце Макрона* (РИА Новости, 17.10.2020). Бывший президент Франции Саркози брал деньги у Каддафи, а потом сам же устранил диктатора в ходе революции в Ливии. И теперь Макрон перед выбором – вменить ли в вину Саркози давние махинации с Каддафи. В данном контексте Каддафи воспринимается как безвинно пострадавший, «сгоревший» от действий Саркози. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что уподобление определенного человека тому лицу, на которое указывает ПИ, происходит именно на основе стоящего за ним понятия, которое можно обозначить такими абстрактными наименованиями, как *обломовщина*, *маниловщина* и др. Если вербальный прецедентный феномен (прецедентное имя, прецедентное высказывание) не используется в качестве символа другого ПФ, то он функционирует как орнаментальное украшение речи.

Прецедентное имя служит именем-символом прецедентного текста тогда, когда оно апеллирует к какому-либо ПТ. В таком случае ПИ указывает на характеристики (качественные, внешние) обозначаемого на основе связи с прецедентным текстом. Например, 1) *Некоторые представляют, что губернатор – это некий **Буратино**, на которого можно повлиять, как-то его подточить под свои интересы, подрихтовать* (Коммерсантъ, 26.12.2017); 2) *Есть убежденность: если мы пойдем на Запад, то решим все проблемы, найдем там золотой ключик. Я это называю идеологией **Буратино*** (Известия, 13.02.2007); 3) *На такое рассчитывали лишь современники **Буратино** в небызывестной «стране дураков»* (Труд, 01.08.2006). Буратино является главным героем сказки «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А.Н. Толстого, это любопытный, сообразительный мальчишка, который любит приключения, ценит дружбу, взаимовыручку. В то же время он доверчивый и наивный. В вышеуказанных примерах все упомянутые люди получают общее наименование *Буратино* на основе сходства с характером сказочного героя, т.е. Буратино

становится именем-символом человека с наивным характером. Вместо употребления прямой номинации используется вторичная номинация (ПИ) из ПТ для того, чтобы добавить экспрессии и сделать акцент на одной из характеристик носителя данного имени в ПТ.

Прецедентное имя, функционирующее как имя-символ, может апеллировать также к прецедентной ситуации. В процессе коммуникации выбор имени-символа связан с характеристикой некоторой личности, которая обладает «минимальным набором дифференциальных признаков, специфичных для инварианта восприятия ПИ» [Захаренко, Красных 1997: 94], при этом воплощение его значения зависит от контекста и ряда других факторов (например, отношений между собеседниками, индивидуальных мнений и оценок, позиции говорящего и др.). Рассмотрим примеры: 1) *Президента Франции обвиняют* (английские политики – Я.Л.) *в том, что он «Наполеон, а не Шарль де Голль»* (РИА Новости, 08.12.2019). Французский император Наполеон широко известен как талантливый полководец, социальный реформатор, завоеватель. Однако в данном контексте прецедентное имя *Наполеон*, данное английской стороной французскому президенту Э. Макрону, обладает отрицательными коннотациями и используется в значении ‘завоеватель, агрессор’ в противоположность ПИ *Шарль де Голль*; 2) *Вернее, сам-то Макрон и впрямь может верить в то, что способен стать новым де Голлем...* (НГ, 17.02.2020). Шарль де Голль, ставший символом Французского Сопротивления в годы Второй Мировой войны, стремился укрепить международное положение Франции как державы после войны. Прецедентное имя *Шарль де Голль* в основном имеет положительные коннотативные значения – ‘пацифист, решительный и целеустремленный политический деятель’. Таким образом, говорящий выбирает прецедентное имя и его дифференциальный знак (или дифференциальные знаки) в соответствии с целью высказывания, поэтому для обозначения одного и того же человека могут использоваться разные ПИ.

В.В. Красных считает, что ПИ функционирует как символ в том случае,

когда возникает необходимость апеллировать к ПТ и/или ПС (вернее, к инвариантам их восприятия) [Красных 2002: 65]. Символ «заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания» [Философская энциклопедия 1970:10], следовательно, имя-символ представляет собой обобщенный вариант ПТ или ПС. Однако не все прецедентные имена служат символами каких-либо прецедентных ситуаций и/или прецедентных текстов, нередко ПИ относятся к национальному или общечеловеческому уровню прецедентности: *Эйнштейн, Моцарт, Сократ, Петр I* и т.п. Приведем пример: *Не все Моцарты¹, но Моцарт² Моцартом³, а есть и другие* (Огонек, 10.06.2019). Моцарт – великий музыкант, пользующийся широкой известностью во всем мире. Выбор формы множественного числа данного имени (1) для обозначения группы талантливых музыкантов подтверждает его символическое значение. (2) *Моцарт* – это экстенциональное употребление ПИ, (1) и (3) – его интенциональное употребление. Несмотря на то что ПИ функционирует экстенционально или интенционально, оно не теряет своей связи с инвариантным представлением и общекультурным знанием об этом историческом лице. Характеристики данного лица включаются в означаемое ПИ, которое в свою очередь обеспечивает интенциональное употребление прецедентного имени.

Прецедентное имя как сжатый вариант/сокращенный вид другого ПФ указывает на аналогичные ситуации (прецедентные, реальные) простейшим образом, усиливает семантико-когнитивный фон и эксплицирует оценку. ПИ несет в себе историко-культурную информацию, связанную с другим прецедентным феноменом и образующую комплекс признаков (эксплицирующих и дейктических), который позволяет соотнести реальный референт с референтом ПФ. Если говорящий сравнивает вторичный (реальный) референт с признаками первичного референта (референта с прецедентностью), то в речи появляется эмотивно-оценочное значение (коннотативный компонент).

ПИ играет роль прагматической пресуппозиции в момент коммуникации,

поэтому оно должно находиться в когнитивной базе адресата, чтобы обеспечить достижение коммуникативной цели высказывания. С одной стороны, употребление ПИ осложняет процесс восприятия информации, поскольку адресант обращает внимание своей аудитории на связанный с данной ситуацией прецедент, для понимания которого необходимо активизировать ассоциативную память адресата. С другой стороны, ПИ позволяет проецировать непонятное, неизвестное на понятное, известное и в то же время предлагает адресату опорные пункты для раскрытия имплицитного значения обозначаемого.

По мнению Е.С. Отина, в современной лингвистике можно отождествлять прецедентные, метафорические и коннотативные имена [Отин 2006], поскольку все они способствуют возникновению ассоциативных связей с обобщенным комплексом качеств и черт референта, которые сложились и закрепились в когнитивной базе (т.е. совокупности знаний и представлений) сообщества. Для понимания скрытой коннотации означаемого требуется включение имени в соответствующую эпоху, в определенное культурное пространство. Если в сознании аудитории отсутствуют соответствующие фоновые знания (пресуппозиции), то коннотативные значения ПИ реализуются с трудом. Например, *Трам-пам-пам – доллар-чебурашка снова падает* (Профиль, 27.01.2018). Если читатель не знаком с повестью Эдуарда Успенского «Крокодил Гена и его друзья» или не помнит основные характеристики героя Чебурашки, то он не сможет прочувствовать остроумное употребление этого имени в данном контексте и не воспримет тот его смысл, который вложен в заголовок статьи. У имени собственного *Чебурашка* есть своя история. В произведении Э. Успенского Чебурашкой назван неизвестный тропический зверек, который случайно забрался в ящик с апельсинами, уснул там и вместе с ящиком попал во фруктовый магазин в большом городе. Владелец магазина, увидев это неизвестное существо, назвал его Чебурашкой, поскольку зверек, объевшийся апельсинами, постоянно «чебурахался», т.е. падал. ИС *Чебурашка*, представленное в данном контексте как апеллатив (написание со строчной буквы),

подчеркивает неустойчивость валюты США, образно и иронично описывая девальвацию доллара. Так, возникновение коннотации ПИ опирается на сходство с прецедентной ситуацией или текстом, связанной с ПИ. Метафорическое уподобление какого-либо объекта денотату ПИ не является абсолютным, «но актуально только для определенного места, времени, социальной среды» [Гудков 1999: 89].

Таким образом, при употреблении ПИ адресант должен учитывать соотнесение данного имени с замыслом и целью коммуникации, а также возможность его восприятия адресатом (известность), связанную с уровнем владения знаниями и когнитивной базой аудитории. Адресат, в свою очередь, должен обращать внимание на связь ПИ с другими прецедентами (ПТ, ПС, ПВ), чтобы точно понять информацию и распознать коммуникативную цель высказывания. Связь ПИ с другими прецедентными феноменами предварительно определяет сферу культурного взаимодействия производителя речи и слушателя. Например, при упоминании прецедентного имени *Золушка* в сознании человека сразу оживает прецедентный текст, героями которого являются бедная девушка, злая мачеха, злые сестры и прекрасный принц. Адресат информации вспоминает, какую роль играли в сказке хрустальная туфелька, бой часов, карета из тыквы и другие значимые, связанные с ситуацией предметы и признаки. Такие отношения между прецедентными феноменами позволяют синхронизировать знания и представления коммуникантов в целях обеспечения восприятия и интерпретации информации.

Семантическое развитие ПИ и расширение их объема подтверждают актуальность и перспективность их изучения. При этом необходимо обращать внимание и на соответствующие именам прецедентные тексты и прецедентные ситуации, поскольку ПИ является результатом их семантической конденсации, к тому же, граница между ними может быть размытой в сознании адресанта и адресата. ПИ как способ вербализации прецедентного текста и прецедентной ситуации имеет сверхличностный характер, по сути оно является воплощением в

имени собственном присущих ему в культуре коннотаций. В текстах современных СМИ прецедентное имя чаще всего приобретает вторичные коннотации под влиянием изменений, происходящих в национально-лингво-культурном сообществе

3. Прецедентное имя и его вторичные коннотации в СМИ⁵

3.1. Функционирование ПИ на страницах современных СМИ

Уже более 20 лет назад Д.Б. Гудков указал на то, что интенциональное употребление прецедентных имен в текстах СМИ резко возросло [Гудков 1997: 127]. На сегодняшний день его мысль не теряет своей актуальности: привлекательность ПИ для адресантов и адресатов не уменьшается. Тем более, на фоне быстроразвивающихся средств массовой информации прецедентное имя приобретает новые коннотативные значения. Исследование функционирования ПИ на страницах СМИ позволяет выявить прецедентные имена, пользующиеся популярностью в наше время, а также обнаружить диапазон их семантико-прагматического варьирования и, следовательно, отразить изменения когнитивной базы лингвокультурного сообщества данного языкового коллектива.

Выделяются следующие цели употребления ПИ: во-первых, выражение комплекса качеств посредством указания на конкретный объект – эталонный носитель данных качеств; во-вторых, указание на комплекс характеристик, приписываемых определенному объекту; в-третьих, выражение субъективных оценок и создание экспрессивного эффекта [Гудков 1999: 275-276]. В процессе формирования прецедентного имени имена собственные получают дополнительные оттенки значения и становятся оценочным эталоном того или иного действия или феномена, они обогащаются коннотациями, «органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана» [Отин 2006: 11].

Вторичные функции проявляются у ПИ в большей степени, чем у некоторых иных групп субстантивов. Эта гипотеза подтверждает, что объем значения ИС

⁵ При написании раздела использовались материалы статьи автора диссертации: **Ли Яньян**. Прецедентное имя и его вторичные коннотации (на материале современных СМИ) // Мир науки, культуры, образования. 2020, № 3. С. 439-441.

постоянно расширяется в зависимости от варьирования факторов, влияющих на коммуникативные условия, и от самих коммуникантов, поскольку человек предпочитает использовать уже известные ему имена собственные для номинации нового феномена, предмета или ситуации. Поэтому объем значения ПИ увеличивается бесконечно как в синхронии, так и в диахронии, соответственно, сфера его функционирования тоже является безграничной.

Апеллируя к фоновым знаниям, ПИ способны разнообразить речь адресанта, обогатить созданный им текст приращенными смыслами. Означающим ПИ служит национально детерминированное минимизированное представление, означаемое – свойства или характеристики культурного предмета, на который ПИ указывает, это обеспечивает его экстенциональное (для именованного) и интенциональное (для характеристики) употребление [Гудков 1999: 233]. Интенциональное употребление ПИ можно рассматривать как его нестандартное употребление. С точки зрения Д.Б. Гудкова, коннотации ПИ выступают «в качестве составляющих “метафоры” или “сравнения”, служат для употребления или сопоставления разных по своей природе объектов» [Там же: 84]. В таком случае ПИ выполняют характеризующую символическую или моделирующую функцию. Приведем примеры: 1) ***Конфуция** признали смертельным врагом США* (НГ, 13.08.2020). Конфуций является эталонным представителем китайской культуры, в данном контексте это имя не только представляет Китай, но и потенциально указывает на скрытое, но в то же время сильное влияние Китая в США; 2) *Так мы оказались в парадоксальной ситуации, уникальной в мировой истории: у нас дважды за век «обнулились» непохожие друг на друга ценности. У нас «**Титаник**» утонул как бы дважды* (Огонек, № 18, 21.05.2018); 3) *Итак, получается два тотальных (и, по сути, одинаковых) провала вот этой высокопрофессиональной, любимой Уильямом Бернсом американской дипломатии. Не один «**Титаник**», а два* (Огонек, № 46, 25.11.2019). «Титаник» – крупнейшее пассажирское судно начала 20 в. – затонул во время своего первого плавания. В (2) примере «Титаником» метафорически названы утраченные

общечеловеческие ценности, в (3) примере автор статьи сравнивает с «Титаником» провальные стратегии американских дипломатов. Данные контексты показывают, что характеризующая функция ПИ позволяет увеличивать содержательную емкость переданной информации и в то же время воплощать добавочные коннотативные значения в конкретных текстах.

Прецедентное имя, представляющее собой важную часть национальной языковой картины мира или национально-детерминированное минимизированное представление (инвариант восприятия мира), приписывает тому или иному реальному лицу определенные качества. В текстах СМИ нередко встречаются имена собственные из известных художественных произведений, которые воплощают коннотации через прецедентные текстовые реминисценции. Рассмотрим примеры: 1) *Каким будет новорусский Акакий Акакиевич и какую пищу для ума он может предложить. Очевидно, что копит он уже не на новую шинель, а на китайский пуховик – себе, жене и детям. Не для того, чтобы соответствовать, а чтобы не мерзнуть* (ЛГ. 20.05.2009); 2) *Когда молодежь выбирает путь госслужащего, такого акакия акакиевича. Возникает вопрос – почему? Платят хорошо? Нет* (Комсомольская правда, 14.07.2011). Акакий Акакиевич Башмачкин – герой повести Н.В. Гоголя «Шинель», всю жизнь переписывавший бумаги, крайне мало зарабатывавший чиновник. В приведенных примерах ИС *Акакий Акакиевич* обозначает бедно живущих государственных чиновников. Приращение смысла у данного имени базируется на прецедентном гоголевском тексте: Акакий Акакиевич живет бедно, ему даже приходится сократить повседневные расходы, чтобы сшить себе новую шинель, ставшую пределом его собственных мечтаний. ИС *Акакий Акакиевич* приобретает коннотацию ‘бедный чиновник’ и превращается в прецедентное имя, имя-символ определенного круга людей, живущих на нищенскую зарплату и не стремящихся выйти из порочного круга бедности. Но в то же время в данном ПИ выражается сочувствие к таким людям.

Прецедентное имя как любой другой языковой знак характеризуется

асимметрией, «адекватная позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к потребностям конкретной ситуации» [Карцевский 2004: 89]. Так, у одного прецедентного имени может быть несколько коннотаций, которые воплощаются в зависимости от контекстов. Например, 1) *Работали, как **папа Карло**. Конкурс детской и юношеской литературы им. Алексея Толстого проводился в Москве уже в 4-й раз* (ЛГ, 30.05.2012). Персонаж из сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» папа Карло был очень трудолюбивым человеком и всегда усердно трудился. Именно поэтому организаторы конкурса детской и юношеской литературы им. А. Толстого называют так маленьких трудолюбивых конкурсантов; 2) – *Вот говорят «мировая закулиса», «мировая закулиса»... А что хоть это такое? – Ну, это такие люди, которые хотят и все делают так, чтобы ты жил, как выгодно им. Чтобы ты вкалывал как **папа Карло** – а денег тебе будут давать только на самое необходимое* (ЛГ, 26.07.2017). В этом примере воплощается несколько иная характеристика трудолюбивого папы Карло: он жил в крайней бедности; 3) *Признаваться, что ты сам себе злобный **Буратино**, неприятно, но иначе ты не сможешь добиться ничего* (Профиль, 20.10.2014). В сказке Буратино не имеет талантов в какой-либо сфере, поэтому в данном контексте ПИ *Буратино* обозначает бездарного и злобного человека; 4) *Они большие, выбирают кого побогаче, им нужны богатые **буратины*** (Профиль, 08.10.2015). Имя собственное *Буратино* здесь обозначает состоятельного человека, поскольку в сказке А.Толстого Буратино владел золотыми монетами. В подобных случаях прецедентное имя выступает как многозначное, значения которого отличаются друг от друга, в связи с этим правильная интерпретация прецедентного имени зависит от контекста.

Прецедентные имена, обладая коннотациями, представляют собой примеры креативного употребления языкового знака, превращают его в знак-символ, помогают расширить когнитивный кругозор адресатов публицистической информации. Прецедентное имя выступает как средство выражения

субъективной оценки, сформированной под воздействием ценностей, занимающих господствующее место в сознании говорящего. Автор того или иного текста выбирает ПФ из ряда средств, выражающих оценку ситуации и явления, поэтому оценка, которая реализуется с использованием прецедентного имени, не чисто рациональная, а субъективно-эмоциональная. Прецедентное имя реализует неодинаковые коннотации в разных контекстах СМИ и выполняет характеризующую символическую или моделирующую функцию. Исследование функционирования прецедентных имен в текстах СМИ дает возможность исследовать современные тенденции употребления ПИ и выявить те факторы, которые имеют значения для семантико-прагматического развития ПИ.

3.2. Новые коннотации ПИ в текстах современных СМИ

Природа любого языкового знака, в том числе ПИ, «должна быть неизменной и подвижной одновременно» [Карцевский 2004: 85], устойчивая сторона языкового знака проявляется в его денотации, а динамическая сторона, обеспечивающая гибкость языка, – в его коннотации. Именно благодаря своей устойчивости ПИ остается узнаваемым, а его способность постепенно изменяться помогает приспособиться к контексту и приобрести дополнительные смысловые оттенки на основании присущего ему значения или другого ПФ, связанного с ним. Увеличение объема коннотаций ПИ отражает его семантико-прагматическое варьирование в современном социуме, что отражается на страницах современных российских СМИ.

Употребление ПИ в текстах современных СМИ представляет собой интеллектуальную операцию, которая вводит текущее событие или феномен современности в культурный и общеисторический контекст.

Рассмотрим следующие примеры:

1) *Синдром Белоснежки* известен как синдром отказа (речь об отказе семье беженцев в виде на жительство и болезненной реакции детей на это) (Огонек, № 7, 25.02.2020). В русской культуре под «синдромом Белоснежки» подразумеваются разные вещи социально-психологического характера, например, зависть к

молодости, стремление женщины опекать мужчину, но в данном контексте под «синдромом Белоснежки» подразумевается и сема 'отказ' (в «синдроме Белоснежки» – это отказ мужчине в полноценных отношениях), и 'летаргический сон'. Реакция детей на полученный отказ – их полубморочного состояния (комы), что перекликается с сюжетом сказки о Белоснежке, впавшей в летаргический сон. Таким образом, в приведенном контексте активизируются связанные друг с другом параметры данного ПИ – 'отказ' и 'кома'; 2) *Пушкин на карантине. «В кризис открывается окно возможностей», – говорят во всем мире мотивационные спикеры* (Известия, 21.03.2020). Осенью (с 5 сентября по 9 декабря) 1830 г. А.С. Пушкину пришлось оставаться в усадьбе Болдино из-за бушевавшей тогда эпидемии холеры. В течение трех месяцев Пушкин создал много шедевров, и это плодотворное время получает название Болдинская осень. В 2020 г. множество людей оказались в вынужденной самоизоляции из-за COVID-19, как Пушкин почти 200 лет назад. В данном примере ПИ *Пушкин* не только выполняет символическую или характеризующую функцию, но и указывает на неограниченные возможности творчества каждого человека во время карантина;

3) *Возможно, его (Собянина) прямому общению с людьми недостает харизматичности, но и другие возможные кандидаты власти не Фидели Кастро* (Огонек, № 9, 07.03.2017). В данном контексте используется имя собственное легендарного кубинского руководителя Фиделя Кастро, революционера, талантливого политика и оратора. Хотя в непосредственном общении с людьми мэр Москвы Сергей Собянин не демонстрирует, по мнению автора статьи, достаточной харизматичности, его конкуренты в политике вряд ли имеют такие выдающиеся ораторские способности, как у Фиделя Кастро. Здесь имя *Фидель Кастро* употребляется как символ необычайной харизматичности лидера;

4) *Здесь вам не Кадафи – здесь климат иной. 19 января президент России Владимир Путин принял участие в Берлинской конференции по Ливии*

(Коммерсантъ, 20.01.2020). Муаммар Каддафи – революционер и политический деятель, фактический руководитель Ливии в 1969-2011 годах. В данном примере употребление имени собственного *Каддафи* отсылает читателя к напряженной военно-политической ситуации в Ливии времен диктатуры Каддафи. Именно так автор статьи остроумно подчеркивает основные преимущества Берлинской конференции по Ливии – безопасность и демократичность;

5) *Не надо паники, мы не на «Титанике», переживем пандемию* (ЛГ, 25.03.2020). Используя в данном контексте ПИ *Титаник*, автор заметки подчеркивает то, что пандемия коронавируса не является столь страшной и смертоносной, как об этом заявляют СМИ;

6) *Крупный инвестор в первую очередь хочет быть спокоен, что управляющая команда в случае конфликта не превратит фонд в «спящую красавицу»* (Коммерсантъ, 18.09.2019). В данном контексте ПИ *спящая красавица* не употребляется в своем основном значении (‘человек, который спит долго, крепко’ или ‘женщина, которая двигается медлительно’ [Захаренко, Красных 2004: 225]), а приобретает дополнительный смысл и указывает на возможную «заморозку» фонда;

7) *Сейчас же ситуация осложняется большим количеством потенциальных тифозных Мэри* (Известия, 25.05.2020). Мэри Маллон, получившая прозвище Тифозная Мэри, – это первый человек в США, признанный бессимптомным носителем брюшного тифа в 1907 году. В данном контексте прецедентное имя *тифозная Мэри* обозначает бессимптомного носителя и суперраспространителя COVID-19, являющегося потенциальной угрозой в борьбе с коронавирусом. Приведенные примеры показывают, что создатели текстов современных масс-медиа наделяют ПИ новыми коннотативными значениями, обращая внимание читателей на те или иные параметры использованных прецедентных имен.

В прецедентных именах накоплено вековое культурное богатство и содержится традиционный аксиологический потенциал (отношение субъекта к

референту). Особую активность ПИ обретают на страницах СМИ, которые предлагают им простор для семантико-прагматических вариаций. Как пишет Д.Б. Гудков, социальный процесс в России происходит стремительно, под влиянием такого процесса «секуляризация» и «демонизация» ПИ становятся возможными путями трансформации представлений, которые стоят за прецедентным именем [Гудков 1999: 81]. В современном русском языке новое значение ПИ иногда является семантически и/или аксиологически противоположным исходному, например: *А вот Баба-яга делает что хочет, живет без оглядки на общепринятые стандарты и никакому мужчине-хозяину не принадлежит* (Огонек, № 40, 22.10.2018). Так, отрицательный герой русских народных сказок Баба-Яга олицетворяет современную свободную и независимую женщину, а женщина-майор может быть представлена в образе хрупкой Золушки: *Золушка в погонах. В день Победы она* (майор МВД Наталья Щукина – Я.Л.) *шла впереди и задавала ритм, когда с ее ноги слетела туфелька* (Огонек, № 19, 28.05.2018). В данном контексте ПИ *Золушка* не воплощает сложившийся коннотативный стереотип бедной угнетенной девушки, в центре внимания лишь такой вторичный параметр, как потеря туфельки. При этом ситуация с «Золушкой в погонах» имеет с ПИ *Золушка* только данное факультативное сходство, основанное на синекдохе. Следует отметить, что такого рода окказиональная коннотация ПИ не способна стать основой его вторичной семантизации, однако несомненным фактом является фокализация факультативных параметров прецедентной ситуации, которая стоит за ПИ, в определенных контекстных условиях. Есть ядерные коннотативные смыслы ПИ *Золушка* ('трудолюбие', 'покорность' и 'успех'), а есть периферийные. Параметр 'потеря туфельки' относится к периферийному содержанию ПИ, но в данном контексте именно этот параметр показался автору экспрессивно значимым. Приведенные выше примеры демонстрируют определенную тенденцию в развитии современных масс-медиа: авторы статей предпочитают выбирать периферийные, минимально связанные с первоначальным значением слова компоненты, чтобы прирастить смысл и

выразить мнение нестандартным способом.

На страницах СМИ употребление прецедентных имен, особенно антропонимов, обусловлено их функциональной заданностью, т.е. в соответствии с принципом экономии языка они могут передавать максимальный объем актуализированной и/или прогнозируемой информации о субъекте речи, его личной характеристике и деятельности, времени и месте разворачивания связанных с ним событий и фактов. Введение ПИ в текст СМИ является игрой с именем, представляющим группу людей. По мнению Н.И. Клушиной, употребление прецедентных антропонимов в текстах масс-медиа сопровождается двумя основными тенденциями: «экспрессивная игра со словом» и «идеологическое использование антропонима» [Клушина 2002: 53]. Первая тенденция ориентирована на привлечение общественного внимания, в соответствии со второй тенденцией прецедентный антропоним рассматривается как точка приложения оценки, в руках умелых журналистов он становится эффективным инструментом выражения мнения и оценки. В коннотативной системе прецедентное имя является коннотативным означаемым, сутью которого является фрагмент идеологии.

Рассмотрим другой пример: *Сусанин XXI века, он рассчитывал получить с иностранцев более десяти тысяч евро за «переход» границы РФ и Евросоюза на финском участке* (РИА Новости, 03.12.2019). Герой данной заметки, как и легендарный Иван Сусанин, чье минимизированное представление в русской культуре – ‘народный герой в освободительной борьбе против польских интервентов в начале 17 в’, работает в качестве проводника, но на самом деле выводит иностранцев на созданную им самим лжеграницу в лесу Выборгского района с целью заработать легкие деньги. С «Сусанина XXI века» сняты положительные коннотации, связанные в сознании русского человека с Иваном Сусаниным, но на базе основного параметра прецедентной ситуации ‘Сусанин-лжепроводник’ формируется новый смысл, совсем не относящийся к патриотизму и героизму – ‘корыстолюбие, стремление к легкой наживе’. Так,

нестандартное употребление ИС *Сусанин* воплощает новую коннотацию – ‘корыстолюбивый лжепроводник’ – с явно выраженной отрицательной оценкой «героя» XXI века. В данной ситуации ПИ, обладающее положительными коннотациями, приобретает пейоративное значение в тексте масс-медиа, но это не означает, что его денотат теряет «сакральный статус». Именно такое оперирование ПИ помогает приспособиться к требованиям текстов СМИ. Прецедентное имя как средство сохранения культурного наследия, передачи эстетической нормы и выражения субъективной оценки, его изменения в семантике (в результате нестандартного употребления) и функционировании отражают динамику развития лингвокультурного сообщества. Таким образом, ПИ играют роль индикаторов изменений, происходящих в языковом коллективе, и отражают ценностные установки современного общества.

В то же время, благодаря стремительному развитию науки и новых технологий появляются разнообразные каналы распространения информации, включенные в сферу СМИ, например, кино, цифровые медиа, вследствие чего образуются новые источники происхождения ПИ, например, прецедентные феномены из популярных фильмов, телесериалов: *Джеймс Бонд*, *Слуга народа*, *Шерлок*, *Капитан Америка*, *Люди X* и др. В «памяти» ПИ современники могут найти «нечто аналогичное и тем самым правильное судить о современности» [Шмелев 2002: 263]. В текстах масс-медиа «старое» прецедентное имя наделяется новым значением, в то же время в СМИ появляется немало новых прецедентных имен из ИС наших современников (общественно-политических деятелей, актеров, спортсменов и др.), например, *Тропический Трамп* – президент Бразилии Жаир Болсонару (РИА Новости, 19.03.2019), *Украинский Жириновский* – украинский политический деятель Олег Лященко (Огонек, № 45, 26.11.2018), *русский Шерлок* (РИА Новости, 16.02.2020), *русский Джеймс Бонд* (ЛГ, 20.12.2017) и т.д.

ПИ является сокращенной дескрипцией, отличающейся общеизвестностью и широкой воспроизводимостью в речи. С точки зрения М. Кронгауза, имя собственное, сочетающееся с такими прилагательными, как *новый*, *типичный*,

второй, настоящий и т.д., употребляется интенционально, при этом «говорящий проецирует некоему объекту часть свойств известного и говорящему и адресату обладателя данного имени» [Кронгауз 1987: 130]. По мнению О.Е. Фроловой, ПИ функционирует в качестве семантического предиката: в сочетании с определителями *второй, типичный, новый* и т.п. эти предикаты «подразумевают возможность повторного развития тех качеств, которые приписываются субъекту» [Фролова 2006: 32]. Например, 1) *Мишустин никаких глупостей не допустит, Белоусов тоже, у него огромный опыт. А сможет ли кто-то из них стать **российским Дэн Сяопином**, предсказать невозможно, это покажет только будущее* (Коммерсантъ, 22.01.2020). Дэн Сяопин – китайский политический лидер, осуществивший программу модернизации экономики и претворивший в жизнь идею «Реформа и открытость». Он превратил бедный Китай в относительно богатую страну за несколько лет. В данном примере выражение *российский Дэн Сяопин* подчеркивает надежду, которую возлагает общественность на упомянутых политических деятелей, а также их способность возродить экономику страны; 2) *Наталья Водянова – **настоящая Золушка*** (АиФ, 28.02.2017). Наталья Водянова, как Золушка в сказке, из бедной девушки превратилась в успешную фотомodelь и нашла свое счастье в жизни; 3) ***Советский Иван Сусанин*** (Радио Sputnik, 09.06.2020). В примере прецедентное имя *Иван Сусанин* относится к советскому герою Ивану Кузьмичу, который повторил подвиг Ивана Сусанина в истории.

Нестандартное употребление имен собственных подчеркивает те характеристики личности или события, которые являются актуальными в настоящее время или представляются таковыми говорящему. Нередко встречаются антропонимы в сочетании с прилагательными. Целью подобных номинаций является желание именующего подчеркнуть некоторые признаки именуемого. Читатель же имеет возможность прогнозировать личность говорящего и характерные черты именуемого.

ПИ обладает привлекательностью и для читателей, и для авторов статей,

поскольку создает не только экспрессивный, но и комический (юмористический) эффект. Благодаря данной способности оно все чаще встречается в текстах современных СМИ. В большинстве случаев комический эффект от употребления ПИ создается посредством языковой игры, например, паронимическая аттракция, создание окказионального слова и др. При этом созданные окказионализмы также используются для «повышения экспрессивности и аксиологичности высказывания, характерных для печатных СМИ» [Гудков 2018: 15]. Приведем примеры: 1) *Заодно и всем понятен намек, мол, один из кандидатов – наркоман. Выбери: порошок или **порошенкошок*** (РИА Новости, 12.04.2019). Петр Порошенко – экс-президент Украины, *порошок* является разговорным наименованием наркотика. Окказиональное слово-имя *порошенкошок* иронично намекает на то, что кандидат в президенты Украины может употреблять наркотики; 2) *После того, что Мишустин вступил в должность премьера, появляется новое слово **мишустинг*** (Коммерсантъ FM, 05.02.2020). Язык СМИ быстро реагирует на изменения в общественной и политической жизни страны и находит нетривиальные способы обозначения новых понятий. Окказионализм, образованный от имени собственного *Мишустин* по аналогии с образованием герундия в английском языке, описывает новый феномен в политической сфере – неожиданный карьерный рост; 3) ***Люди SARS**: рост числа зараженных зависит от суперраспространителей* (Известия, 25.05.2020). Имя *Люди SARS* уподобляется известному имени *Люди Икс*, обозначающему группу супергероев из серии фантастических фильмов. В данном контексте под именем *Люди SARS* подразумеваются суперраспространители коронавируса, что создает юмористический эффект и смягчает напряженную атмосферу; 4) ***Навальнились** всем миром. Дело пациента клиники Charite ведет к новому кризису в отношениях между Россией и Западом* (Коммерсантъ, 10.09.2020). Во второй половине 2020 г. имя *Алексей Навальный* стало известным на весь мир, а история с ним перерастает в новый системный кризис в отношениях России с Западом. Создание нового слова *навальниться* на основе ИС *Навальный* и его

паронимической аттракции с глаголом *навалиться* указывает на ироничное восприятие серьезного случая с «Берлинским пациентом» авторами текстов СМИ.

Искаженное употребление имен собственных позволяет выражать мнение, требование эвфемистически и в то же время создает юмористический эффект. Такой способ иногда помогает смягчить высказывание, сделать его менее конкретным и резким. Одновременно достигается коммуникативная цель высказывания, необходимые сведения передаются в неагрессивной форме, благодаря чему повышается степень восприятия адресатом информации. Рассмотрим примеры: 1) *Московское метро временно «переименовало» станции «Домодедовская» и «Бабушкинская». На дверях станций разместили стикеры, на которых их названия обозначаются как «ДомаДедовская» и «ДомаБабушкинская», чтобы напомнить жителям столицы о необходимости оставаться дома из-за коронавируса* (ТАСС, 28.03.2020). На фоне угрозы распространения коронавируса руководство Московского метро попросило пожилых людей соблюдать правила самоизоляции – оставаться дома. Новые наименования двух станций метро *ДомаДедовская* и *ДомаБабушкинская* юмористически передают данную просьбу. Подобная «переработка» имени собственного помогает создать комический эффект и наделить высказывание коннотативными смыслами.

Сопоставление актуально употребленного имени собственного, принадлежащего конкретному человеку, предмету или факту действительности, с тем или иным прецедентным именем является одним из способов создания комического эффекта в текстах СМИ, поскольку комический эффект от употребления ПИ также можно получить путем контрастирования реальной и прецедентной ситуаций. Приведем примеры:

1) *Новоизбранный «слуга народа» не забыл законов шоу-бизнеса. И в очередной раз показал, как умеет перехватывать повестку дня* (Коммерсантъ FM, 15.07.2019). В этом примере *слугой народа* назван украинский президент Владимир Зеленский, ранее сыгравший президента Украины в популярном

телесериале «Слуга народа», вследствие чего возникает ироническое сопоставление реального мира и мира вымышленного, сериального;

2) *Кащей* вернулась в Бровары: Пять дней назад в город Бровары под Киевом вернулась из Ливии личная медсестра Каддафи Галина Колотницкая (Известия, 04.03.2011). В данном контексте имя собственное *Кащей* обозначает не бессмертного героя русских волшебных сказок, а медсестру экс-президента Ливии Муаммара Каддафи, носившую в девичестве фамилию Кащей. Использование прецедентного имени в заголовке успешно привлекает внимание читателей к тексту, причем за счет контраста между реальным именем собственным и прецедентным именем создается комический эффект;

3) *«Иван Грозный»* надвигается на американское побережье (РИА Новости, 14.09.2004). Прецедентное имя *Иван Грозный*, употребленное в кавычках, обозначает не известного российского царя Иоанна IV Васильевича, за буйный нрав прозванного впоследствии Грозным, а сильнейший тропический ураган, разрушающий все на своем пути.

В прецедентном имени как одном из средств выражения оценки «всегда можно констатировать присутствие элемента преувеличения, гиперболизма» [Караулов 2007: 222]. Формируя особый класс лексем, оно включает в себя предметное и оценочное значения. Благодаря своему коннотативному (ассоциативному) потенциалу, оно нередко помогает выразить резко отрицательную оценку эвфемистическим путем. При употреблении ПИ в конкретной коммуникативной ситуации на первый план выходят его коннотации, которые могут не полностью совпадать с его прежними, устоявшимися и общеизвестными коннотативными значениями. Прецедентные имена способны соединять индивидуально-авторское и читательское творчество, поэтому сфера их интерпретации и количество их коннотаций безграничны. Как отмечает И.В. Анненкова, наше время должно называть «эпохой “интерпретации готового слова”» [Анненкова 2011: 87]. Распространенность прецедентного имени делает его основой для нестандартного употребления, для создания экспрессивного

эффекта.

Прецедентное имя как результат семантической конденсации прецедентного текста и прецедентной ситуации, обладая сверхличностным характером, находится в тесной связи с когнитивной базой лингвокультурного сообщества. Инновационное (нетривиальное, нестандартное) употребление прецедентных имен в текстах масс-медиа пользуется популярностью среди авторов статей о политике и обществе, хотя это требует дополнительных фоновых знаний и интеллектуальных усилий, т.е. делает процесс восприятия адресатом информации сложным и многоступенчатым. Наше исследование употребления ПИ в текстах СМИ позволяет выявить механизм порождения их новых (окказиональных) коннотативных значений, связанных с ними оценок и факторов их семантико-прагматического развития.

Основные выводы

1. Прецедентное имя выступает в качестве вместилища национальной культуры, языковой фиксации опыта народа. Изучение коннотативного значения ПИ является продуктивным способом раскрытия и описания национально-культурных особенностей представителей той или иной нации в разные периоды времени. Прецедентное имя обычно встречается на страницах СМИ в текстах социальной и политической направленности.

2. Прецедентное имя способно выступать в качестве символа – это отличительная особенность его функционирования. ПИ является результатом семантической конденсации другого прецедентного феномена, к тому же, граница между ними иногда оказывается размытой в сознании адресанта и адресата. ПИ как один из способов вербализации прецедентного текста и прецедентной ситуации носит сверхличностный характер, по сути, оно является воплощением в имени собственном присущих ему в культуре коннотаций.

3. Прецедентное имя выступает как средство выражения субъективной оценки, сформированной под воздействием ценностей, занимающих господствующее место в сознании говорящего. Прецедентное имя реализует

неодинаковые коннотации в разных контекстах и выполняет характеризующую символическую или моделирующую функцию. Особую активность ПИ обретают на страницах СМИ, которые предлагают им простор для семантико-прагматических вариаций. Они способны соединять индивидуально-авторское и читательское творчество, поэтому сфера их интерпретации и количество их коннотаций безграничны.

4. Прецедентное имя находится в тесной связи с когнитивной базой лингвокультурного сообщества, поэтому исследование их новых коннотаций – это путь к открытию и описанию национально-культурных особенностей существования прецедентных имен в определенную эпоху развития социума. В современном русском языке новое значение ПИ иногда является семантически и/или аксиологически противоположным исходному. Исследование употребления прецедентных имен в текстах СМИ дает возможность выявить их новые (оказиональные) коннотативные значения, оценки и факторы семантико-прагматического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык СМИ как никакая иная сфера информационного пространства культуры реагирует на изменения в обществе, фиксируя события разной степени важности, отражает различия во взглядах поколений и существующее социальное разделение, а также противоборство идеологий (мировоззрений, картин мира), что оказывает влияние не только на количественное изменение лексикона, связанное с появлением неологизмов и историзмов, но и на обновление значений существующих единиц языка.

В настоящее время язык СМИ претендует на место литературного языка, что способствует расширению его границ и контингента носителей, а также большей вариативности нормы литературного языка. Язык СМИ опирается скорее на узус, чем на строгую литературную норму, а лексические «новшества» СМИ, насыщенные прагматическими элементами (главное место среди них занимает оценка), легко проникают в разговорную речь, обогащая ее эмоционально-оценочной лексикой. Лексикон языка СМИ существенно превышает объем лексикона других функциональных сфер языка, поскольку СМИ отражают живую речь социума. Основная специфика лексикона языка СМИ состоит в его подвижности, в способности передавать «языковой вкус эпохи» (выражение В. Г. Костомарова). Что касается таких единиц денотативной системы, как абстрактное имя существительное, то в текстах СМИ оно обрастает такими новыми ассоциациями, многие из которых закрепляются в языке, приобретая статус неоконнотаций, но за их фиксацией словари не успевают.

Особое значение для изучения коннотативной системы абстрактного существительного имеет термин «проективный смысл (проектив)» (Л.О. Чернейко), с помощью которого реконструируется ассоциативный ореол абстрактного феномена. Термин «проективный смысл» введен как инструмент описания результата проекции малоизвестного, непонятного X-а на У, являющийся предметом опыта говорящего. В отличие от амбивалентного термина «коннотация», «проективный смысл» принадлежит стоящему за именем

феномену (предмету, идее) и только ему, тогда как коннотацией охватывается и предмет, и его имя. Проективные смыслы абстрактных феноменов извлекаются из сочетаемости их имен. Словосочетания абстрактных имен с дескриптивными прилагательными, глаголами наблюдаемых действий и состояний и предметными именами прочно стоят на тех образах абстрактного феномена, которые, хоть и вошли в узус, в словарях не зафиксированы (*Свобода на нас обрушилась*).

Прилагательное цветообозначения, будучи дескриптивным, отображает перцептивно воспринимаемые свойства предмета, преломленные сознанием носителя той или иной культуры. «Цветовые» субстантивно-адъективные синтагмы (как узуальные, например, *белая экономика*, так и окказиональные, *белая халатность*), включающие в качестве опорного компонента абстрактное имя существительное, позволяют через символику цветообозначений раскрыть особенности «переживания» (осмысления и оценки) значимого для социума абстрактного феномена.

В текстах СМИ, особенно тех, которые касаются политической, экономической и социальной сфер, часто встречается нестандартное сочетание АИ с глаголами физического действия, причем сдвиг в сочетаемости основан на сдвиге в ассоциативном ореоле абстрактной сущности, поскольку новый смысл проявляется только через его материальное выражение (в речи говорящего), которым и является словосочетание. Глаголы физического действия (как и прилагательные) при АИ проявляют новые ассоциативные смыслы стоящего за ним абстрактного феномена, что влечет за собой изменение ассоциативного ореола АИ, свидетельствующее о гибкости лексикона не только в его денотативном аспекте, но и в коннотативном, прагматическом, отображающем вкусы эпохи.

Предметное имя, употребленное в качестве коннотатора, наделяет АИ чувственно воспринимаемыми признаками, расширяя его коннотативную (фразеологическую) парадигму. Вместе с абстрактным субстантивом предметное имя создает генитивную метафору когнитивного типа (*стена непонимания, почва*

расизма, пена ненависти), где абстрактное имя является основным субъектом, а предметное имя – вспомогательным. Прагматические компоненты, выделенные из такого типа метафорического сочетания, будучи вариативными и при этом совместимыми, и создают коннотативную (фразеологическую, по В.Г. Гаку) парадигму АИ, периферия которой – окказиональные ассоциативные смыслы, являющиеся результатом прагматической деривации и заполняющие пространство текстов СМИ.

Аббревиация рассматривается в работе как особый способ образования вторичного языкового знака, отличный от того, что традиционно охватывается термином «деривация», поскольку аббревиация не служит целям номинации необходимых социуму предметов или идей, заполняющей лексические лакуны, а является средством сжатия, компрессии уже существующего в языке воспроизводимого, но «длинного» аналитического обозначения референта, в чем проявляется присущий языку механизм «экономии» (И.А. Бодуэн де Куртенэ). Таким образом, существенное отличие аббревиатуры как результата компрессии имеющегося в языке обозначения от деривации (словообразовательной и/или внутрисловной) заключается в том, что деривация имеет цель в номинации, тогда как аббревиация – причину: это «длинная» номинация референта, которую трудно использовать в коммуникации, что обуславливает необходимость ее компрессии.

Традиционное представление об аббревиатуре как о метазнаке, вторичном по отношению к производящей основе и несамостоятельном, расшатывается ее экспрессивной функцией, которая оказывается для СМИ приоритетной. Аббревиатура как знак-компрессив в эпоху информационного бума никуда не исчезнет еще и потому, что в текстах СМИ она активно участвует в языковой игре на основе окказиональных ассоциативных смыслов (*Баба-ЕГЭ, ПРОтив, уччасть*). В основе языковой игры с аббревиатурами лежит механизм паронимической аттракции, создающий в письменных публицистических текстах «ложные этимологии» на базе паронимической аттракции, сближающей аббревиатуру с тем или иным оценочным словом, что разрушает линейность

слова, но придает ей объем аксиологического суждения. Если оценочные коннотации специально созданной аббревиатуры служат замыслу говорящего и выражают оценку референта (*креакл*), то стилистические коннотации номинативных аббревиатур, возникающие как побочные эффекты (эпифеномены) неблагозвучности (*недобр*, *шкраб*) и/или нежелательных ассоциаций с уже существующими словами (*ГИПС*, *МУДО*), вызывают беспокойство не только филологов, но и людей, имеющих языковое чутье и языковой вкус. На создателях аббревиатур лежит ответственность за экологию литературного языка и русской речи, поскольку аббревиатуры являются одним из таких пластов лексики, который (наряду с заимствованиями) обращает на себя внимание носителей языка и провоцирует их рефлексию, направленную на языковой знак, что и выражается в метаоценках.

Прецедентное имя (ПИ), возникшее на базе вторичной функции имени собственного, существует в культуре как символ значимых для нее ценностей (и антиценностей) и выполняет не индивидуализирующую, а обобщающую и аксиологически окрашенную функцию. ПИ представляет собой эффективный способ раскрытия и описания национально-культурных особенностей представителей той или иной нации в разные периоды времени. Изучение коннотативного значения ПИ, а также широко представленных в СМИ его окказиональных ассоциаций позволяет говорить о дополнительной функции этого исторически вторичного, но теоретически самостоятельного знака. Прецедентное имя выступает как средство выражения субъективной оценки, сформированной под воздействием ценностей, занимающих господствующее место в сознании говорящего. Особую активность ПИ обретают на страницах СМИ, которые предлагают им простор для семантико-прагматических вариаций. Апеллируя к фоновым знаниям, прецедентные имена способны разнообразить речь адресанта, обогатить созданный им текст приращенными смыслами. Они могут соединять индивидуально-авторское и читательское творчество, поэтому сфера их

интерпретации и количество их коннотаций представляются безграничными и практически мало предсказуемыми.

Нестандартное употребление ПИ подчеркивает те характеристики личности или события, которые являются актуальными в настоящее время или представляются таковыми говорящему. Прецедентные имена, обладая новыми коннотациями, представляют собой примеры креативного употребления языкового знака, раскрывают его скрытые стороны и широкие возможности стать новым символом, помогают расширить когнитивный кругозор адресатов публицистической информации.

Исследование ассоциативных смыслов абстрактных имен, аббревиатур и прецедентных имен на материале современных российских СМИ позволяет сделать общее для этих разных типов языковых знаков заключение: неоконнотации по-разному влияют на разные по семиотическому статусу лексические единицы – в АИ изменяется ассоциативный ореол, аббревиатуры получают статус самостоятельной лексической единицы, находящейся в синонимических (стилистических) отношениях с производящей базой, а ПИ изменяют свою семантико-прагматическую структуру, приобретая вторичные смыслы и развивая тем самым неоднозначность.

Ассоциативные смыслы знаков отражают не только понимание стоящих за ними фрагментов действительности, но и их оценку (в СМИ, как правило, пейоративную). Закрепившаяся в языке (воспроизводимая) ассоциация становится коннотацией знака, свойственной определенному периоду развития общества. Как есть «ключевые слова момента», так же есть и его ключевые коннотации. Но коннотации знака (АИ, ПИ) рекрутируются из его окказиональных употреблений, нестандартных контекстов, которые свидетельствуют о переосмыслении традиционных коннотаций и о появлении неоконнотаций. Изучение поведения выбранных типов имен существительных в текстах СМИ, дающих широкий простор для креативности говорящего, откликающегося на важные события современности, а также для выражения

определенной идеологической позиции, позволяют сделать общий вывод о значимости эмоциональной функции языка в текстовом пространстве масс-медиа, которое даже такой вторичный знак, как аббревиатура, делает самостоятельным языковым знаком и дает возможность проявиться новым ассоциациям АИ и ПИ (особенно АИ, у которых есть «валентность на интерпретацию»). Термины «ассоциация» и «коннотация», которые являются традиционными, в когнитивной лингвистике получают особый вес, поскольку за ними стоит знание особого типа – это представление, а для СМИ – это субъективные мнения, из которых складывается не логическая, а мифлогическая (в своей основе чувственная) картина мира, свидетельствующая о мироощущении социума, на которое реагируют авторы СМИ. Важным для когнитивного направления является и термин «проекция», указывающий на неравное когнитивное положение абстрактного и конкретного, неизвестного и известного, а именно на подчинение первого второму.

Коннотативная система, с одной стороны, помогает адресанту выражать свое мнение (это отношение к лицу, предмету или ситуации) через употребление знаков денотативной системы с актуализацией их латентных значений и аксиологического потенциала, а с другой стороны, помогает адресату обрести навык восприятия дополнительной информации, сопутствующей знаку в его основном значении. Коннотативная система лексики находится в динамическом состоянии, поскольку тесно связана с социокультурным контекстом, что отражается в текстах современных российских СМИ, а динамика этой системы определяет перспективу ее изучения и значимость проведенного исследования для лингвистики речи.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Статьи и монографии

1. Александрова Т.Н. Новые абстрактные имена существительные как индикатор изменений в концептосфере русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2010. С. 806-807.
2. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке. М.: Либроком, 2010. 346с.
3. Алиева Г.Н. Аббревиатуры должны быть краткими и благозвучными // Русская речь. 2004. № 1. С. 54-56.
4. Аникина Т.Е. К проблеме перевода имен собственных // Университетское переводоведение. Вып. 1. Материалы 1 Всероссийской научной конференции «Федоровские чтения». СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. С. 19-22.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1: Лексическая семантика. М.: Восточная литература, 1995. 472 с.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Восточная литература, 1995. 767 с.
7. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
8. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990. 300 с.
9. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 374 с.
10. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Серия литературы и языка. Том 37. № 4. 1978. С. 333-343.
11. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: ЯРК, 1999. 896 с.
12. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
13. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001а. 392 с.
14. Барлас Л.Г. Русский язык. Стилистика. Пособие для учителей. М.: «Просвещение», 1978. 256 с.

15. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 114-163.
16. Барт. Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 616 с.
17. Барт Р. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. 536 с.
18. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 292 с.
19. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. Лит., 1975. 502 с.
20. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1972. 209 с.
21. Бессарабова Н.Д. Изобразительные и выразительные возможности метафор в газетно-публицистической речи. Дис. канд. филол. наук. М., 1985. 225 с.
22. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 606 с.
23. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С.153-172.
24. Бодуэн И.А. де Куртенэ «Избранные труды по общему языкознанию» Том I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 385 с.
25. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. М.: Воениздат, 1972. 320 с.
26. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. СПб.: Златоуст, 2006. 66 с.
27. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
28. Вартаньян Э.А. Путешествие в слово. М.: Просвещение, 1982. 223 с.
29. Василевич А.П. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
30. Васильева Н.В. Собственное имя в мире человека. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 224 с.
31. Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 237-262.

32. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. 416 с.
33. Вейнрих У.О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. С. 168-249.
34. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
35. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60-87.
36. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 613 с.
37. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 304 с.
38. Водолазкин Е.Г. Госкомаббревиатура // Дом и остров, или Инструмент языка. М.: АСТ, 2019. С. 242-251.
39. Волков А.А. Язык и мышление. М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
40. Володина М.Н. Язык средств массовой информации. М.: Академический Проект, 2008. 760 с.
41. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1977. 200 с.
42. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 280 с.
43. Высоцкая И.В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1. С. 117-137.
44. Гальперин И.Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 9. М.: Прогресс, 1980. С. 5-39.
45. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. М.: НЛО, 1996. 352 с.
46. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952. 336 с.
47. Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. Т.2. М.: Правда, 1975. 397 с.
48. Говердовский В.И. История понятия коннотации // Филологические науки. 1979. № 2. С. 83-86.
49. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 71-79.

50. Григорьева Т.В. Перцептивная оппозиция в русском языке как способ оценочной категоризации действительности. АДД. БГУ. Уфа, 2019. 38 с.
51. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: МГУ, 1999. 152 с.
52. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ГНОЗИС, 2003. 288 с.
53. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 285 с.
54. Денисенко М.В. Коннотативные/ассоциативные компоненты значения прилагательного «серый» // Вестник КемГУ. № 4 (56). Т.1. 2013. С. 156-160.
55. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
56. Добросклонская Т.Г. Язык политического медиадискурса Великобритании и США // Язык СМИ и политика. М.: Издательство МГУ, 2012. С.741-785.
57. Добросклонская Т.Г. Моделирование информационных процессов в современном медиапространстве // Вестник московского университета. Серия. 10. Журналистика. 2015. № 4. С. 3-15.
58. Долинский В.А. Теория ассоциативных полей в квантитативной лингвистике. М.: Тезаурус, 2012. 512 с.
59. Долинский В.А. Исследование вербальных ассоциативных полей: диахронический аспект // Вестник МГЛУ: Гуманитарные науки. Вып. 11 (827). 2019. С. 41-59.
60. Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003. 448 с.
61. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
62. Еськова Н.А. Варварская аббревиатура // Наука и жизнь. 2000. № 5. С. 38.
63. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып.1. М.: «Филология», 1997. С. 82-103.

64. Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. М.: Изд. Московского университета, 1999. 300 с.
65. Земская Е.А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
66. Земская Е.А. Аббревиация как средство экспрессии // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских: семантика и функционирование. Томск: ТГУ, 1994. С. 50-54.
67. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Язык русской культуры, 2000. С. 90-140.
68. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. 688 с.
69. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. 464с.
70. Ильченко Л.М. Компрессивное словообразование как один из способов реализации принципа языковой экономии: дис. канд. филол. наук. Пятигорск, 1994. 190 с.
71. Иомдин Б.Л. Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 517-612.
72. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Band 6. С.191-210.
73. Казак М.Ю. Язык газеты: учеб. Пособие. Белгород: Белгород, 2012. 118 с.
74. Караулов Ю.Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 15-18.
75. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 263 с.
76. Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
77. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 3. СПб.: Университетская книга, 2002. 398 с.

78. Кезина С.В. Оценочность цветообозначений в русском языке в сопоставлении с другими языками // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гумм. Науки, 2008. № 3. С. 99-107.
79. Клобуков Е.В., Гудилова С.В. Продуктивные типы образования современных русских аббревиатур // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 1. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 17-34.
80. Клобуков Е.В. Универбация в ее отношении к системе способов современного русского словообразования // Язык. Литература. Культура. Вып. 11. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 68-80.
81. Клушина Н.И. Имя собственное на газетной полосе // Русская речь. 2002. № 1. С. 53-56.
82. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.
83. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 456 с.
84. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977. 223 с.
85. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 2012. 464 с.
86. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: КомКнига, 2006. 192 с.
87. Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М.: Аспект Пресс, 2001. 284 с.
88. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М.: Изд. Московского университета, 1971. 267 с.
89. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
90. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высшая Школа, 1989. 215 с.
91. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.
92. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины. М.: Гнозис, 2011. 512 с.

93. Лебедева Н.Г. Символика цвета в русской традиционной культуре // Царскосельские чтения. Том III. Вып. XV. 2011. С. 142-146.
94. Ли Я. Прецедентное имя и его вторичные коннотации (на материале современных СМИ) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3. С. 439-441.
95. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
96. Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Академический проект, 2009. 300 с.
97. Максименко О.И. Новые тенденции аббревиации (на материале русского, английского и немецкого языков). Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т.8. № 1. С. 174-181.
98. Матвеева Т.В. Коннотация // Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 111-112.
99. Морозова М.Н. Взаимодействие антропонимической и нарицательной лексики // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики. М.: Издательство «Наука», 1970. С. 62-69.
100. Музычук Т.Л. Шкрабы из МУДО: аббревиатурные слова в информационном топонимическом пространстве сибирского города // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т.5. № 4. С. 665-672.
101. Муравьева Н.В. Номинационная цепочка в публицистическом тексте // Язык современной публицистики. М.: Наука, 1989. С. 58-75.
102. Нахимова. Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 276 с.
103. Нахимова Е.А. О классификации и дифференции видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. Вып. 1, 2018. С. 41-46.
104. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
105. Никишина С.А. Аббревиатуры: генезис, словообразовательный статус, морфемная структура, тематические группы, употребление и прогнозы // Вестник

Нижевартовского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4. С. 37-47.

106. Николаева Т.М. Качественные прилагательные и отражение “картины мира” // Слав. и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. Вып. 8. М.: «Наука», 1983. С. 235-244.

107. Николаева Т.М. Лингвотекстологические особенности подачи информации в русскоязычных газетах // Встречи этнических культур в зеркале языка. М.: Наука, 2002. С. 293-311.

108. Никонов В.А. Задачи и методы антропоники // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропоники. М.: Издательство «Наука», 1970. С. 33-56.

109. Норлусеян В.С., Варданян М.В. Прагматика метафоры в публицистическом тексте // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т.8. № 3(28). С. 314-316.

110. Панов. М.В. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. 184 с.

111. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2. М.: Язык славянской культуры, 2007. 848 с.

112. Поликарпов А.А., Кукушкина О.В., Виноградова В.И. Компьютерный корпус текстов современной русской газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 319-333.

113. Полякова Е.В. Значение стилистически маркированных единиц в рассказе Г.Х. Манро «Tobermory» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. 1. С. 147-149.

114. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007. 256 с.

115. Радищев А.Н. О человеке, его смертности и бессмертности. СПб: Питер, 2001. 192 с.

116. Рассел Б. Человеческое познание, его сферы и границы. М.: Издательство «Республика», 2000, 464 с.

117. Рахилина Е.В. О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. С. 29-39.
118. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 448 с.
119. Ревзина О.Г. О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М.: Издательство Московского университета, 2001. С. 436-446.
120. Руженцева Н.Б. Когнитивно-стилистические процессы в политическом нарративе популярных печатных СМИ // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 66-74.
121. Ружицкий И.В., Онякова А.Л. Цепочка ассоциаций как лингвометодическая категория // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1(27). С. 186-193.
122. Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1980. 784 с.
123. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 533 с.
124. Санников В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 3-20.
125. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
126. Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра » // Филол. науки. 2004. № 2. С. 79-87.
127. Сковородников А.П. Лингвоцинизмы // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта, 2007. С. 302-303.
128. Сковородников А.П. Экология русского языка. Красноярск: Сиб. Федер. Ун-т, 2016. 388 с.

129. Скребцова Т.Г. Семантика глаголов физического действия в русском языке. СПб., автореферат, 1996. 23 с.
130. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000. 128 с.
131. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Михайлов, 2002. 382 с.
132. Солганик Г.Я. Основы лингвистики речи. М.: Русский язык, 2002. 216 с.
133. Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 13-30.
134. Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. М.: Академия, 2010. 304 с.
135. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. 294 с.
136. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 5-54.
137. Старостин Б.А. Некоторые методологические проблемы теории собственных имен // Имя нарицательное и собственное. М.: Издательство «Наука», 1978. С. 34-42.
138. Стахеева А.В. Аббревиация как словотворчество и языковая игра // Функциональные и этнокультурные аспекты изучения русского языка. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 17-166.
139. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 272 с.
140. Степанов Ю.С. Семиотика. М.: ЛЕНАНД, 2014. 168 с.
141. Стернин И.А. Частность, избыточность и экономия // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1972. С. 13-25.
142. Сулименко Н.Е. Когнитивный аспект семантики русских прилагательных // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (031). 2012. С. 79-91.

143. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 368 с.
144. Суперанская А.В., Подольская Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.
145. Сюнь Цзы Классическая серия синологии: Сюнь Цзы. Шанхай: Шанхайское издательство древней литературы, 2014. 196 с.
146. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141с.
147. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-204.
148. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 4-42.
149. Телия В.Н., Опарина Е.О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2011. С.145-148.
150. Тибилова М.И. Роль современных аббревиатур в формировании языковой картины мира // Языковое образование в диалоге культур: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. С. 59-63.
151. Тибилова М.И. Аббревиатуры-инновации: системно-описательный и лигвопрагматический объект. дис. канд. филол. наук. 2011. Астрахань. 217 с.
152. Тогоева С.И. Новое слово: подходы и проблемы // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. С. 75-101.
153. Токарев Г.В. К вопросу о типологии культурных коннотаций // Филологические науки. 2003. № 3. С. 58-59.
154. Тху Хыонг БеТ хи. Аббревиатуры в языке современных средств массовой информации // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 17-26.

155. Тырыгина В.А. Жанры в информационно-массовом дискурсе. М.: Прометей, 2007. 360 с.
156. Тяпкина Т.М. Вторично-номинативные функции цветообозначений в современном немецком языке. АКД. 2002. 19 с.
157. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М.: ВИНТИ, 1979. С. 142-148.
158. Уфимцева А.А. Лексическое значение. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 240 с.
159. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: Учеб. Пособие Л.: ЛГУ, 1990. 104 с.
160. Фрейд З. Я и Оно. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. 854 с.
161. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984. 175 с.
162. Хамидова А.Х. Медиалингвистика: новая парадигма в изучении языка СМИ // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1. С. 293-299.
163. Чернейко Л.О. Абстрактное имя и система понятий языковой личности // Язык, сознание, коммуникация. М.: «Филология», 1997. Вып. 1. С. 40-51.
164. Чернейко Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. Вып.30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 43-73.
165. Чернейко Л.О. Новые объекты и инструменты лингвистики в свете старых понятий // Лингвистическая полифония: Сборник статей в честь Р.К. Потаповой. М.: ЯСК, 2007. С. 150-183.
166. Чернейко Л.О. Лингвистическая релевантность понятия «концепт» // «Текст. Структура и семантика: доклады X II международной конференции». Т.1. М.: ТВТ Дивизион, 2009. С. 162-175.
167. Чернейко Л.О. Ассиметричный языковой знак в речи: к вопросу о взаимодействии смыслов в разных условиях их реализации // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 2. С. 7-40.

168. Чернейко Л.О. Внутренняя форма слова и ее типология // Исследование по семантике: Межвузовский научный сборник. Посвящается юбилею профессора Р. М. Гайсиной, Вып. 25. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С.174-189.
169. Чернейко Л.О. Грамматика семантики // Памяти А.А. Поликарпова. Сб. статей. Электр. Вар-т. МГУ, 2015. С. 551-556.
170. Чернейко Л.О. Метод как инструмент формирования лингвистического объекта Опубликовано в: Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века, Т.2: Лингвистический анализ на грани методологического срыва. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015 а. С. 37-48.
171. Чернейко Л.О. Лексическая ассимиляция: сфера действия и основания для типологии // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2016. С. 208-227.
172. Чернейко Л.О. Место связанного значения слова в типологии лексических значений и его роль в языке и речи // Язык, сознание, коммуникация. Сб. научных статей, посвященных памяти В.Н. Телия. Вып. 53, 2016 а. С. 346-363.
173. Чернейко Л.О. Аксиологический потенциал аббревиатуры в свете общих проблем оценочной лексики // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ. М.: Фак. журн. МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. С. 118-119.
174. Чернейко Л.О. Как рождается смысл: смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М.: Гнозис, 2017 а. 208 с.
175. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 272с.
176. Чернейко Л.О. Спецкурс для аспирантов «Лингвофилософские проблемы языка». МГУ, 2018 а.

177. Чернейко Л.О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 9-21.
178. Чернейко Л.О., Ли Я. Коннотации непроеизводных прилагательных цвета в аспекте когнитивного анализа их сочетаемости с абстрактными именами существительными // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. № 5. С. 144-164.
179. Чернейко Л.О., Ли Я. Аббревиатура как номинативный и экспрессивный знак в текстах российских СМИ // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. № 3 (200). С. 226-243.
180. Чжоу И, Пекин: Издательство китайской оперы, 2007. 340 с.
181. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
182. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1980. 792 с.
183. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977. 168 с.
184. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
185. Шумарин С.И. Новые тенденции в аббревиации // Русский язык в школе. 2011, № 6. С. 85-91.
186. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. Л.: ЛГУ, 1958. 182 с.
187. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 430 с.
188. Ямбург Е.А. Что празднуем, мил человек [Электронный ресурс] // Московский Комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/social/2010/09/30/533367-chto-prazdnuem-mil-chelovek.html> (Дата обращения: 15.10.2019).

189. Ярмашевич М.А. Образование и функционирование аббревиатур в газетно-публицистическом и научном стилях (к проблеме соотношения кода и текста): дис. канд. филол. наук. Саратов, 1990. 219 с.
190. Ярмашевич М.А. Особенности образования и функционирования аббревиатур в разных стилях и жанрах речи. Саратов: Изд. Сарат. Ун., 2002. 196 с.
191. Ярмаршевич М.А. Специфика проявления семантического значения аббревиатур в языках различных типов. Саратов: ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2003. 172 с.
192. Ярмашевич М.А. Структура и семантика аббревиатур // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т.13, Вып. 3. С. 3-5.
193. Ярмашевич М.А. Структурные характеристики русских графо-лексических аббревиатур // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т.19, Вып. 3. С. 261-267.

II. Словари

194. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. 608 с.
195. Большая советская энциклопедия. (В 30 томах). Т.3. Бари-Браслет. М.: Советская Энциклопедия, 1970. 640 с.
196. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
197. Бурцева В.В., Семенова Н.М. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 2009. 817 с.
198. Виноградов В.В. История слов. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с.
199. Гальперин И.Р. Большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 863 с.
200. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: Эксмо, 2009. 736 с.

201. Денисова П.Н., Морковкина В.В. Словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Русский язык, 1983. 688 с.
202. Елистратов В.С. Словарь московского аргю. М.: Русское слово, 1994. 699 с.
203. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
204. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
205. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: «РИПОЛ классик», 2008. 296 с.
206. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2007. 840 с.
207. Лейбин В.М. Краткий психоаналитический словарь-справочник. М.: Когито-Центр, 2015. 191 с.
208. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
209. Мюллер В.К. Новый большой Англо-русский словарь. М.: Альта-Принт, 2006. 864 с.
210. Ожегов С.И., Шведова. Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944 с.
211. Оксфордский англо-китайский словарь для продвинутых учеников. Пекин: Коммерческое издательство, 2014. 2658 с.
212. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М., Донецк: А Темп, 2006. 435 с.
213. Синьхуа словарь. Пекин: Коммерческое издательство, 1998. 700 с.
214. Словарь современного русского литературного языка. Т.5. И-К. М. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. 1918 с.
215. Словарь современного русского литературного языка. Т.6. Л-М. М. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 1460 с.
216. Словарь современного русского литературного языка. Т.8. О. М. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. 1840 с.

217. Словарь современного русского литературного языка. Т.11. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. 1842 с.
218. Словарь современного русского литературного языка. Т.16. Со-сям. Л.: издательство Академии Наук СССР, 1963. 1390 с.
219. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1239 с.
220. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Рус. словари, 1994.
221. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 576 с.
222. Харченко В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское (свыше 4000 слов в 8000 контекстах). М.: Изд. лит. ин-та. им. А.М. Горького, 2009. 532 с.
223. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА

АББРЕВИАТУРА Америка бряцает аббревиатурой. Звучные аббревиатуры названий законопроектов и законов – одна из фирменных черт американского политического процесса (Коммерсантъ, 19.12.2019).

АВТОРИТЕТ Украсть авторитет (Коммерсантъ, 12.01.2019); Высокий авторитет (КП, 05.07.2015).

АЛЧНОСТЬ Алчность и зависть движут миром, заставляют его вращаться по своей воле (ЛГ, 28.05.2002).

БАЦИЛЛА На волне критики либеральной бациллы разговор пошел увереннее (Огонек, № 18, 21.05.2018).

БЕЖЕНСТВО Европу заражают беженством (Коммерсантъ, 03.03.2020).

БЕЗОПАСНОСТЬ Подушка безопасности (РГ, 22.04.2020); Готовим зонтик безопасности. В России начались клинические испытания препарата против коронавируса (РГ, 24.05.2020).

БИЗНЕС Белый бизнес (Коммерсантъ, 14.06.2018).

ВИРУС Красный вирус (РИА Новости, 11.04.2020) (О восприятии Коммунистической партии Китая в русле антикитайской идеологии).

ВОЙНА В отношениях двух стратегических партнеров – России и Турции – серьезный кризис. Дело пахнет войной (Коммерсантъ, 10.02.2020); До саммита Большой двадцатки обострение торговой войны между Китаем и США нарастал последовательно и сурово, как снежная лавина (РИА Новости, 03.12.2018).

ВРЕМЯ Не потратил время, а вложил (Огонек, № 13, 06.04.2015); Оказывается, есть даже специальные банки времени, где люди меняют свое время на чужое (Огонек, № 48, 17.12.2018).

ДЕМОКРАТИЯ Государство, похоже, больше не готово даже изображать демократию (Коммерсантъ, 30.12.2019).

ДИПЛОМАТИЯ *Дипломатия, как известно, похожа на сад (Огонек, № 46, 25.11.2019) (Дипломатия как явление абстрактное проецируется на конкретный объект – сад, который создается медленно и за которым нужно ухаживать).*

ДОВЕРИЕ *Мост доверия (Коммерсантъ, 15.07.2019).*

ДОПУЩЕНИЕ *Это фантастическое допущение легко проглатывалось (Эксперт, № 5, 29.01-04.02.2018).*

ДРУЖБА *Мост дружбы (Коммерсантъ FM, 29.06.2020).*

ЖИЗНЬ *Ведь наша жизнь – шарманка (7 дней, № 14, 1-7.04.2002); Зеленая азбука жизни (Коммерсантъ, 06.09.2019).*

ЗАРПЛАТА *СПЧ: россияне столкнулись с уязвимостью серых зарплат (РИА Новости, 04.04.2020); Белая зарплата (Профиль, 28.10.2015).*

ЗЛО *Беда в том, что если мы долго будем рядить зло в милую маску, то мы рискуем забыть о его сути (ЛГ, № 51(6718), 18.12.2019).*

ИЛЛЮЗИЯ *Весь пепел сгоревших иллюзий пригодился мне в профессии (7 дней, № 18, 29.04-05.05.2002).*

ИНЕРЦИЯ *Инерция культуры еще сохраняется, и пока нет абсолютного мракобесия, диалог возможен (Огонек, № 18, 21.05.2018).*

ИНТЕГРАЦИЯ *Зеркало интеграции – СМИ (НГ, 19.05.2019).*

КОНЦЕССИЯ *«Роснано» предложило зеленые концессии для солнечной и ветровой энергетики (Коммерсантъ, 05.04.2018).*

КОРРУПЦИЯ *Ничто не чуждо: как США экспортируют коррупцию на Украину (РИА Новости, 21.12.2019); Оно (Министерство образования) и ЕГЭ придумало, чтоб коррупцию из школ изгнать, и платные занятия (ЛГ, 23.01.2013); Низовая коррупция опасна тем, что создает благоприятный психологический фон для существования остальных ее форм, а также взрачивает вертикальную коррупцию (Коммерсантъ, 13.01.2020); Скорее всего, новые правила только подстегнут коррупцию при выдаче диагностических карт (Профиль, 17.01.2019).*

КРИЗИС *Китай заразит российскую экономику кризисом (НГ, 28.02.2019).*

КУЛЬТУРА *Мировая культура как противоядие (ЛГ, № 13, 01.04.2020); С таким багажом молодому хореографу было предназначено стать «мостом культур» (Коммерсантъ, 01.06.2019).*

ЛИБЕРАЛИЗМ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ *Не дать ей скатиться в болото либерализма и толерантности (Известия, 14.03.2013).*

ЛЮБОВЬ *Эпидемия любви (Коммерсантъ, 24.09.2020).*

МНЕНИЕ *Паутина мнений (Радио Sputnik, 08.02.2018).*

МОЛЧАНИЕ *Ответом на эти вопросы стала стена молчания (Известия, 27.05.2014).*

НАЛИЧНОСТЬ *Черная наличность (Коммерсантъ, 14.03.2019).*

НАСИЛИЕ *Ситуация со «Свидетелями Иеговы» может быть не каким-то изолированным событием, а надводной частью того айсберга насилия в правоохранительных органах, который, к сожалению, по-видимому, здесь есть (Коммерсантъ, 15.08.2019).*

НАСТРОЕНИЕ *Цвет настроения – желтый (Огонек, № 45, 26.11.2018) (О распродажах и акциях, символом которых стали ценники желтого цвета).*

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ *И несправедливость можно было бы пережить, проглотить, как незаслуженную обиду (ЛГ, № 51-52(6537), 24.12.2015).*

НОСТАЛЬГИЯ *Ностальгия бочками (Огонек, № 42, 23.10.2017) (О сборе винограда в советское время).*

ОПЛАТА *Серая оплата (НГ, 21.05.2020).*

ОТНОШЕНИЕ *Еще полгода назад казалось, что Россия и Польша, едва ли не главные антагонисты в современной Европе, наконец получили шанс перезапустить отношения (Коммерсантъ FM, 28.01.2020).*

ПОБЕДА *Крылья победы (РГ, 25.11.2019).*

ПОЛИТИКА *Эстония на старте: к разделу пирога политики приготовиться (РИА Новости, 22.08.2018).*

ПРАВДА *Белая правда (ЛГ. 21.07.2010).*

ПРОГНОЗ *Прогнозы колосятся (Коммерсантъ, 29.05.2020).*

ПРОГРЕСС *Пандемия прогресса* (Огонек, № 9, 10.03.2020); *Сатира и юмор как движители прогресса, университеты страны могли бы больше делать для дискуссионных форм образования студентов* (НГ, 23.12.2019); *Гримасы прогресса* (Огонек, № 1, 15.01.2018).

ПРОДУКЦИЯ *Зеленая продукция* (Огонек, № 7, 25.02.2019).

ПРОТЕСТ *Эпидемия протеста* (Коммерсантъ, 21.02.2020).

ПУТАНИЦА *Черная путаница: почему полиция США не справляется с протестами* (Известия, 31.05.2020) (О протесте негров в Америке).

ПЯТНИЦА *Черная пятница* (Коммерсантъ, 23.11.2017).

РАЗВИТИЕ *Ключи развития* (Коммерсантъ, 03.10.2019).

СЛУХ *Начавшаяся пандемия коронавируса породила «эпидемию слухов» – множество более или менее правдоподобных сообщений высокой общественной значимости, распространяемых через соцсети* (НГ, 10.04.2020).

СОЧУВСТВИЕ *Оскорбить сочувствием* (Огонек, № 12, 30.03.2020).

СПРОС *Доллар подогрел спрос на элитную недвижимость* (Коммерсантъ, 28.12.2019).

СТРАХ *Оранжевые страхи и Красный Октябрь. Само слово «революция» сегодня для Кремля имеет особо остро негативную коннотацию* (Профиль, 11.11.2017).

СУДЬБА *Из ситкома про нелепую войну амбиций сериал стремительно превращается в ромком о грустных неудачниках, попавших под колеса судьбы* (Коммерсантъ, 28.08.2020).

ТЕХОСМОТР *Серый техосмотр* (Коммерсантъ, 01.08.2018) (О продаже диагностических карт без техосмотра автомобиля).

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ *Мир входит в зону турбулентности* (ЛГ, 28.12.2016-03.01.2017).

УГРОЗА *Желтая угроза. При всех разговорах о многополярности, наш мир по-прежнему европоцентричен: он смотрит на опасности глазами европейца* (Огонек, № 11, 23.03.2020) (О потенциальной агрессии азиатских государств).

ХАЛАТНОСТЬ Белая халатность: на Кубани возбуждено первое уголовное дело о невыплате надбавок медикам (РГ, 19.05.2020).

ЭКОНОМИКА Теневая экономика (Коммерсантъ, 08.04.2018); Серая экономика (Профиль, 21.05.2018); Зеленая экономика (Огонек, № 7, 26.02. 2018); Собянин: введение одинаковых мер по коронавирусу во всех регионах прихлопнет экономику (Коммерсантъ, 03.04.2020); Некоторые страны постепенно выходят из карантина и размораживают экономику (Коммерсантъ FM, 16.04.2020); Экономика заправилась шерингом (Коммерсантъ FM, 21.12.2019); Локомотив экономики (Огонек, № 12, 01.04.2013).

ЭКСТАЗ Зеленый экстаз (РИА Новости, 10.12.2019) (О лихорадочной деятельности по охране окружающей среды).

ЭМОЦИЯ Коктейль эмоций (Огонек, № 11, 23.03.2020).

АББРЕВИАТУРЫ

БИНТЛИ – Липкий бинт.

БЮРНЕС – Бюрократия + бизнес (Огонек, № 31, 07.08.2017).

ВУЗ – Выйти удачно замуж.

ГЕЙРОПА – Гей + Европа (НГ, 25.03.2018).

ГИБДД – Гони инспектору бабки и дуй дальше (Четверг, 24.05.2010).

ДАЧСТРОЙ – О строительстве дачи крупному военачальнику (АиФ, 13.03.2013).

ДЗЯО – Договор о запрещении ядерного оружия: *Кто сказал «ДЗЯО»* (Коммерсантъ, 27.10.2020).

ЕГЭ – Единая государственная экзакуция (FLB, 13.06.2013); *Баба-ЕГЭ* (МК, 15.08.2015).

ЕДРО – Единая Россия: *«ЕдРо» – партия крупного капитала* (ЛГ. 29.07.2020).

ЖКХ – Живи как хочешь (АиФ, 11.09.2015).

ЗОЖ – Здоровый образ жизни (Коммерсантъ, 12.01.2020).

ИНН – Идентификационный номер налогоплательщика: *Платежные ИННовации: уже в 2020-м бизнес сможет делать переводы в СБП* (Известия, 26.02.2020).

ИНФОДЕМИЯ – Информация + пандемия (Коммерсантъ, 25.06.2020).

КАРАНТ – Карантин + гарант: *Карант Конституции* (Коммерсантъ, 26.03.2020).

КАРАНТИКУЛЫ – Карантин + каникулы (Коммерсантъ, 21.04.2020).

КОАП – Кодекс об административных правонарушениях: *КоАПайте глубже: новый кодекс грозит разорением малому бизнесу* (Известия, 18.03.2020).

КОВИДИОТ – Коронавирус + идиот (Коммерсантъ, 21.04.2020).

КОВИДНО – Ковид + очевидно: *Ковидно, не сезон. Гостиницы и санатории откладывают возобновление работы* (Коммерсантъ, 25.06.2020).

КОМПАС – Комплекс автоматизированных систем.

КОРОНАПОКАЛИПСИС, КОРОНАГЕДДОН *Коронапокалипсис ... его синоним – «коронагеддон»* (Известия, 28.06.2020).

КРЕАКЛ – Креативный класс (ЛГ, № 8-9, 01.03.2017).

КТО – Контртеррористическая операция: *КТО в лесу не хозяин* (Коммерсантъ, 14.04.2011).

МАК – Межгосударственный авиационный комитет: *Хождение по МАКам* (Коммерсантъ, 27.11.2019).

МАКРАБОТА – Работа в компании «Макдональдс» (Коммерсантъ, 21.03.2007).

МВД – Министерство вышибания денег или Министерство внутренних долгов (The Moscow Post, 30.11.2017).

МЕМПИОНАТ – Мем + чемпионат (Коммерсантъ, 08.07.2018).

МИНЗДРАВ – Министерство здравоохранения: *Будьте Минздравы* (Известия, 03.04.2020).

МИФ – Московский инвестиционный фонд.

МРОТ – Минимальный размер оплаты труда: *Засорили язык бранными словами: «МРОТ», «уровень бедности», «прожиточный минимум»* (Завтра, № 5, 05.02.2020); *МРОТ в мешке* (Коммерсантъ, 27.06.2011).

МУДО – Муниципальное учреждение дополнительного образования.

НАЦБЕСТ – Национальный бестселлер (Известия, 15.07.2017) (Неблагозвучная аббревиатура).

НАЦЦЕЛИ – Национальные цели: *И такие наццели президент поставил в своем майском указе* (Огонек, № 46, 03.12.2018).

НЕБО – Не быть одиноким.

НТВ – Не трогаем власть.

ОЗХО – Организация по запрещению химоружия: *Алексей Навальный углубил рОЗХОждения* (Коммерсантъ, 09.10.2020).

ОРВИ – Острая респираторная вирусная инфекция: *КоронОРВИрус: Московские власти решили считать пациентов с ОРВИ потенциально заразившимися коронавирусом* (Коммерсантъ, 17.04.2020).

ПАСЕ – Парламентская Ассамблея Совета Европы: *ПАСЕешь смех* (РГ, 29.01.2015).

ПЕДОБР – Педагогическое образование.

ПРО – Противоракетная оборона: *Киев не ПРОтив американских радаров* (КП, 03.03.2007); *ПРОходная тема* (Александр Гольц – о том, почему борьба с американской ПРО стала столь важным фактором в отечественной внешней политике) (Огонек, № 12, 01.04.2013).

ПСА – Проверка сведений об абонентах: *На операторов связи спускают ПСА* (Коммерсантъ, 29.01.2020).

РОМКОМ – Романтическая комедия (Огонек, № 27, 10.07.2017) (Данная аббревиатура заимствована из англ. *romantic comedy*, совпадение по звучанию *romcom*).

РПЦ – глумливая аббревиатура (ЛГ, 25.07.2018).

СИЗ – Средства индивидуальной защиты: *оСИЗаемый мир* (Известия,

17.06.2020).

СКА – Петербургский хоккейный клуб: *ПоСКАкали: как петербургский хоккейный клуб обновляет состав* (Известия, 16.05.2020).

СМОМБИ – Смартфон + зомби (Огонек, № 19, 28.05.2018).

СТИХИ – Сибирский тракт и хорошие индивидуальности.

СТОРУБЛИРУЙ – Пришли мне сто рублей (Огонек, № 37, 21.09.2020).

СТРУКРУК – Структурный руководитель (Огонек, № 6, 17.02.2013).

СУЩПОЛ – Существующее положение (Огонек, № 20, 22.05.2017).

СЧСОДун – Сравнительно Честные Способы Отъема Денег у Населения (ЛГ, 23.01.2019).

УЧЧАСТЬ – Учебная часть.

ФАИП – Федеральная адресная инвестиционная программа: *ФАИПанули немножечко: крупные проекты не получили более 200 млрд. рублей* (Известия, 20.02.2020).

ЦВЕТОЧКА – Торговая точка по продаже цветов.

ЭПИДРЕЖИМ – Эпидемиологический режим (РИА Новости, 09.10.2020).

COVIDоносцы – бессимптомные носители COVID (Известия, 26.10.2020).

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ – инертность современного чиновника: *Когда молодежь выбирает путь госслужащего, такого акакия акакиевича. Возникает вопрос – почему? Платят хорошо? Нет* (КП, 14.07.2011).

БАБА-ЯГА – современная независимая и свободная женщина: *А вот Баба-яга делает что хочет, живет без оглядки на общепринятые стандарты и никакому мужчине-хозяину не принадлежит* (Огонек, № 40, 22.10.2018).

БУРАТИНО – злобный и бездарный человек: *Признаваться, что ты сам себе злобный Буратино, неприятно, но иначе ты не сможешь добиться ничего* (Профиль, 20.10.2014).

ДОМАДЕДОВСКАЯ, ДОМАБАБУШКИНСКАЯ (Домодедовская, Бабушкинская) – просьба к пожилым людям оставаться дома: *Московское метро временно «переименовало» станции «Домодедовская» и «Бабушкинская». На дверях станций разместили стикеры, на которых их названия обозначаются как «ДомаДедовская» и «ДомаБабушкинская»* (ТАСС, 28.03.2020).

ДЭН СЯОПИН – влиятельный лидер, способный возродить экономику страны: *А сможет ли кто-то из них стать российским Дэн Сяопином, предсказать невозможно, это покажет только будущее* (Коммерсантъ, 22.01.2020).

ЕРАЛАШ – юмор: *Ералаш уже стал синонимом юмора* (Радио Sputnik, 10.11. 2017).

ЖИРИНОВСКИЙ – политический деятель с ярким характером: *Украинский Жириновский – украинский политический деятель Олег Лященко* (Огонек, № 45, 26.11.2018).

ЗОЛУШКА – женщина-майор: *Золушка в погонах* (Огонек, № 19, 28.05.2018).

ИВАН ГРОЗНЫЙ – сильнейший ураган с Востока: *«Иван Грозный» надвигается на американское побережье* (РИА Новости, 14.09.2004).

КАДДАФИ – 1) страдалец: *Почему пепел Каддафи постучал в сердце Макрона* (РИА Новости, 17.10.2020); 2) военно-политическая ситуация: *Здесь вам не Каддафи – здесь климат иной* (Коммерсантъ, 20.01.2020).

КОНФУЦИЙ – мягкая сила Китая: *Конфуция признали смертельным врагом США* (НГ, 13.08.20).

ЛЮДИ SARS (Люди ИКС) – суперраспространители коронавируса: *Люди SARS: рост числа зараженных зависит от суперраспространителей* (Известия, 25.05.2020).

МЕРТВЫЕ ДУШИ – аккаунты умерших людей в соцсетях: *Эксперт рассказал, что происходит с «мертвыми душами» в соцсетях* (РИА Новости, 04.08.2020).

МИШУСТИНГ (Мишустин) – неожиданный карьерный рост: *После того, что Мишустин вступил в должность премьера, появляется новое слово мишустинг* (Коммерсантъ FM, 05.02.2020).

НАВАЛЬНИТЬСЯ (Навальный) – ироничная ситуация о «Берлинском пациенте»: *Навальнились всем миром. Дело пациента клиники Charite ведет к новому кризису в отношениях между Россией и Западом* (Коммерсантъ, 10.09.2020).

ОЛИМП – правящие верхи: *Команда «Отставить!»: что стоит за переменами на олимпе российской власти* (Профиль, 17.01.2020).

ПЛЮШКИН – люди, которые не выбрасывают лишние вещи и занимаются бессмысленным накопительством: *Синдром Плюшкина: как избавиться от лишних вещей?* (РИА Новости, 16.07.2020).

ПОРОШЕНКОШОК (Порошенко) – экс-президент Украины Порошенко может употреблять наркотики: *Заодно и всем понятен намек, мол, один из кандидатов – наркоман. Выбирай: порошок или порошенкошок* (РИА Новости, 12.04.2019).

ПУШКИН – неограниченные возможности творчества каждого человека: *Пушкин на карантине* (Известия, 21.03.2020).

СЛУГА НАРОДА – украинский президент Владимир Зеленский: *Новоизбранный «слуга народа» не забыл законов шоу-бизнеса. И в очередной раз показал, как умеет перехватывать повестку дня* (Коммерсантъ FM, 15.07.2019).

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА – замороженное состояние фонда: *Крупный инвестор в первую очередь хочет быть спокоен, что управляющая команда в случае конфликта не превратит фонд в «спящую красавицу»* (Коммерсантъ, 18.09.2019).

СУСАНИН – корыстолюбивый лжепроводник, заработок: *Сусанин XXI века, он рассчитывал получить с иностранцев более десяти тысяч евро за «переход» границы РФ и Евросоюза на финском участке* (РИА Новости, 03.12.2019).

ТИТАНИК – полный провал дела, страшная и смертоносная ситуация: *У нас*

дважды за век «обнулились» непохожие друг на друга ценности. У нас «Титаник» утонул как бы дважды (Огонек, № 18, 21.05.2018); Итак, получается два тотальных (и, по сути, одинаковых) провала вот этой высокопрофессиональной, любимой Уильямом Бернсом американской дипломатии. Не один «Титаник», а два (Огонек, № 46, 25.11.2019); Не надо паники, мы не на «Титанике», переживем пандемию (ЛГ, 25.03.2020).

ТИФОЗНАЯ МЭРИ – бессимптомный носитель и суперраспространитель COVID-19: *Сейчас же ситуация осложняется большим количеством потенциальных тифозных Мэри (Известия, 25.05.2020).*

ТРАМП – президент с непредсказуемым характером: *Тропический Трамп – президент Бразилии Жаир Болсонару (РИА Новости, 19.03.2019).*

ФИДЕЛЬ КАСТРО – необычайная харизматичность лидера: *Возможно, его (Собянина – Я.Л.) прямому общению с людьми недостает харизматичности, но и другие возможные кандидаты власти не Фидели Кастро (Огонек, № 9, 07.03.2017).*

ЧЕБУРАШКА – неустойчивость: *Трам-пам-пам – доллар-чебурашка снова падает (Профиль, 27.01.2018).*

ШАРЛЬ де ГОЛЛЬ – решительность и целеустремленность лидера: *Вернее, сам-то Макрон и впрямь может верить в то, что способен стать новым де Голлем (НГ, 17.02.2020).*

ШРЕДИНГЕР – нечеткость, неопределенность: *Карантин Шредингера: как Белоруссия справляется с пандемией, не принимая ограничительных мер (Коммерсантъ, 25.04.2020).*